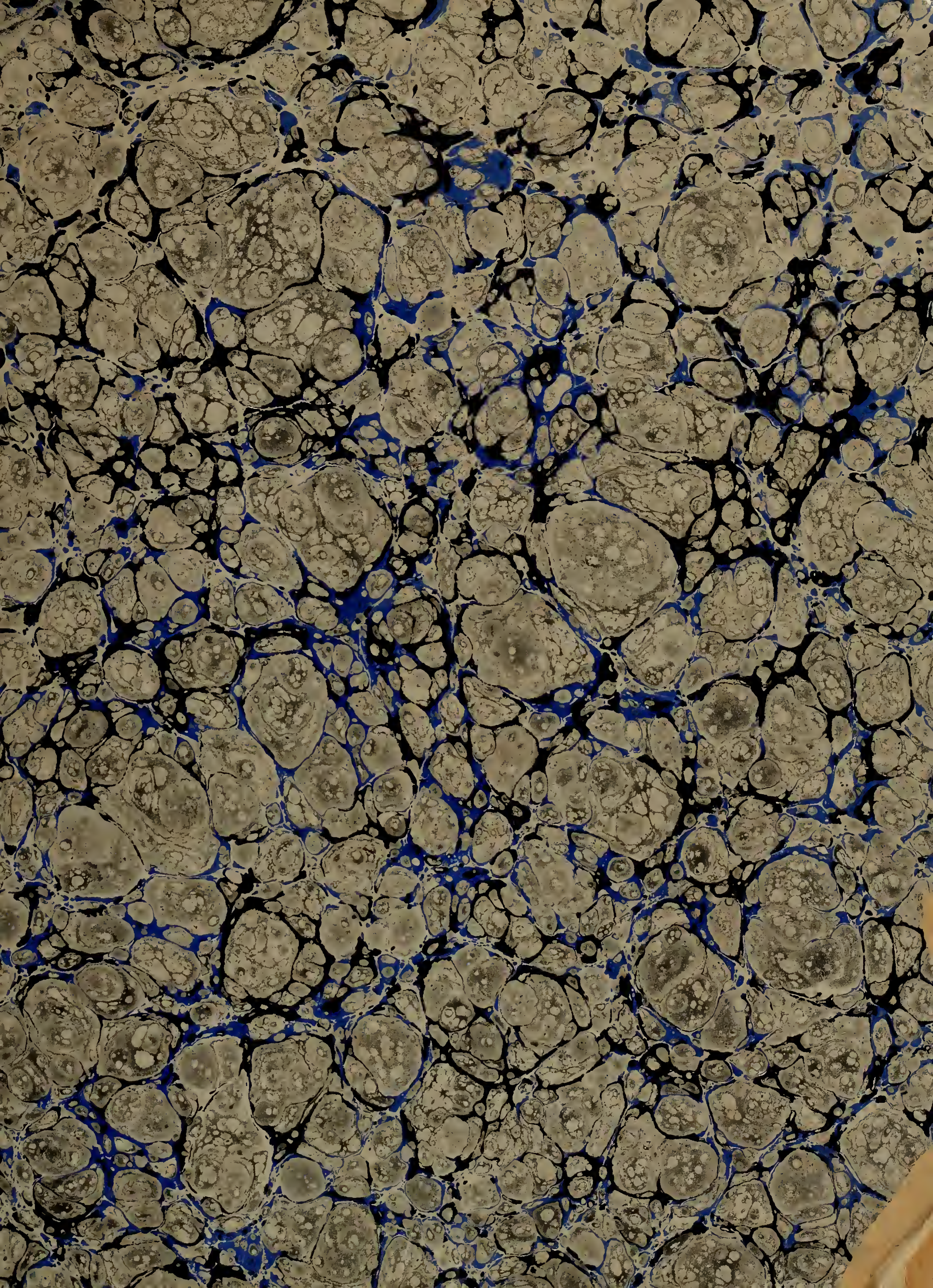
PG
3103
.B8
LIBRARY OF CONGRESS
0001971083A

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION



А. Е. Викторову [illegible] Ф. Буслаев
Моск. 1859 г. мая 20 д.

О НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ

ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

О НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ

ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ Торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета исправляющимъ должность Экстра-Ординарнаго Профессора Русской Словесности,

Ѳ. Буслаевымъ.

12-го января 1859 года.

родною литературою, рукописные памятники которой доселѣ еще не приведены въ общую извѣстность.

Все до сихъ поръ изданное изъ нашей старины, и объясненное, по преимуществу касается, или исторіи Церкви, или государственныхъ и юридическихъ отношеній. Потому и самая литература древней Руси обыкновенно представлялась сосредоточенною только къ немногимъ высшимъ пунктамъ, стоящимъ, по своему, такъ сказать, оффиціальному значенію, выше обыкновенной сферы нравственныхъ интересовъ всей массы народа.

Строго отдѣляя вопросы чисто-литературные отъ всякихъ другихъ, не можемъ мы, въ отношеніи именно литературномъ, искать у какого бы то ни было народа, въ его простомъ, безъискуственномъ быту, ничего другаго кромѣ поэзіи, и тѣмъ болѣе должны мы искать ее у народа Русскаго, одного изъ племенъ Славянскихъ, которыя отъ самой природы такъ счастливо одарены поэтическимъ творчествомъ. Потому вопросъ объ отношеніи народа къ литературѣ приводится въ болѣе опредѣленную форму—объ отношеніи Русской народной поэзіи къ нашей письменности.

Будучи убѣжденъ, что въ тѣхъ памятникахъ нашей литературы по преимуществу выражается во всей полнотѣ жизнь народа, которые наиболѣе проникнуты творчествомъ народной фантазіи, я рѣшаюсь занять ваше вниманіе, Мм. Гг., разсмотрѣніемъ *нѣкоторыхъ поэтическихъ элементовъ нашей древней литературы.*

Поэтическое произведеніе имѣетъ то великое преимущество передъ всякимъ другимъ письменнымъ памятникомъ, что оно способно воспроизводить во всей жизненной полнотѣ характеры, дѣйствія и событія, во всемъ разнообразіи внѣшней обстановки, со всею глубиною и искренностью вѣрованій и убѣжденій. Оно не только рисуетъ передъ нами весь отжившій бытъ, но и вводитъ въ вѣчную, непреходящую область тѣхъ нравственно-художественныхъ идеаловъ, до которыхъ временныя черты дѣйствительности были возведены.

Потому, избирая этотъ предметъ, я имѣлъ въ виду не рѣшеніе спеціальныхъ вопросовъ отвлеченнаго, эстетическаго содержанія, имѣющихъ интересъ для спеціалистовъ, но указаніе на полнѣйшее и всестороннее изученіе древне-русской жизни, на изученіе, обязательное и желанное для всякаго образованнаго Русскаго человѣка. Говорю: только *указаніе*— потому что ни объемъ этого чтенія, опредѣляемый извѣстными границами, ни высокая важность самаго предмета, не позволяютъ мнѣ взять на себя трудную и едва ли исполнимую въ настоящее время задачу—во всей полнотѣ опредѣлить значеніе народной поэзіи въ нашей древней литературѣ.

Я ограничусь только надлежащею—по моему мнѣнію—постановкою самаго вопроса, предложивъ нѣсколько новыхъ данныхъ для опредѣленія того пути, по которому—какъ мнѣ кажется—должно слѣдовать для достиженія болѣе удовлетворительныхъ результатовъ въ рѣшеніи предложеннаго вопроса.

Такъ какъ по заведенному порядку на самомъ Актѣ Университетскомъ прочитываются только выдержки изъ приготовленнаго къ этому случаю изслѣдованія, то я нашелъ возможнымъ войти въ нѣкоторыя подробности, можетъ быть, не безполезныя для науки, которой преподавателемъ имѣю честь быть въ Московскомъ Университетѣ.

Приступая къ самому предмету чтенія, не могу предварительно не изъявить своей радости, что миновало то время, безплодное для изученія народности, когда, съ ироніею и даже съ презрѣніемъ, относились люди—впрочемъ образованные—къ наивнымъ вымысламъ и поэтическимъ суевѣріямъ народнаго воображенія.

I.

Народная поэзія Русская, восходя своими началами къ эпохѣ доисторической, и доселѣ носитъ на себѣ явственные признаки своего миѳологическаго происхожденія, какъ и вообще изустная поэзія всякаго народа. Напротивъ того, наша древная письменность, возникшая въ слѣдствіе потребности водворить христіанскую вѣру, долго держалась характера исключительно церковнаго, сообщившаго свой торжественный тонъ почти всѣмъ произведеніямъ Русской литературы до начала XVIII в. И такъ, эти двѣ области различнаго происхожденія и противоположнаго характера—постоянно ли были во враждебномъ между собою отношеніи, или же находили для себя нейтральную среду, въ которой могли примиряться, взаимно помогая другъ другу въ нравственномъ совершенствованіи русскаго человѣка?

Очевидно, что только при утвердительномъ отвѣтѣ на вторую половину вопроса, возможна мысль не только о поэзіи въ древней нашей письменности, но и объ успѣшномъ вліяніи христіанскаго просвѣщенія на нравственныя силы простаго, неграмотнаго народа. То и другое оказалось возможнымъ только тогда, когда творческій духъ народной фантазіи проникъ въ замкнутое святилище стариннаго грамотника, и—съ другой стороны—когда книжное ученіе низошло до поэтическихъ интересовъ цѣлаго народа.

Эта все примиряющая, благотворная среда—было теплое, искреннее *вѣрованіе*—единственный и самый обильный источникъ всякой поэзіи, въ ея первобытномъ, безсознательномъ, эпическомъ періодѣ. Въ этой примирительной средѣ, безъискуственная поэзія каждаго христіанскаго народа проходитъ три замѣтные періода: миѳологическій, смѣшенный и собственно христіанскій. Въ среднемъ періодѣ, который характеризуется *двоевѣріемъ*, поэзія смѣшенная, или двоевѣрная, служитъ необходимымъ историческимъ переходомъ отъ миѳологической къ собственно христіанской. Но такъ какъ въ устной поэзіи народной и доселѣ явственно присутствуютъ элементы миѳологическіе: такъ какъ и доселѣ творческая фантазія и русскаго, и другихъ христіанскихъ народовъ еще не достаточно очистилась отъ старой, языческой примѣси: то подъ указанными мною тремя періодами скорѣе должно разумѣть моменты въ развитіи народной поэзіи, моменты, которые могутъ существовать одновременно, другъ подлѣ друга. Потому, и въ устной и письменной словесности, поэзія, обыкновенно называемая христіанскою, вѣрнѣе есть поэзія смѣшенная, въ которой органически слились два враждебные элемента, примирившіеся въ одномъ общемъ ихъ средоточіи—въ искреннемъ вѣрованіи.

Въ древне-русской письменности господствуетъ поэзія *двоевѣрная*, или смѣшанная, и христіанская: преимущественно къ этимъ двумъ разрядамъ поэзіи относятся факты, которые намѣреваюсь предъявить Вашему просвѣщенному вниманію. Но чтобъ перейти къ поэзіи въ двухъ уже послѣдующихъ періодахъ, для ясности почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи перваго, то есть, миѳологическаго періода въ исторіи духовнаго развитія народовъ.

1. Изучающимъ сравнительную миѳологію хорошо извѣстно, что еще задолго до принятія христіанства, народы уже проходили по различнымъ степенямъ духовнаго развитія, главнѣйшимъ выраженіемъ котораго была миѳологія, въ ея неразрывной связи съ поэзіею.

Чѣмъ полнѣе и совершеннѣе было это развитіе, тѣмъ совершеннѣе и полнѣе въ духовномъ отношеніи раскрывалась народность, и въ послѣдствіи, тѣмъ способнѣе становился народъ къ усвоенію себѣ высокихъ идей христіянства: потому что уже въ эпоху до-историческую привыкъ онъ вращаться въ области вѣрованья, привыкъ уважать какія бы то ни было убѣжденія.

Первыя начала народной поэзіи теряются въ доисторическомъ созиданіи самой миѳологіи, въ такъ называемомъ *миѳологическомъ процессѣ* [1]) духовной жизни народа. Выходя изъ этой темной области миѳологической, народной эпосъ — каковы поэмы Гомера, пѣсни древней Эдды, Финская Калевала—представляетъ полное, нераздѣльное единство миѳологіи и поэзіи, народнаго вѣрованья и творческаго воодушевленія. При такой совокупной нераздѣльности художественнаго творчества съ миѳологическимъ развитіемъ народныхъ вѣрованій, надобно видѣть въ древнѣйшемъ миѳологическомъ эпосѣ не только внѣшнюю сторону или поэтическую форму религіозныхъ убѣжденій народа, но одинъ изъ самыхъ существенныхъ моментовъ въ самомъ созиданіи народной миѳологіи. Чѣмъ болѣе проникался народъ своими вѣрованьями, чѣмъ обильнѣе накоплялись они въ его творческой фантазіи, претворенныя въ живые образы: тѣмъ неотразимѣе чувствовалъ онъ потребность уяснить для себя эти вѣрованья и образы, и представить ихъ, какъ живыя созданья, въ цѣломъ рядѣ эпическихъ разсказовъ. Такимъ образомъ, поэзія является необходимою, естественною посредницею между темнымъ, еще не развитымъ вѣрованьемъ, и между народнымъ сознаніемъ: она уясняетъ и распредѣляетъ въ осязательныхъ образахъ созрѣвшее вѣрованье, какъ скоро оно вышло изъ смутной области неопредѣленнаго чаянія и гаданія.

Эпосъ миѳологическій полагаетъ первыя основы нравственнымъ убѣжденіямъ народа, выражая въ существахъ сверхъестественныхъ, въ богахъ и герояхъ, не только религіозные, но и нравственные идеалы добра или зла. Потому эти идеалы народнаго эпоса болѣе нежели художественные образы: это рядъ ступеней народнаго сознанья на пути къ нравственному совершенствованью. Это не праздная игра фантазіи, но рядъ подвиговъ религіознаго благочестія, стремившагося въ лучшихъ своихъ мечтаніяхъ сблизиться съ божествомъ, узрѣть его непосредственно.

Миѳологическія начала, общія всѣмъ родственнымъ Индоевропейскимъ народамъ, въ каждомъ изъ нихъ получали свое собственное развитіе, въ слѣдствіе большей или меньшей зрѣлости духовныхъ силъ народа, а также въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, мѣстныхъ и историческихъ, которыя благопріятствовали свободному раскрытію до-христіянскихъ народныхъ вѣрованій, или задерживали его.

Если Славянскій миѳологическій эпосъ не успѣлъ создать полныхъ, округленныхъ типовъ божествъ, подобно эпосу Греческому, Скандинавскому или Финскому, все же онъ тѣсными узами связанъ съ тѣмъ живительнымъ источникомъ миѳическихъ вѣрованій, который даетъ жизнь всегда новому и свѣжему творчеству народной фантазіи. Безъ этой родственной связи съ миѳическою стариною не возможно было бы процвѣтаніе такого благоуханнаго народнаго эпоса, какимъ обладаемъ мы, Русскіе, и соплеменные намъ Славяне, особенно Сербы и Болгаре.

Славянскій эпосъ и доселѣ живетъ теплою, искреннею вѣрою въ цѣлый рядъ миѳическихъ существъ, но существъ мелкихъ, не многозначительныхъ: это не крупныя, вели-

---

[1]) Объясненіе этого термина смотр. въ лекціяхъ Шеллинга о Философіи миѳологіи. Sämmtl Werke. 2-te Abthl. 1856—7.

чаныя личности Греческаго Зевса, Финскаго Вейнемейнена, Скандинавскаго Тора или Одина, съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, развитымъ во множествѣ подвиговъ и похожденій,—но рядъ существъ не самостоятельнаго, не отдѣльнаго бытія: это цѣлыя толпы *Вилъ*, *Русалокъ*, *Дивовъ*, *Полудницъ* и т. п.

Какъ существа стихійныя, всѣ эти миѳическія лица могли предшествовать образованію нравственныхъ, опредѣлительныхъ характеровъ въ типахъ высшихъ божествъ; но могли они быть и остаткомъ, который въ памяти народа сохранился отъ этихъ человѣкообразныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ, господство Вилъ, Дивовъ, Русалокъ, въ народномъ эпосѣ можетъ означать не то, чтобъ въ вѣрованьяхъ народа не успѣли еще сложиться болѣе крупныя миѳологическія личности, но — что эти личности не получили болѣе опредѣленныхъ формъ въ поэзіи эпической, и потому со временемъ забылись, оставивъ по себѣ своихъ спутниковъ, эту, такъ сказать, собирательную мелочь народной миѳологіи.

Темныя и краткія намеки на Волоса, Перуна и на другія Славянскія божества мы встрѣчаемъ не только въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ, напримѣръ, въ словѣ о Полку Игоревѣ, но и въ народныхъ пѣсняхъ, какъ у насъ, такъ и у другихъ Славянскихъ племенъ. Но подробнаго развитія характеровъ и подвиговъ этихъ божествъ Славянскій эпосъ не представляетъ; и потому, не сосредоточиваясь на крупныхъ личностяхъ божествъ, онъ, такъ сказать, раздробляется въ своихъ миѳологическихъ интересахъ, преслѣдуя тайныя нити, которыми связываются герои, а иногда и лица историческія съ цѣлымъ міромъ мелкихъ существъ сверхъестественныхъ.

2. И такъ, главный характеръ Славянскаго эпоса—героическій или—выражаясь сербскимъ терминомъ — *юнацкій*. Какъ произведеніе народной фантазіи, сложившееся еще въ эпоху миѳическую, и до послѣдняго времени сохранившее на себѣ слѣды этой эпохи, юнацкій эпосъ проникнутъ творческимъ вѣрованьемъ въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ. Весь циклъ древне-русскихъ богатырей убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ. Въ обществѣ ихъ, за столомъ Владиміра *Красна-Солнышка*, является Тугаринъ Зміевичъ, миѳическій Змій и сынъ Змія. Онъ въ преступной связи съ супругою самого Краснаго Солнышка. Сестра Красна Солнышка, Марья *Дивовна*, то есть, дочь *Дива*, чудовищнаго великана[1]), похищена зміемъ, у котораго и живетъ въ горныхъ палатахъ, или въ пещерѣ, устланной серебромъ и золотомъ. Отъ змія спасаетъ свою тетку Добрыня Никитичъ, по пѣснямъ, не дядя, а племянникъ Владиміра. Сестра Апраксѣевны, супруги Красна-Солнышка, дѣва воительница, въ родѣ Сѣверной Бриннгильды. Она выходитъ за мужъ за Дуная, за героя, отъ котораго получила имя знаменитая рѣка, и въ которомъ, слѣдовательно, эта рѣка миѳически олицетворялась. Племянница князя Владиміра, Запава Путятишна выходитъ за мужъ за необыкновеннаго героя, который пріѣзжаетъ изъ дальнихъ странъ, изъ города *Леденца*[2]), и въ одну ночь строитъ великолѣпныя палаты въ саду Запавы Путятишны, и тѣмъ снискиваетъ ея любовь. Потокъ Михайло Ивановичъ женится на вѣщей дѣвицѣ, которая, подобно Скандинавскимъ Валькиріямъ, обращается въ бѣлую лебедь. Самъ князь Красно-Солнышко присутствуетъ на ихъ

---

[1]) Смотр. Сербскую пѣсню о Іованѣ и Дивскомъ старѣйшинѣ, Серпске нар. піесме Вук. Караџ. ч. 2 № 8.

[2]) Срвн. въ Сербскихъ пѣсняхъ *Леданъ* городъ, въ которомъ Ербенъ видитъ связь съ сказочной Стеклянной или *Ледяной* горою. Серпске народне піесме, ч. 2, № 29.—Русск. Бесѣда 1857 г. № 4.

свадьбѣ. Даже Илья Муромецъ, побѣждающій миѳическаго Соловья Разбойника, носитъ на себѣ слѣды древнѣйшаго характера первобытнаго эпоса, въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ за-Донской царицей, которая, при живомъ мужѣ, рождаетъ отъ Ильи Муромца сына, *Збута королевича*, съ которымъ вступаетъ въ бой нашъ герой, не зная, что онъ ему сынъ[1]).

Такимъ образомъ, Владиміръ Красное-Солнышко окруженъ въ нашемъ народномъ эпосѣ таинственною сѣтью миѳическихъ чарованій. И племянница его, и сестра, и племянникъ, и даже супруга — въ связи съ міромъ сверхъестественнымъ, съ существами миѳическими. Онъ веселится на свадебныхъ пирахъ съ вѣщими женами, оборотнями—бѣлыми лебедушками, съ миѳическими богатырями, олицетворяющими рѣки; онъ дѣлитъ хлѣбъ соль съ оборотнями зміями, съ породою змѣиною.

Не меньшую связь съ міромъ миѳическимъ представляютъ и другія витязи первобытнаго нашего эпоса.

Волхъ Всеславичь даже по самому рожденію своему — существо сверхъестественное. Хотя онъ родился отъ обыкновенной женщины, отъ какой-то княжны *Марѳы Всеславьевны*, но отцемъ его былъ лютый змій, вѣщая натура котораго отозвалась въ сынѣ тѣмъ, что онъ былъ чародѣй, оборотень: самъ обертывался яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ, туромъ—золотые рога, и умѣлъ превращать въ нечеловѣческія образы всю свою храбрую дружину,

Наши грамотные предки даже XVII вѣка [2]) вѣрили, что этотъ Волхъ былъ старшій сынъ миѳическаго Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе Славяне, а отъ Волхова—рѣка Волховъ, прежде называвшаяся *Мутною*. Этотъ Волховъ будто бы былъ «бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ—будто бы—тогда почиталъ его за бога и называлъ его *Громомъ* или *Перуномъ*. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, нощныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ *Перыня*, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно, пословицею): *въ боги сѣлъ*. И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волхвнаго его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣждъ тутъ былъ онъ погребенъ, съ великою тризною, поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризнища разверзлась [3]) земля, и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: *иже и донынѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы той стоитъ не наполняяся.*»

Хотя собственныя имена въ народныхъ преданіяхъ часто не имѣютъ никакого смысла, будучи позднѣйшею наддачей; однако въ отчествѣ, которое пѣсня придаетъ Волху, можно видѣть нѣкоторый миѳологическій смыслъ. Волхъ произошелъ отъ змія, но про-

---

[1]) Очень важно сближеніе этого мотива съ древненѣмецк. эпизодомъ изъ Готскаго эпоса о Гильдебрандѣ.

[2]) По рукоп. Синод. Библіот. *Цвѣтникъ* 1665 г. подъ № 908. Лист. 19—21.

[3]) Въ рукоп. *прослезися земля*.

зывается *Всеславичемъ*, какъ бы по отчеству своеи матери. Потому во всякомъ случаѣ, уже по самому грамматическому смыслу, отцемъ Волха былъ какой-то *Всеславъ*, или тотъ оборотень въ лютаго волка, тотъ вѣщій чародѣй, который уже въ Словѣ о Полку Игоревѣ смѣшивается съ извѣстнымъ Княземъ Полоцкимъ, или же самъ баснословный *Словенъ*, на томъ основаніи, что и *Всеславъ* и *Словенъ*, какъ формы созвучныя, могли въ преданіи между собою смѣшаться.

Во всякомъ случаѣ, змѣиная натура отца, отразилось въ Волховѣ. Онъ былъ крокодилъ—позднѣйшая замѣна водянаго змія, и залегалъ рѣку Волховъ, какъ въ извѣстной сказкѣ[1]) залегалъ Оку рѣку змѣй Тугаринъ, встрѣчающійся въ обществѣ нашихъ древнихъ богатырей, при самомъ Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ.

Миѳическій змѣй, согласно мѣстнымъ условіямъ нашей родины, изъ чудовища морскаго былъ переведенъ въ рѣчное. Но первоначально онъ былъ, безъ сомнѣнія, зміемъ морскимъ, страшнымъ чудовищемъ, которое, по Скандинавскимъ преданьямъ, окружало всю землю, которое постоянно враждовало свѣтлымъ Асамъ, и наконецъ выступило противъ нихъ во всей своей ярости въ послѣдній день Божественныхъ Сумерекъ или Помраченія свѣтлыхъ божествъ.

Миѳическое преданіе о змѣѣ, окружающемъ всю землю, у нашихъ предковъ перешло въ книжное сказанье о томъ, что земля «основана на трехъ большихъ китахъ и на тридцати малыхъ; и будто бы эти киты, *находя на райское благоуханье*, берутъ отъ него десятую часть и отъ того сыты бываютъ»[2]).

Самъ Русскій эпосъ возводитъ Волха, какъ рѣку, къ морскому отцу. Въ пѣснѣ о Садкѣ богатомъ гостѣ[3]) это морское божество называется Морскимъ Царемъ, которому Садко приноситъ жертвы, какъ божеству, и даетъ дань, какъ царю, и который наконецъ женитъ этого богатаго гостя на одной изъ своихъ тридцати дочерей, именно на рѣкѣ Волховѣ. Не надобно удивляться, что чародѣй Волховъ, рѣчной змій, вдругъ становится *дочерью*, а не *сыномъ* морскаго царя. Это обыкновенная миѳологическая игра грамматическимъ родомъ: какъ собственное имя муж. рода, т. е., *Волховъ*—онъ сынъ Словена или змія, какъ имя нарицательное, т. е., *рѣка*—онъ дочь морскаго царя.

Это миѳическое отношеніе рѣкъ къ морю наши грамотные предки, между прочимъ, выражали слѣдующимъ образомъ въ извѣстной апокрифической бесѣдѣ Святителей, о которой будетъ говорено ниже: «*Вопросъ*: которая мать сосетъ дѣтей своихъ? *Отвѣтъ*: море рѣки поѣдаетъ въ себя.» Или въ другомъ мѣстѣ: «которая мать пожираетъ своихъ дѣтей? *Отв.* море рѣки пріемлетъ въ себя»[4]).

По народному стохотворенью, Садко попалъ къ самому Морскому Царю; онъ долженъ былъ головой поплатиться, что недовольно его чествовалъ, подобно тому, какъ погибали

---

[1]) «Не гроза туча въ широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася; а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну. Какъ прочуялъ змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкімъ хвостомъ Широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змія войной воевать».—Этотъ змій Тугаринъ въ сказкѣ называется начальникомъ, ханомъ Татарской Орды. Сахарова рус. народн. сказки. Стр. 122. 144.

[2]) Апокрифич. Бесѣда святителей по синод. рукоп. 1665 г. подъ № 908, л. 288, смотр. ниже.

[3]) Древн. рос. стихотв. стр. 266 и слѣд.; 337 и слѣд.

[4]) Синод. рук. № 908. л. 296. л. 127 об.

тѣ, которые, по упомянутому выше книжному сказанью, не воздавали божескихъ почестей чародѣю Волхову. Для исторіи нашей древне-русской книжной поэзіи любопытны самыя обстоятельства, при которыхъ Садко попалъ къ Морскому Царю.

Однажды ѣдучи по морю, корабль Садки безъ всякой видимой причины остановился. Тогда корабельщики метали жеребьи, кого бросить въ море синее. Жеребій выпалъ самому Садкѣ, потому что, какъ говорилъ самъ о себѣ этотъ богатый гость:

Я Садъ-Садко, знаю, вѣдаю:
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
Тому царю заморскому
Не платилъ я дани, пошлины,
И во то море Хвалынское
Хлѣба съ солью не опускивалъ:
По меня Садку смерть пришла.

Одѣлся Садко въ шубу соболиную, взялъ звончатыя гусли, и, усѣвшись на золотой шахматной доскѣ, поплылъ по морю: а корабль тотчасъ же двинулся съ мѣста и пошелъ. Подымалась тогда погода тихая, понесло Садку по волнамъ: и причалило къ берегу, гдѣ онъ встрѣтилъ Морскаго Царя, или самого бога водъ.

Въ этой пѣснѣ очевидно преданіе о принесеніи человѣка въ жертву водяному божеству въ случаѣ опаснаго или неудачнаго плаванья. Жертва приносилась по жребію. Обреченнаго божеству спускали на доскѣ.

Каковъ бы ни былъ древнѣйшій, до-христіанскій обычай, но повтореніе тѣхъ же обстоятельствъ встрѣчается въ одномъ разсказѣ, присовокупленномъ къ повѣствованію о житіи Исидора Твердислова, юродиваго Ростовскаго [1]): это именно въ описаніи чуда о купцѣ, *его же святый избави отъ глубины морскія*.

Случилось нѣкоторому купцу по морю куплю творить. Однажды, когда онъ плылъ по морю, корабль вдругъ остановился, и волнами стало его разбивать: корабельщики ждали себѣ смерти. Тогда умыслили они метать жеребій; жеребій палъ на того купца; и *посадили они его на доску* и бросили въ море: а корабль тотчасъ же тронулся съ мѣста и поплылъ. За тѣмъ разсказывается, какъ самъ Твердисловъ явился на морѣ купцу, и на той же доскѣ невредимо пустилъ его вслѣдъ за кораблемъ и спасъ.

3. Въ миѳологическихъ сказаніяхъ многихъ народовъ бываетъ съ большею или меньшею ясностью обозначенъ одинъ очень важный моментъ въ исторіи народныхъ вѣрованій: это переходъ отъ древнѣйшихъ божествъ къ позднѣйшимъ, переходъ, свидѣтельствующій о дальнѣйшемъ развитіи духовныхъ силъ народа, выражающихся въ миѳологическихъ сказаньяхъ.

Это историческое развитіе миѳологическаго процесса, столь очевидное въ миѳологіи Греческой [2]), изъ народовъ позднѣйшихъ въ наибольшей ясности выразилось въ поэтическихъ сказаньяхъ Скандинавской Эдды.

---

[1]) По рукоп. Графа А. С. Уварова, XVII в. № 163. Въ 4-ку.

[2]) См. Леонтьева О поклоненіи Зевсу. 1850 г.

Древнѣйшимъ миѳическимъ существамъ, Турсамъ и Іотамъ, чудовищамъ и великанамъ, представителямъ безплодныхъ скалъ и зимняго холода, наслѣдуютъ свѣтлыя божества, Асы, постоянно ведущіе борьбу съ своими чудовищными предшественниками и постоянно ихъ побѣждающіе. Но и въ самыхъ Асахъ очевидны слѣды древняго злаго начала: даже самъ царь ихъ, богъ боговъ, великій Одинъ представлялся, по древнѣйшимъ преданіямъ, одноглазымъ чудовищемъ, слѣдовательно существомъ изъ породы Циклоповъ, соотвѣтствующихъ Скандинавскимъ Іотамъ. Но главнымъ представителемъ застарѣлаго зла въ обществѣ Асовъ—постоянный имъ собесѣдникъ и рѣшитель всякого труднаго дѣла—это злобный Локи, отъ котораго произошла чудовищная порода—тотъ хищный волкъ Фенриръ и тотъ всемірный змій, которые, въ страшное послѣднее время Божественныхъ Сумерекъ, общими силами съ полчищами Суртура, губятъ всѣхъ свѣтлыхъ боговъ Сѣвернаго Олимпа. Если своею связью съ Локи Асы сообщаются съ миѳическими существами стараго порядка вещей, то дружественнымъ и родственнымъ союзомъ съ Ванами, божествами прекрасными и разумными, выражаютъ они дальнѣйшее духовное развитіе племенъ, въ которыхъ эти миѳы составлялись. Хотя въ царственномъ Одинѣ сѣверныя племена вполнѣ выразили свой предпріимчивый воинственный характеръ и свое великое значеніе въ историческихъ судьбахъ человѣчества, но высокое безпристрастіе миѳическаго эпоса не позволяло фантазіи остановиться на этомъ божествѣ, какъ на высшемъ идеалѣ человѣческаго совершенства. Сынъ Одина, чистый и непорочный Бальдуръ, долженъ былъ стать выше всякаго временнаго историческаго превосходства своего воинственнаго отца; онъ долженъ былъ выразить вѣчную, непреходящую любовь и правду, высочайшую чистоту нравственную.

Но такого величія духа недостоинъ міръ, во злѣ пребывающій: и Бальдуръ долженъ былъ погибнуть, по хитрымъ кознямъ того же Локи, по безразсудству и коварству Асовъ, постоянно сообщавшихся съ злымъ началомъ въ лицѣ Локи. Потерявъ Бальдура, Асы лишаются не только чистоты нравственной, которую хоронялъ вмѣстѣ съ сожженіемъ трупа Бальдура, но даже и прежнихъ своихъ силъ физическихъ, своего прежняго могущества.

Зло торжествуетъ и получаетъ себѣ оправданіе, какъ казнь за совершенныя преступленія.

Нравственное паденіе боговъ и торжество злобнаго Локи яркими чертами изображено въ одной изъ лучшихъ пѣсенъ древней Эдды, извѣстной подъ названіемъ *Lokasenna*, въ которой злобный Локи издѣвается надъ всѣми сѣверными богами, безпощадно высказывая имъ въ лицо всѣ ихъ слабости и пороки. Оказывается, что всѣ они виновны, что на всѣхъ на нихъ тяготѣетъ преступленіе; даже самая сила и храбрость ихъ заподозрѣны.

Глубочайшая идея лежитъ въ основѣ этого превосходнаго эпизода сѣвернаго миѳологическаго эпоса.

Надобно было привести въ ясность этотъ судъ надъ богами, прежде чѣмъ всѣ они погибнутъ въ страшную годину Помраченія Божествъ; надобно было изречь судъ по правдѣ, чтобы съ полнымъ сознаньемъ отказаться отъ своихъ боговъ: и это скептическое сознанье было выражено цѣлымъ рядомъ безпощадныхъ сарказмовъ Локи.

Въ этой пѣснѣ языческая фантазія какъ бы приноситъ сама себя въ жертву, для того чтобъ вмѣстѣ съ своими, все еще родными, любезными божествами очистившись въ пламени Послѣдняго Дня (въ Муспилли), возродиться къ новой жизни, въ безмятежномъ царствѣ возрожденнаго Бальдура, этого чистѣйшаго и совершеннѣйшаго изъ всѣхъ Асовъ.

Не имѣя намѣренія ставить въ параллель съ рядомъ этихъ сѣверныхъ миѳовъ преданія русскія, не могу однако не предъявить, что и въ русскомъ миѳологическомъ эпосѣ довольно явственно высказалось сознаніе о переходѣ отъ древнѣйшихъ вѣрованій къ позднѣйшимъ, только въ гибели не боговъ, а миѳическихъ героевъ, согласно съ героическимъ характеромъ славянскаго эпоса.

Я разумѣю здѣсь превосходное сказанье о томъ, отчего перевелись витязи на Святой Руси.[1])

Какъ древніе Титаны возмутились противъ божествъ небесныхъ, или какъ чудовищные великаны сѣверной миѳологіи вели войну съ свѣтлыми Асами, такъ и наши богатыри, возгордившись своими побѣдами надъ обыкновенными смертными, стали вызывать на бой воителей небесныхъ:

«Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные»!
И говоритъ Алеша-Поповичь младъ:
«Подавай намъ силу нездѣшнюю—
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
«А давайте съ нами, витязи, бой держать —
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.»
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алеша-Поповичь на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало четверо — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало вдвое болѣе — и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить....
А сила все растетъ — да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ....

[1]) Помѣщено г. Меемъ въ Сынѣ Отечества за 1856 г. № 17.

А сила все растетъ — да растетъ.
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плеча могутныя;
Уходилися кони ихъ добрые;
Притупились мечи ихъ булатные....
А сила все растетъ — да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Испугалися могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры....
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ....
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Святой Руси!

Преданіе это, во всей яркости выставляя миѳическое значеніе богатырей, не даетъ еще права думать, чтобъ подъ *воителями нездѣшними* разумѣлось что нибудь иное, а не такія же миѳическія лица, только лица болѣе просвѣтленныя, *не здѣшнія* какъ выражается сказаніе—существа болѣе чистыя. Это смѣна одного миѳологическаго періода на другой.

Вводя насъ въ историческое развитіе нашей миѳологіи, это сказанье замѣчательно и по тому, что опредѣляетъ миѳическое значенье камней и скалъ, которымъ, какъ извѣстно [1]), нѣкогда воздавалась у насъ божеская почесть. По нашему сказанью — камень или скала есть окаменѣлый богатырь, подобно тому какъ въ сѣверной миѳологіи скалы олицетворялись въ образѣ чудовищныхъ Турсовъ.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи тоже преданіе переносится на обыкновенныхъ смертныхъ, и именно на дѣвицъ и бабъ, превратившихся уже не въ сплошныя груды скалъ, а въ каменныя, человѣкообразныя статуи. Сюда относится замѣчательная повѣсть, въ Сборникѣ XVII в., о дѣвицахъ Смоленскихъ, *како игры творили* [2].

«Было отъ города Смоленска за 30 верстъ по Черниговской дорогѣ — такъ разсказывается въ этой повѣсти—случилось быть на великомъ полѣ безстудному бѣснованью. Множество дѣвъ и женъ стеклися на бѣсовское сборище, нелѣпое и скверное, въ ночь (?), въ которую родился *Пресвѣтлое Солнце* — великій Іоаннъ Креститель, первый покаянію проповѣдникъ, его же ради вся тварь неизрѣченно возрадовалась. А эти окаянныя бѣсомъ научены были. И соизволилъ Господь Богъ обличить ихъ въ поученіе человѣкамъ, и послалъ къ нимъ Св. Великомученика Георгія. Святой явился передъ ними и говорилъ имъ, чтобъ онѣ перестали отъ такого бѣснованья; но онѣ нелѣпо ему возбраняли съ великимъ срамомъ. Тогда онъ проклялъ ихъ, и всѣ онѣ тотчасъ же окаменѣли, и донынѣ на полѣ томъ видимы, стоятъ, какъ люди: въ поученіе намъ грѣшнымъ, чтобы такъ не творили, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку вѣчную.»

Повѣсть эта, состоящая въ очевидной связи съ сказаніемъ о превращеніи богатырей въ каменья, сверхъ того, заслуживаетъ полнаго вниманія по любопытному смѣшенію язы-

[1]) Срезневскаго Святилища и обряды языческаго богослуженія древн. Славянъ. 1846. стр. 29 и слѣд.
[2]) Синод. Цвѣтникъ 1665 г. № 908. л. 223 об. —224. Смотр. Приложеніе.

ческаго элемента съ христіанскимъ, по смѣшенію, до такой степени грубому, что *Пресвѣтлое Солнце*, которому по языческимъ обрядамъ дѣйствительно праздновали въ день *Купалы*, какъ эпитетъ, перенесено къ Іоанну Предтечѣ.

II.

Начавъ обозрѣніе Русской поэзіи съ изустной и чисто миѳической, и слѣдя за развитіемъ нашихъ миѳовъ, мы незамѣтно перешли въ область поэзіи *двоевѣрной*, полу-христіянской, и притомъ, уже не изустной, а письменной. Эта нечувствительность въ переходѣ изъ одной области въ другую лучше всего говоритъ объ очевидномъ присутствіи народныхъ поэтическихъ элементовъ въ нашей древней письменности.

Народная поэзія, войдя въ Древне-Русскую литературу, всего скорѣе и естестественнѣе могла слиться съ такъ называемыми *Отреченными книгами*, то есть, съ сочиненіями *апокрифическими*, въ которыхъ христіянскія понятія и преданія перемѣшаны съ народными миѳами, съ различными суевѣріями и поэтическими вымыслами [1]). На это сліяніе народной поэзіи съ отреченными книгами указываетъ намъ уже и древняя письменность, помѣщая между этими *книгами* различныя суевѣрья и игры, и между прочимъ *хороводы съ завиваньемъ вѣнковъ* [2]).

Одно изъ этихъ апокрифическихъ сочиненій, именно *Бесѣда трехъ Святителей* [3]), получило особенно важное значеніе въ нашей древней литературѣ, относительно развитія и распространенія въ ней поэтическихъ элементовъ смѣшаннаго, полу-христіянскаго характера.

Бесѣда эта, по своему происхожденію, относится къ отдаленной древности, и первоначально занесена къ намъ, вѣроятно, изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ заговорами на лихорадки, съ Зелейниками и другими отреченными книгами; потому что эта бесѣда встрѣчается въ рукописяхъ Болгарскихъ, въ которыхъ не видно слѣдовъ русскаго вліянія [4]). Но усвоенная Русскимъ народомъ, она получила у насъ мѣстный колоритъ, и пустила глубокія корни въ древне-Русской поэзіи. Состоя въ тѣснѣйшей связи съ народными суевѣріями, загадками, примѣтами и съ различными миѳологическими воззрѣніями, эта Бесѣда дала содержаніе многимъ народнымъ пѣснямъ, сказкамъ, изреченіямъ и въ свою очередь, вѣроятно, многое заимствовала изъ этихъ народныхъ источниковъ.

Это обоюдное вліяніе всего лучше говоритъ въ пользу присутствія поэтическихъ элементовъ въ нашей древней письменности.

Для того чтобъ познакомить васъ, Мм. Гг., съ этою знаменитою Бесѣдою, приведу изъ нея нѣсколько болѣе любопытныхъ мѣстъ, въ связи съ фактами изъ исторіи нашей народной поэзіи, какъ миѳологической, такъ и смѣшенной съ понятіями христіянскими. Съ этой цѣлью буду разсматривать эту Бесѣду, во первыхъ, въ отношеніи древнѣйшихъ ми-

---

1) Смотри у Калайд. въ Іоан. Екс. Болг. стр. 208.

2) Въ Паис. Сборн. XIV в. въ Библ. Кирилло-Бѣл. монастыря: «зелетіи. колядіи. громнѣ. блаѹхлыь кона. їыже влясе. или кполи вѣлуеклють улкра. ї но удес тыуют. Въ словѣ Св. Ефрема, л. 83 и об.

3) См. прилож. изъ Синод. Цвѣтн. 1665 г. № 908. *Слово Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова.*

4) Сербо болгарскую редакцію этой Бесѣды мнѣ случилось имѣть подъ руками въ одномъ Сборникѣ Профес. Григоровича, XVI—XVII в.

миѳическихъ преданій, и во вторыхъ, въ связи съ народными духовными стихами, съ загадками и сказками: при чемъ постараюсь объяснить вообще художественный стиль этой Бесѣды.

I. Начну съ языческихъ представленій характера космогоническаго. Сюда принадлежитъ миѳъ глубокой древности о томъ, что земля, въ символическомъ образѣ *коровы*, происходитъ отъ *быка* [1]). Этотъ миѳъ не только вполнѣ согласенъ съ древнѣйшими представленіями индо-европейскихъ языковъ, по которымъ понятія о *землѣ* и *коровѣ* выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ [2]), но и глубоко входитъ въ основы миѳическихъ и поэтическихъ преданій родственныхъ народовъ.

По миѳологіи сѣверной два господствующія поколѣнія миѳическихъ существъ — *великаны* (Турсы, Іоты) и боги *Асы* — ведутъ свое происхожденіе отъ двухъ космическихъ началъ: отъ чудовища *Имира*, тѣло котораго пошло на построеніе всего міра, и отъ коровы *Аудумблы*. Отъ Имира произошли великаны съ карликами, а отъ Аудумблы — Асы.

Эта миѳическая *мать* божествъ до настоящаго времени въ народныхъ сказкахъ играетъ миѳическую роль несчастной матери, не перестающей въ превращенномъ видѣ коровы, утѣшать и лелѣять свою дочь — сиротку.

Изъ множества сказокъ этого, общаго имъ всѣмъ содержанія, приведу вкратцѣ Сербскую, подъ названіемъ *Пепелюга* [3]).

Однажды дѣвушки пасли стадо, и, сидя вокругъ ямы, пряли. Вдругъ явился имъ нѣкоторый старецъ съ сѣдою бородою по поясъ и предупредилъ ихъ, чтобъ онѣ не роняли веретена въ яму; не то: чье веретено въ яму упадетъ, мать той дѣвицы превратится въ корову. Такъ это и случилось съ одною изъ дѣвицъ: она уронила веретено, и, воротившись домой, нашла свою мать уже въ видѣ коровы. Вскорѣ потомъ отецъ дѣвицы женился на одной вдовѣ, у которой тоже была дочь, но не въ примѣръ хуже падчерицы. За то, несчастную сироту мачеха не взлюбила, и, чтобъ ее мучить, задавала ей не подъ силу уроки — прясть ленъ и ежедневно пасти стадо. Но дѣвицѣ пряла ея мать — оборотень. Вскорѣ однако подстерегли тайну сироты, и злая мачеха настояла, чтобъ корову зарѣзали. Безутѣшной дѣвицѣ мать-корова говорила, чтобъ она не ѣла ея мяса, а кости ея собрала и похоронила позадь избы. Потомъ, уже изъ земли, будучи погребена, мать не переставала помогать своей дочери различными чудесами. Такимъ образомъ, этою чудодѣйственною могилою, сказка—съ свойственною ей фантастичностью—выражаетъ мысль объ обоюдномъ переходѣ миѳологическихъ представленій *коровы* и *земли*.

Миѳическое значеніе земли опредѣляется, между прочимъ, отношеніемъ ея къ морю.

Даже сквозь понятія христіанскія, нашему древнему грамотнику видѣлись поэтическіе образы *земли* и *моря*, въ ихъ древнемъ миѳическомъ значеніи. Это явствуетъ,

---

[1] Миѳъ этотъ въ Бесѣдѣ выраженъ въ слѣдующихъ наивныхъ словахъ: **в. что єсть волъ коро́вꙋ роди̇. ѿ Гдь ӡе́млю сотвори.** л. 295. об.

[2]) Въ Санскритѣ *го́* (изъ *гау*) значитъ и земля и корова или быкъ; родственно нашему *гов-ядо* (откуда *говядина*) и нѣм. *gau*, готск. *gavi*, а также греч. *γαῖα*, *γῆ*. Скапд. собственное имя коровы *Audhumbla* собственно значитъ — обильно влажная, сырая, согласно съ нашимъ эпитетомъ: мать *сыра* земля.

[3]) Вука Стеф. Српске народне приповіетке. № 32. *Пепелюга* есть тоже самое, что нѣм. Aschenputtel, итал. Cenerentola въ Пентамеронѣ Джанбат. Базиле, франц. Cendrillon, въ сказкахъ Perrault.

напримѣръ, въ слѣдующемъ *Спорѣ* земли съ моремъ, по одной рукописи XVI в. «Земля говорила: я мать всѣмъ человѣкамъ, и Богородицѣ, и Апостоламъ, и Пророкамъ, и Святымъ мужамъ, и Раю, плодящему цвѣтъ и овощъ: а ты море волнуемое—мать пресмыкающимся гадамъ и лукавому змію, который ругается животнымъ и скотамъ, и нестройнымъ вѣтрамъ. А Море говорило Землѣ: я же мать тебѣ: если не будешь напоена мною, то не можешь дать по себѣ никакого плода, *ни раю овоща сотворити, ни сама лица своего умыти.*» [1])

2. Знаменитый народный стихъ о Голубиной книгѣ и по внѣшней формѣ своей, состоящей въ бесѣдѣ между Княземъ Владиміромъ и Давидомъ Есеевичемъ, и по своему содержанію, есть не что иное, какъ чисто поэтическое возсозданіе той же апокрифической бесѣды. Въ этомъ стихѣ таже замысловатость вопросовъ, переходящихъ въ загадку, таже смѣсь языческой космогоніи съ понятіями и предметами христіанскаго міра [2]).

Сходство этихъ двухъ произведеній до того разительно, что я почитаю совершенно излишнимъ входить въ подробныя объясненія, и ограничусь здѣсь только приведеніемъ изъ Стиха тѣхъ мѣстъ, которыя согласны съ Бесѣдою.

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце Красное отъ лица Божьяго
Самаго Христа Царя Небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самаго Христа,
Самаго Христа, Царя Небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ миръ-народъ [3]) отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.
. . . .
Іерусалимъ городъ городамъ отецъ.

---

[1]) Другой Цвѣтникъ, по рук. Синод. Библ. № 687. л. 66 об. смот. Прилож.

[2]) Подробныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ изложены мною въ сочиненіи о вліяніи Христ. на Слав. языкъ; въ Архивѣ Калачева О пословицахъ, и въ другихъ монографіяхъ.

[3]) Замѣчательное выраженіе: *міръ-народъ*, встрѣчается въ XVII в. въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ Англичанину Ричарду Джемсу (1619—1620 г.):

Побѣжали Нѣмцы въ Новъгородъ,
И въ Нове городе заперлися,
И многой *миръ-народъ* погубили.

—«Почему тотъ городъ городамъ отецъ?» —
Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
Тутъ у насъ пупъ землѣ.—
Соборъ-Церковь всѣмъ церквамъ мати.
—«Почему же Соборъ-Церковь церквамъ мати?»
. . . .
Стоитъ Соборъ-Церква посреди града Іерусалима.
Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
—«Почему Океанъ всѣмъ морямъ мати?»—
Посреди моря океянскаго,
Выходила Церковь соборная,
Соборная богомольная,
Святаго Климента Попа́ Рымскаго:
На Церкви главы мраморныя,
На главахъ кресты золотые.
Изъ той изъ Церкви изъ соборной,
Изъ соборной, изъ богомольной,
Выходила Царица Небесная;
Изъ Океяна моря она умывалася,
На Соборъ-Церковь она Богу молилася.
Отъ того Океянъ всѣмъ морямъ мати. [1])
Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
— «Почему же Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати?» —
На трехъ рыбахъ земля основана.
Какъ Китъ-рыба потроиется,
Вся земля всколебается [2])
. . . .
Возговорилъ Володиміръ Князь,

---

[1]) Сличъ. съ этимъ символич. толкованіе Бесѣды: «Что есть: еже рече писаніе: видѣхъ *жену* сѣдящу на *мори* и Змія лежаща при ногу ея, егда хотяше жена рожати отроча, и змія пожирашеть ея. *Отвѣтъ: Море* глаголетъ весь міръ, жена же бысть *Церковь, по средѣ мира*, а змія есть дьяволъ,» и проч. Л. 312.— Объ Іерусалимѣ: «Который градъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ? *отвѣтъ*: Ерусалимъ градъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ, въ немъ же *пупъ* земли, и Церковь Святая Святыхъ и Господень гробъ,» Л. 127 об.

[2]) Соотвѣтственно тому въ древнемъ стихѣ о Садкѣ, колебанье моря и разлитіе рѣкъ приписывается пляскѣ Морскаго Царя. Святитель Николай, явившись Садкѣ во снѣ, говоритъ:

Расплясался у тебя Царь Морской:
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя
Того народу Православнаго. Стр. 342.

Володиміръ Князь Володиміровичъ:
Ой ты гой еси, премудрый Царь,
Премудрый царь, Давыдъ Есеевичъ!
Мнѣ ночéсь, сударь, мало спалóсь;
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той страны со восточной,
А съ другой стороны съ полудённой,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались билися.
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ. —
Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Есеевичъ:
Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися;
Это кривда съ правдой соходилися и проч [1]).

3. Другой важнѣйшій источникъ, изъ котораго было взято содержаніе нашего стиха—это средневѣковые *Бестіаріи*, то есть, такъ называемыя *Физіологическія* сочиненія, о животныхъ и вообще о природѣ, съ примѣсью самыхъ фантастическихъ, суевѣрныхъ понятій. Эти сочиненія, господствовавшія на Западѣ, были очень распространены и у насъ, особенно отъ XV до XVII в. включительно.

Кромѣ трехъ чудесныхъ Китовъ, нашъ стихъ приписываетъ особенное космогоническое значеніе другимъ животнымъ, каковы *Стратимъ-птица*, которая живетъ на Океанѣ, и, подобно Морскому Царю, колышетъ море и топитъ корабли; *Индрикъ-звѣрь*, который ходитъ подъ землею, *какъ солнце по небу*, пропущаетъ рѣки и колодязи, а самъ живетъ въ Святой горѣ.

Въ средніе вѣка вѣрованье въ чудовищныхъ животныхъ тѣсно было связано съ вѣрованьемъ въ чудовищныхъ людей, которые назывались *диковищами*. Къ этому разряду относили полу-человѣка и полу-звѣря, людей объ одномъ глазѣ, объ одной ногѣ, даже безъ головы и т. п.

Преданія классическихъ народовъ о Сиренахъ, Кентаврахъ, Фавнахъ, были перемѣшаны съ національными вѣрованіями въ оборотней—волковъ или *волкодлаковъ*, въ дѣвъ съ лебедиными крыльями, или вообще въ пернатыя существа, имѣющія человѣческую фигуру, и т. п. Такимъ образомъ въ этой смутной области средневѣковыхъ вѣрованій, народное незамѣтно переходило въ заимствованное извнѣ, и заимствованное, такое же чудесное и необычайное, легко уподоблялось народному, туземному. На основаніи своихъ національныхъ воззрѣній, сочинитель Слова о Полку Игоревѣ представлялъ Всеслава оборотнемъ-волкомъ или волкодлакомъ: «Всеславъ Князь *людямъ судилъ*, *князьямъ городы рядилъ*, а самъ *въ ночь*

[1]) См. Кирѣевск. Рус. народн. пѣсни въ Чтеніяхъ Общ. И. и Др. Рос. Славч. въ Бесѣдѣ: «что есть бѣлъ щитъ а на бѣлѣ щитѣ заецъ бѣлъ: и прилетѣ сова и взя зайца, а сама ту сяде. *Отв.* Бѣлъ щитъ есть свѣтъ а заецъ *правда*, а сова *кривда*» и проч. Л. 295.

волкомъ рыскалъ—великому Хорсу волкомъ путь перебѣгалъ». Но почти тоже самое русской грамотный человѣкъ читалъ въ сказкѣ, очевидно, заимствованной изъ чужихъ источниковъ, о Царѣ Китоврасѣ: «Былъ въ Іерусалимѣ Царь Соломонъ, а въ градѣ Лукорьѣ царствовалъ Царь Китоврасъ; и имѣлъ онъ обычай —*днемъ царствуетъ надъ людьми, а ночью оборачивается звѣремъ Китоврасомъ* [1]), *и царствуетъ надъ звѣрьми*, а по родству братъ Царю Соломону». [2])

Изображенія человѣческихъ фигуръ въ *песьими головами* (Кинокефаловъ) были употребительны въ нашей древней живописи; напр. на Страшномъ Судѣ между народами помѣщались Измаильтяне Песьи Головы [3]); въ Псалтыри, изд. при Патр. Іосифѣ въ листъ, со множествомъ отъ руки сдѣланныхъ миніатюръ (въ Библіот. Троицк. Лавры) есть одна, на которой изображены, въ нѣсколько рядовъ, народы: между ними цѣлый рядъ фигуръ съ собачьми головами. Сверхъ того по нашимъ иконописнымъ подлинникамъ, извѣстенъ древне-русскій художественно-религіозный типъ съ песьею головою.

Изъ чудесныхъ, необычайныхъ людей въ нашей Бесѣдѣ упоминаются живущіе подъ негасимымъ огнемъ: они ни пьютъ, ни ѣдятъ; куда вѣтеръ повѣетъ, туда и люди эти летятъ, какъ паутина; а смерти имъ нѣтъ [4]).

Поэтическій стиль нашихъ духовныхъ стиховъ, равно какъ и разбираемой нами Бесѣды, вполнѣ соотвѣтствуетъ, вообще въ исторіи средне-вѣковаго искуства, стилю *Романскому*, который въ украшеніяхъ на капителяхъ, порталахъ и во всѣхъ подробностяхъ скульптурныхъ, представляетъ грубѣйшую смѣсь языческаго съ христіянскимъ, смѣсь вѣрованій и воззрѣній туземныхъ съ заимствованными. Въ немъ господствуетъ таже чудовищность въ сочетаніи формъ человѣческихъ съ звѣриными или птичьими, въ изображеніи крылатыхъ звѣрей, многоглавыхъ зміевъ и другихъ небывалыхъ животныхъ. Рядъ чудовищныхъ, необычайныхъ изображеній въ скульптурныхъ украшеніяхъ Димитріевскаго собора во Владимірѣ (1197 г.) хорошо извѣстенъ любителямъ нашей старины, которые въ этихъ украшеніяхъ видятъ Романскій стиль.

И здѣсь и тамъ, и въ искусствѣ и въ поэзіи, чувствуется одно общее начало: глубокою вѣрою проникнутое, но темное, смутное состояніе творческой фантазіи, отягченной множествомъ разнообразныхъ преданій и запуганной страшными видѣніями двоевѣрія или полуязычества.

Въ этомъ отношеніи отличается высокимъ Романскимъ стилемъ превосходный народный стихъ объ Егорьѣ храбромъ [5]). Тотъ вовсе не понялъ бы всего обаянія народной поэзіи въ этомъ стихѣ, кто рѣшился бы въ храбромъ героѣ видѣть святочтимаго Георгія Побѣдоносца, точно такъ же какъ въ пѣсенномъ Владимірѣ *Красномъ-Солнышкѣ*—Равноапостольнаго князя.

Разъѣзжая по землѣ *Свѣтло-руской*, и утверждая въ ней вѣру Православную, Егорій еще не встрѣчаетъ на Руси людей. Это утвержденіе вѣры состояло не въ обращеніи на-

---

1) Въ рукоп. Подлин. Гр. А. С. Уварова № 996 (Царск. 315): «Онокентавръ звѣрь *Китоврасъ*, иже отъ главы яко человѣкъ, а отъ ногъ аки оселъ» Л. 120 обор.

2) По рукоп. XVII. в. въ Имп. Публ. Библ. Отд. 17 № 22.

3) Въ живописн. Подлинникѣ Графа С. Г. Строганова.

4) Л. 290

5) См. изданіе Кирѣевск. въ Чтеніяхъ. Общ. Истор. и Древн. Рос.

рода въ христіянство, а въ первобытныхъ подвигахъ героя-полубога, который извлекаетъ дикую страну изъ ея доисторическаго мрака неизвѣстности, пролагаетъ пути и дороги по непроходимымъ дремучимъ лѣсамъ, по зыбучимъ болотамъ, черезъ широкія рѣки и *толкучія* [1]) горы. Егорій храбрый является на Русь, какъ новый творецъ, устроитель вселенной [2]), подобно Финскому Вейнемейнену, и какъ этотъ послѣдній, совершаетъ творческіе подвиги помощію своихъ чарующихъ, *вѣщихъ* словъ.

Вы лѣсы, лѣсы дремучіе! (говоритъ онъ)
Встаньте и разшатнитеся:
Разшатнитеся, раскачнитеся.....
Заростится вы, лѣса,
По всей землѣ Свѣтло-Руской.
. . . .
Ой вы еси, рѣки быстрыя,
Рѣки быстрыя, текучія [3])!
Протеките вы, рѣки по всей земли,
По всей земли Свято-Руской!
По крутымъ горамъ, по высокимъ,
По темнымъ лѣсамъ, по дремучимъ
. . . .
Вы горы, горы, толкучія!
Станьте вы, горы, по старому *и проч.*

Вмѣсто людей, наѣзжалъ Егорій на стада чудовищныхъ животныхъ, на стада летучихъ зміевъ да рыскучихъ волковъ. Только пастухи этого послѣдняго стада носятъ на себѣ обличье человѣческое; но ихъ сверхъестественный, чудовищный видъ, напоминающій миѳическія, стихійныя существа, въ родѣ Вилъ, Русалокъ, Лѣшихъ—не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Егорій храбрый попалъ не только въ страну языческую, но даже заѣхалъ въ самое святилище языческихъ божествъ.

И пастятъ стадо три пастыря.
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы:
На нихъ *тѣла яко еловая кора,*
Власъ на нихъ *какъ ковыль трава.*

Братомъ такихъ существъ, обросшихъ древесною корою [4]), и съ зелеными волосами,

---

[1]) То есть: «гора съ горой *столконулася*» какъ объясняется въ самой пѣснѣ.

[2]) Слово *творити* зн. не только созидать, но и *украшать* (откуда *тварь*—лицо, *утварь*—украшеніе), а также *разводить*, производить *броженіе* (откуда *творило*—квашня, областн. *тварь*—мокрый, крупный снѣгъ). Сличи. сканд. *miötudr*—творецъ, собственно умѣряющій и украшающій.

[3]) *Текучая* есть тавтологическій эпитетъ *рѣки*, какъ *тихіе* покои, *божій* день (день родтвенно слову divus и пр.).

[4]) Вольфъ въ своихъ Beiträge zur deutsch Mythol. ч. 2, 1857 г., на стр. 240 и слѣд. приводитъ цѣлый

какъ у Русалокъ, могло быть, конечно, не лицо христіанскаго міра, а миѳическое существо, какимъ и описывается Егорій въ пѣснѣ:

По колѣна ноги въ чистомъ сéребрѣ,
По локóть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія жемчужная,
По всемъ Егорьѣ часты́ звѣзды.

Частыя звѣзды на Егорьѣ напоминаютъ ризу въ стихѣ о Голубиной книгѣ: «звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ»; что же касается до жемчужной головы, то такая же была у вѣщей жены Потока, обернувшейся бѣлою лебедью:

Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ,
И скатнымъ жемчугомъ усажена [1]).

Какъ *рыскучіе волки*, которыхъ наѣзжаетъ Егорій, не только *волкодлаки* древней миѳологіи [2]), но и символическіе знаки Романскаго стиля, подобные крылатому или многоглавому зміею; такъ и чудесный образъ самого героя, выходя изъ миѳическихъ основъ, въ тоже время напоминалъ нашимъ предкамъ художественное произведеніе того же древне-христіанскаго стиля, литое или чеканное, изъ золо́та и серебра, съ драгоцѣнными каменьями.

Подъ вліяніемъ того же смутнаго вѣрованья, находившаго въ прилѣпахъ Романскаго стиля оправданіе миѳологическимъ преданіямъ, нашъ народный стихъ до того сближаетъ миѳологію съ художественными украшеніями средне-вѣковаго символическаго искусства, что во встрѣчѣ Егорья съ *Черногаръ-птицею*, то и другое, миѳологія и искусство, сливаются въ одно смутное представленье:

Пріѣзжалъ Егорій
Къ тому ко городу Кіеву.
На тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ
Сидитъ Черногаръ-птица,
Держитъ въ когтяхъ Осетра-рыбу:
Святому Егорью не проѣхать будетъ.
Святой Егорій глаголуетъ:
Охъ ты, Черногаръ-птица!
Возвейся подъ нéбеса,
Полети на Океянъ-море:
Ты и пей, и ѣшь въ Океянъ-морѣ,
И дѣтей производи въ Океянъ-морѣ.

рядъ преданій, по которымъ свѣтлые или воздушные Эльфы суть не что иное, какъ геніи или духи царства растительнаго. Сравн. Скандинавск. миѳъ о созданіи людей изъ деревьевъ, и Саксонское преданье о томъ, что *дѣвицы на деревахъ ростутъ*.

[1]) Древн. рос. стих. 217.

[2]) Слич. сказаніе Геродота о Неврахъ, превращавшихся въ волковъ; сказаніе Сѣверное о Вельзунгахъ, Зигмундѣ и Зинфіотли, обратившихся волками и м. др.

Эта Черногаръ-птица—не только дополненіе къ миѳической обстановкѣ изъ волковъ и зміевъ, но, соотвѣтствуя *Стратимъ-птицѣ*, которая, по стиху о Голубиной книгѣ—тоже дѣтей производитъ на Океанѣ-морѣ,—вмѣстѣ съ Осетромъ рыбою въ когтяхъ есть не что иное, какъ скульптурное украшеніе *Херсонскихъ*, то есть, *Корсунскихъ* воротъ, подобныхъ извѣстнымъ Новгородо-Софійскимъ вратамъ, дѣланнымъ Нѣмецкими мастерами въ Романскомъ стилѣ.

4. Символическій непонятный знакъ Романскаго стиля требовалъ толкованія. На основаніи древнѣйшихъ *Толковыхъ текстовъ*, наша апокрифическая Бесѣда строила цѣлый фантастическій міръ загадочныхъ образовъ и понятій, которыя слѣдовало рѣшить. Потому эта Бесѣда въ загадкахъ и отгадкахъ, соотвѣтствующая по своей формѣ нѣкоторымъ эпизодамъ миѳологическаго эпоса [1]), съ одной стороны служитъ толкованіемъ художественныхъ средневѣковыхъ символовъ, а съ другой—состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ народною загадкою и съ старинною повѣстью, любившею вплетать загадки съ разгадками въ самую основу сказочной завязки.

Лучшимъ доказательствомъ связи нашей Бесѣды съ художественнымъ стилемъ древне-русскаго искусства можетъ служить слѣдующее сближеніе. Въ палатахъ Царя Ивана Васильевича была изображена символическая притча, заимствованная изъ Василія Великаго. Между прочимъ тутъ были представлены символическіе знаки въ видѣ зайца, стрѣльца, волка, а также было изображено, какъ *гонятся послѣ дни нощь*, то есть, какъ ночь гонится за днемъ, и сверхъ того—*жизнь* да *смерть*. [2]). Соотвѣтствіе этимъ изображеніямъ въ нашей Бесѣдѣ до того разительно, что слѣдующее мѣсто изъ нея кажется объясненіемъ притчи въ Царскихъ палатахъ, будто намѣренно для нея составленнымъ: «кто бѣжитъ, и кто гонитъ? *Отвѣтъ*: день бѣжитъ, а ночь гонитъ. *Вопросъ*: кто борются между собою? *Отвѣтъ*: животъ съ смертью. [3]).

Изъ множества символическихъ толкованій и притчей приведу изъ Бесѣды нѣсколько образцовъ.

«В. Что есть: конь стоитъ, изсохъ, а трава подъ нимъ до чрева? Отв. Конь есть богатый человѣкъ, который, смотря на свое богатство, изсохъ. В. Что есть: конь стоитъ на голомъ гумнѣ, а сытъ вельми? Отв. Конь есть убогій человѣкъ, который о богатствѣ не печется. [4]) В. Что есть: видѣлъ я жену пречудну и великимъ свѣтомъ одѣянну, глава же ея сіяла какъ солнце, а за солнцемъ шолъ мѣсяцъ, а кругомъ ея держалось двѣнадцать звѣздъ. Отв. Жена есть вѣра христіанская, а свѣтъ есть Св. Богородица, отъ нея же родился праведное солнце Христосъ Богъ нашъ, а мѣсяцъ есть Законъ Моисеевъ. [5]) —В. Которыя суть птицы—пѣсни воспѣваютъ, а гласъ ихъ до небесъ восходитъ, а косы ихъ до земли висятъ? Отв. Птицы — звонъ церковный, а косы ихъ — веревки, а церковь— земное небо.» [6])

Слѣдующая загадка напоминаетъ извѣстную притчу Кирилла Туровскаго *о Бѣлоризцѣ и о Монашествѣ, о душѣ* и *покаяніи*: «В. стоитъ градъ дологъ, а въ немъ сидитъ царь съ

---

[1]) Напр. въ пѣсняхъ Древн. Эдды пѣсня о великанѣ Вафтруднирѣ.

[2]) Розыскъ о дѣлѣ Висковатаго во 2-й книгѣ Чтеній Общ. Истор. и Др. Рос. 1858 г.

[3]) Л. 290. Слич. 293 об.

[4]) Л. 292.

[5]) Л. 308 и об.

царицею и со всѣми друзьями; и пришолъ къ нимъ высокоумливый вельможа и разогналъ царя съ царицею, и разъѣзжаются любимые его друзья, и *расплачется царица, аки заклепанная голубица.* Отв. Городъ есть человѣкъ, а царь умъ, а царица душа, а любовные други—мысли, а вельможа—хмѣль»[1]). Эпитетъ *высокоумливый*, приданный хмѣлю, говоритъ въ пользу предположенія, что при составленіи этой загадки имѣлась въ виду извѣстная повѣсть *о высокоумномъ хмѣлѣ.*

Кромѣ указанныхъ мною качествъ символическаго стиля, загадки апокрифической Бесѣды имѣютъ достоинство и вообще въ поэтическомъ отношеніи, придавая особенную игривость и свѣжесть описаніямъ природы, или же увлекая искреннимъ чувствомъ, будто невзначай мелькнувшимъ, чтобъ сообщить поэтическій колоритъ какому нибудь краткому библейскому разсказу. Вотъ примѣры тому и другому. «В. Нѣкоторый царь имѣетъ у себя множество слугъ, а у слугъ его нѣтъ никакого оружія, а только по одной стрѣлѣ въ тѣлѣ: и гдѣ стрѣляютъ, стрѣлъ не собираютъ. Отв. Царь—пчелиная матка, а слуги у него— пчелы, а имѣютъ у себя по одному жалу, и гдѣ испущаютъ жало, назадъ не берутъ[2]). В. Кто принесъ Господу *глубокую* воду и убрусъ неткакъ, и испросила себѣ, чего у ней не было. Отв. Когда блудница припала къ ногамъ Христовымъ, слезами мочила ихъ и волосами головы своей отирала, и испросила себѣ оставленіе грѣховъ»[3].)

5. Неоднократно было замѣчаемо, что старинная сказка, подобно нѣкоторымъ пѣснямъ миѳологическаго содержанія, основываетъ завязку и развязку на разрѣшеніи трудныхъ задачъ и мудреныхъ загадокъ. Очень любимая въ средніе вѣка повѣсть, и у насъ распространявшаяся между читателями въ Палеяхъ, Хронографахъ и Сборникахъ, о состязаніи Царя Соломона съ Царицею *Ужичьскою, Южскою* или Южною (т. е. Савскою), вся состоитъ въ загадкахъ и разгадкахъ. Этотъ же наивный мотивъ далъ содержаніе любимой у насъ въ старину переводной сказкѣ о Синагринѣ и Акирѣ Премудромъ. По народному разсказу, Февронія Муромская является сначала, какъ вѣщая дѣва, говорящая загадками, которыхъ не можетъ понять княжій отрокъ, посланный искать врача.[4])

Наша апокрифическая Бесѣда, отзываясь на всѣ литературные и художественные интересы эпохи, не только въ составѣ своемъ вообще, но и многими мелкими подробностями связана съ древнею сказочною литературою. Загадки, на которыхъ основана извѣстная древняя русская сказка *о купцѣ Димитріи Басаргѣ,* внесены и въ Бесѣду, и — что особенно замѣчательно — въ томъ же порядкѣ.

Православный купецъ Басарга, Кіевлянинъ, попавъ съ своими кораблями къ языческому царю Несмѣяну, долженъ отгадать предлагаемыя этимъ царемъ загадки; отгадавши, купецъ останется на свободѣ и не лишится своего имущества. Если же не отгадаетъ, то долженъ, или перейти въ языческую вѣру, или лишиться жизни. Вмѣсто Басарги, рѣшаетъ царевы загадки сынъ его, семилѣтній отрокъ Добромудрый Смыслъ или Мудросмыслъ, иначе Борзосмыслъ. Но вотъ самые отрывки изъ сказки по рукописи 1689 г.[5]):

---

[1]) Л. 128 и об.

[2]) Л. 127.

[3]) Л. 307.

[4]) См. пѣсни Древн. Эдды и Муромская Легенда въ Атенеѣ за 1858 г.—Пыпина Очеркъ Литературн. исторіи повѣстей и сказокъ. Стр. 138 и слѣд.

[5]) Рукописн. Сборникъ въ Румянц. Музеумѣ № 378. л. 332 и слѣд.

«и рече Царь: «тебѣ глаголю, дѣтище загадку мою: много ли тово или мало отъ Востоку и до Западу? Скажи ми.» И глагола дѣтище: «загадку твою отгадаю: тово, Царю, ни мало, ни много, день съ нощію: солнце пройдетъ въ кругъ небесный и отъ Востоку и до Западу единымъ днемъ, а нощію единою солнце пройдетъ отъ Сѣвера до Юга: то тебѣ, Царю, отгадка.» Удивижеся Царь разумному отвѣту его, что ему добрѣ разумно отвѣчалъ.» На другой день опять: «рече имъ Царь: младый отрокъ, а разумомъ старъ и смысленъ! Отгони [1]) ми сего дни другую загадку: «что днемъ десятая часть въ міру убываетъ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ.» И рече дѣтище ко Царю: «Государь Царь!... то, Царю, днемъ десятая часть солнцемъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ: ино та часть воды исполняется, зане солнцу зашедшу и не сіяющу. То тебѣ, Царю, моя другая отгадка.» Дивижеся Царь тому разумному отвѣту, что ему разумно отгадалъ.»

Этимъ двумъ загадкамъ, помѣщеннымъ въ нашей Бесѣдѣ въ томъ же порядкѣ, предшествуетъ третья, по смыслу, состоящая съ ними въ связи. «В. Что есть во всѣхъ человѣцехъ умаляется, а въ нощь прибываетъ? Отв. То есть сонъ въ человѣцехъ бываетъ. В. Много ли есть отъ Востока до Запада? Отв. День да нощь, солнце и мѣсяцъ: солнце бо идетъ съ Сѣвера на Югъ, а мѣсяцъ тѣмъ же путемъ идетъ, во вселенную свѣтятъ. В. что̀ есть на семъ свѣтѣ днемъ десятая часть убываетъ, а десятая часть нощію прибываетъ? Отв. Егда убо солнце днемъ бываетъ, тогда въ моряхъ и въ рѣкахъ воды́ десятая часть усыхаетъ, а въ нощь прибываетъ десятая часть.» [2])

6. По занимательности энциклопедическаго содержанія и по игривости поэтическаго изложенія, примѣненнаго къ народнымъ загадкамъ, апокрифическая Бесѣда до того была распространена между грамотными нашими предками, что отрывки изъ нея были внесены въ Азбуку, и, вѣроятно, не ради одной поэтической формы изложенія, а скорѣе по причинѣ назидательности свѣдѣній, которыя думали грамотные люди почерпать изъ этой Бесѣды.

Старинная Азбука предлагаетъ отрывки изъ Бесѣды въ двоякомъ видѣ, или въ ряду притчей, загадокъ, пословицъ и другихъ изреченій, перешедшихъ изъ Св. Писанія, изъ Пчелы, изъ Даніила Заточника и другихъ источниковъ, или же прямо подъ заглавіемъ Бесѣды трехъ Святителей.

Приведу примѣры того и другаго по рукописной Азбукѣ начала XVIII в. [3])

Послѣ буквъ, въ статьѣ, подъ заглавіемъ *Склады*, читается, между прочимъ, слѣдующее:

«Не ищи, человѣче, мудрости, ищи прежде кротости: аще обрящеши кротость, тогда познаешь и мудрость.»

«Не тотъ милостивъ, кто всегда милостыню творитъ: тотъ милостивъ, кто никого не обидитъ, и зла за зло не воздаетъ.»

«Стоитъ море на пяти столпѣхъ. Царь речетъ: потѣха моя; а царица речетъ: погибель моя. Царь есть тѣло, а царица душа».

Стоитъ градъ пустъ,
А около его кустъ

[1]) Отгадай.
[2]) л. 312 об. и 313.
[3]) По рукописи, принадлежащей мнѣ

Идетъ старецъ,
Несетъ ставецъ,
Въ ставцѣ взварецъ,
Въ взварцѣ перецъ,
Въ перцѣ горечь,
Въ горечи сладость.
Въ сладости радость:
Въ радости смерть.

«Стоитъ градъ на пути, а пути къ нему нѣтъ: идетъ посолъ нѣмъ, несетъ грамоту неписаную, а даетъ читать неученому».

«Стоитъ человѣкъ въ водѣ по горло, пить проситъ, а напиться не можетъ».

«Когда синица орла одолѣетъ, тогда безумный ума научится»[1]).

Замокъ водянъ, ключъ древянъ:
Зайцы перебѣгли, а ловецъ утопъ.

Аще кто хощетъ много знати,
Тому подобаетъ мало спати.

Человѣче Божій! бойся Бога:
Стоитъ смерть у порога!
Труба и коса
Ждетъ смертнаго часа!
Здѣ колико ни ликовать,
А по смерти гроба не миновать
....

«Единаго искахомъ, а три обрѣтохомъ; обрѣтохомъ же и не познахомъ: но показа намъ мертвая дѣвица».

Что касается до самой Бесѣды Святителей, то она излагается въ Азбукѣ въ кругахъ, по два круга рядомъ: въ одномъ вопросъ, въ другомъ отвѣтъ. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ взяты дѣйствительно изъ извѣстной намъ апокрифической Бесѣды. Напримѣръ. «В. Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? Отв. Высота небесная Отецъ, широта земная Сынъ, глубина морская Духъ Святый. — В. Что четыре рози на земли? Отв. Четыре Евангелиста.—В. Что четыре орла едино яйцо снесли? Отв. четыре Евангелиста Св. Евангеліе списаша. — В. Кто крестилъ Богородицу? Отв. Петръ Апостолъ.—В. Кто не рожденъ умре, а рожденъ не умре, въ столпъ претворися, а не истлѣ? Отв. Адамъ не рожденъ умре, а рожденъ не умре Илія Пророкъ а въ столпъ превратися Лотова жена.—В. Кто бысть первой Пророкъ на земли? Отв. Адамъ. Егда сотворенъ бысть, и вопроси его Господь: Адаме, что видѣлъ еси во снѣ? Онъ же рече: видѣлъ еси,

---

[1]) Слич. у Даніила Заточника: «коли пожретъ синица орла, коли каменіе воспловетъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится.» По изд. Калайд. въ Памятн Рос. Слов. XII в. стр. 236.

Господи, Петра въ Римѣ распята, а Павла въ Дамасцѣ, а Тебя, Господи, видѣлъ надъ моимъ лбомъ распятаго.»

Другіе вопросы съ отвѣтами заимствованы изъ Иконописныхъ Подлинниковъ и сочиненій, содержащихъ въ себѣ объясненіе церковной архитектуры и утвари, какова напр. Никоновская Скрижаль, изданная въ Москвѣ въ 1656 г. (въ 4-ку).—Напримѣръ, изъ иконописнаго толкованія *Св. Софіи*: «В. Что̀ Премудрость созда себѣ Храмъ? Отв. Премудрость Христосъ, а Храмъ Богородица. В. Что̀ утверди столповъ седмь? Отв. Седмь Св. Отецъ Соборы.» [1])—Изъ Подлинника же взяты нѣкоторыя символическія толкованія живописныхъ подробностей; напр. «В. Что̀ у Богородицы на главѣ три звѣзды? Отв. Прежде рождества дѣва, въ рождествѣ дѣва, и по рождествѣ дѣва.» Въ Сборномъ Подлинникѣ Графа С. Г. Строганова: «О звѣздахъ, что пишутся на Пресвятой Богородицѣ Иконѣ. Тремя бо звѣздама образуетъ три великія таины Пресвятой Богородицы. Первая великая таіна, яко Дѣва сподобися Бога плотію безъ сѣмени родити, прежде бо рождества Дѣва. Вторая превеликая таіна, яко рождаемый рождьшей дѣвства двери не вредны соблюде, Еммануилъ бо глаголется, естества двери отверзе, яко человѣкъ, дѣвства же затворъ не разверзе, яко Богъ: сего рождьшія и въ рождествѣ Дѣва глаголется, и въ лѣпоту, Бога роди, изъ нея воплощена. Третья превеликая таіна. яко и по рождествѣ паки Дѣвою пребысть. *Ино толкованіе*: и паки три звѣзды, яко той есть образъ рождьшія намъ Единаго отъ Троицы Христа Бога нашего.»

Къ Символикѣ Христіанской Археологіи принадлежатъ въ нашей Азбукѣ вопросы: что есть престолъ? Что царскія врата? Что занавѣсь у царскихъ вратъ? Что жертвенникъ? и тому подоб.

Надобно сказать правду, что популярное объясненіе всѣхъ подобныхъ предметовъ въ старинныхъ Азбукахъ могло бы быть весьма полезно для учившихся грамотѣ, если бы между этими объясненіями не встрѣчалось самыхъ превратныхъ понятій, свидѣтельствующихъ о наивности древне-русскихъ грамотныхъ людей. Напримѣръ: «В. Что у Спасителя на вѣнцѣ: Ѿ. О. Н? Отв. Ѿ—отъ небесъ пріиде во своя и свои его не пріяша. О — Они его не познаша. Н—На крестѣ его распяша. — В. Что у Богородицы подпись М. Р. О. Ѵ? Отв. М—Марія, Г—роди, О—Фарисея, Ѵ—учителя.»

Эти и другія простонародныя толкованія были вносимы и въ Иконописный Подлинникъ, но, при нихъ помѣщались и настоящія, истинныя объясненія: такъ что внимательному читателю всегда можно было усвоить себѣ лучшее. Напримѣръ, въ Сборномъ Подлинникѣ Графа Строганова, сначала предлагается истинное толкованіе, а за тѣмъ прибавлено: «нѣцыи же толкуютъ ихъ сице: Ѿ—отъ небеси сошедъ, во своя пріидохъ. О — Они же мя не пріяша. Н—На крестѣ мя пригвоздиша.»

Въ другомъ, тоже Сборномъ Подлинникѣ, принадлежащемъ тоже Графу Строганову: «МР ѲѴ. Се есть подпись образу Пресвятыя Богородицы: по гречески глаголется: *Митеринъ* (sic) *Ѳеу*, а словенски толкуется: *мати Богу*, а не *Марѳа*, яко же нѣцыи мнятъ».

Послѣ приведенныхъ мною фактовъ, почитаю совершенно лишнимъ входить въ доказательство той мысли, что наша древне-Русская Азбука, не смотря на ограниченное и

[1]) Въ Подлинникахъ это толкуется иначе: «утверждена же седмію столпъ. Толк. Седмію Духа дарованіи, что̀ въ Исаіи Пророчествѣ писано.» Смотр. Изъ Исторіи Русск. живописи XVI в. въ Атенеѣ за 1858 г.

наивное пониманье вещей, не лишена была поэтическихъ и художественныхъ интересовъ, какъ бы смутно интересы эти ни принимались, и конечно не малолѣтными только, но и, безъ сомнѣнія, взрослыми учениками.

7. Указавъ на такое обширное вліяніе апокрифической Бесѣды на древне-Русское образованіе, прослѣдивъ тонкія нити, которыми этотъ памятникъ нашей литературы связывается съ интересами поэтическими и художественными, и наконецъ усмотрѣвъ вліяніе его даже на первоначальное обученіе грамотѣ, мы можемъ теперь объяснить себѣ, почему былъ такъ распространенъ онъ между нашими предкамъ во множествѣ сборниковъ, то въ сокращенномъ видѣ, то съ различными прибавленіями. Еще и теперь кое гдѣ въ захолустьяхъ обширной Руси можно встрѣтить грамотнаго мужичка, который, пробавляясь этою занимательною Бесѣдою, поучается изъ нея по своему понимать міръ и исторію человѣчества, символически объяснять себѣ явленія природы и всемірныя событія, толковать изображенія на иконахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе свыкается съ тѣмъ поэтическимъ міромъ духовныхъ стиховъ, которые поетъ ему странствующій пѣвецъ, слѣпой старецъ, смутно блуждающій своимъ воображеніемъ въ томъ же наивномъ, уже чуждомъ для насъ мірѣ апокрифической Бесѣды.

Заключая объ этомъ памятникѣ, не могу не коснуться отношенія его къ книгамъ отреченнымъ и истиннымъ. Бесѣда эта, какъ было уже замѣчено, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ другими апокрифическими книгами, перешла къ намъ изъ Болгаріи [1]; но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялась въ своемъ объемѣ, принимая въ себя, частію поэтическіе элементы народной поэзіи, частію отрывки изъ другихъ *отреченныхъ* книгъ [2], а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе проникалась національными воззрѣніями. Люди съ строгими православными убѣжденіями могли смотрѣть презрительно на это наивное собраніе притчей и загадокъ, могли его преслѣдовать съ точки зрѣнія богословской: но такъ обаятельна была поэзія этого памятника, что, не смотря на строгія запрещенія, онъ расходился между русскими грамотными людьми въ множествѣ списковъ, съ самыми странными, противными духу православія, прибавленіями.

III.

Вся жизнь древней Руси была проникнута поэзіею; потому что всѣ духовные интересы были понимаемы только на основѣ самого искренняго вѣрованья, хотя бы источникъ этого послѣдняго и не всегда былъ чисто-христіянскій. Множество примѣтъ, заклятій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и доселѣ живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго имъ цѣлаго, была не собственно языческая, и уже

---

[1]) Слич. въ статьѣ о книгахъ истин. и ложн. у Калайдов. въ Іоаннѣ Екс. Бол. *Іоанна Богослова вопросы*: это, вѣроятно, наша Бесѣда.

[2]) Даже въ самой Бесѣдѣ можно найти нѣсколько отреченныхъ *книгъ*, то есть, притчей, на которыя указано въ статьяхъ о книгахъ истин. и ложныхъ. Напр. *Сиѳова Молитва, Адамль Завѣтъ, Исаино видѣніе, имена Ангеламъ.*

вовсе не христіанская, но какая-то смутная, фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами христіанскаго міра соединялось нѣчто другое, болѣе согласное съ миѳическими воззрѣніями народнаго эпоса [1]).

Не надобно думать, чтобъ это смутное пониманье христіанскихъ идей было достояніемъ одной только Руси; оно господствовало въ средніе вѣка и на западѣ, но при другихъ условіяхъ принимало другой характеръ и вело къ другимъ результатамъ.

Отличительною чертою этого смутнаго состоянія духа было суевѣрное убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно, въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ болѣе важномъ случаѣ жизни, можетъ внезапно оказать свое необычайное дѣйствіе. Въ періодъ эпической жизни народа это убѣжденіе выразилось въ *чудесномъ*, какъ основной пружинѣ всего народнаго эпоса. Пока миѳологія народная не была остановлена въ своемъ развитіи благотворными успѣхами христіанскаго просвѣщенія, это суевѣрное чудесное находило себѣ свободный исходъ въ эпическомъ творчествѣ Но потомъ, захваченная христіанствомъ врасплохъ, народная фантазія, не очищенная отъ языческихъ представленій, и запуганная ими, уже какъ наважденіемъ дьявольскимъ, но все же какъ отъ родной старины, не отказавшаяся отъ нихъ, естественно должна была сойти съ своего свободнаго творческаго поприща, и, такъ сказать, сжаться въ болѣе тѣсномъ кругу цѣлаго ряда мелкихъ суевѣрій, которыя однако тѣмъ не менѣе обнимали и доселѣ въ простомъ народѣ объемлютъ всю жизнь, всѣ крупныя и мелкія явленія ея.

Народное *суевѣріе* есть одинъ изъ существенныхъ видовъ поэзіи, перешедшей въ жизнь и съ нею слившейся. Потому, не смотря на свою фантастическую основу, суевѣріе важно для народа своею практическою примѣнимостью въ дѣлахъ житейскихъ. Это неразрывное сочетаніе поэзіи съ жизнію, низводящее художественныя и религіозныя идеи до примѣненія въ быту дѣйствительномъ, и постоянно возносящее этотъ послѣдній въ міръ идей, во всей силѣ господствовало въ ту эпоху, когда фантазія народа безпрепятственно предавалась эпическому творчеству, слабые слѣды котораго остались въ народныхъ суевѣріяхъ.

Не имѣя намѣренія разсматривать этотъ предметъ въ современной устной словесности народной, обращаюсь въ нашей древней письменности.

Перелистывая старинные рукописные сборники, не разъ остановитесь вы на чрезвычайно любопытныхъ, большею частію короткихъ замѣткахъ, носящихъ на себѣ явственные слѣды народныхъ суевѣрій, частію заимствованныхъ, частію собственно русскихъ, иногда языческихъ, иногда съ примѣсью христіанскихъ преданій. Чернокнижіе, распространявшееся между русскими грамотниками въ книгахъ отреченныхъ или еретическихъ, не мало способствовало къ образованію этой, такъ сказать, *суевѣрной поэзіи* въ нашей древней письменности.

Но такъ какъ практичность есть главное свойство этого рода поэзіи, не подходящаго подъ эстетическое опредѣленіе поэзіи *безцѣльностью* и *непрактичностью*; то самое богатое

---

[1]) Вотъ напр. какъ въ одной Сербской пѣснѣ христіанскимъ именамъ дано языческое понятіе: «стала Молнія дары дѣлить: дала Богу небесную высоту, Св. Петру Петровскіе жары, Іоанну ледъ и снѣгъ, Николѣ на водѣ свободу, а Иліи молнію и стрѣлы». Вука Стеф. Караџ. Српске народне пjесме I, № 230.

собраніе всевозможныхъ суевѣрій, примѣтъ, обереговъ, причитаній или заговоровъ и отреченныхъ молитвъ вы встрѣтите въ книгахъ, составленныхъ съ самою опредѣлительною практическою цѣлью, именно въ *Лѣчебникахъ* и *Травникахъ*.

Предоставляя другимъ полное монографическое изслѣдованье объ этой важной отрасли нашей древней литературы, я обращу вниманіе Ваше только на поэтическую сторону въ этой, казалось бы, вовсе чуждой поэзіи, сферѣ. Но предварительно почитаю не лишнимъ замѣтить, что каково бы ни было первоначальное происхожденіе Лѣчебниковъ и Таравниковъ—изъ Греціи черезъ Болгарію, изъ Польши, вообще съ Запада, или же на своей собственной древне-русской почвѣ, только всѣ разнообразные списки этихъ памятниковъ литературы носятъ на себѣ явственные слѣды то иностранной, то чисто-русской редакціи: а во многихъ спискахъ иностранное съ своеземнымъ до того слилось, что то и другое составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Къ этому послѣднему разряду принадлежатъ два Синодальныхъ Лѣчебника [1]), изъ которыхъ заимствую характеристику суевѣрныхъ поэтическихъ воззрѣній нашихъ грамотныхъ предковъ.

Не говоря о лѣчебныхъ пособіяхъ, между которыми постоянно встрѣчаются латинскіе термины и приводятся иностранныя средства [2]), даже въ самыхъ заговорахъ и отреченныхъ молитвахъ, не смотря на своеземный составъ большей части изъ нихъ, очевидны слѣды иностраннаго вліянія, сначала греческаго, потомъ латинскаго [3]). Первоначальный составъ Лѣчебника распространялся внесеніемъ свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ, которые иногда упоминаются [4]). Сверхъ того онъ видоизмѣнялся въ слѣдствіе мѣстныхъ условій, къ которымъ примѣнялся, и такимъ образомъ получалъ мѣстный характеръ [5]).

Молитвы о *трясавицахъ*, или лихорадкахъ, со внесеніемъ въ нихъ притчи о Св. Сисиніи, въ нашихъ Лѣчебникахъ ведутъ свое начало изъ Болгаріи, потому что въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ приписываются Болгарскому попу Іереміи [6]). О чародѣй-

---

[1]) Оба XVII В. подъ №№ 480 и 481. Смотр. приложенія. Для нашей цѣли особенно важенъ № 481. Съ этимъ послѣднимъ сходенъ Лѣчебникъ въ Румянц. Музѣ, подъ № 262. Переводную редакцію смотр. въ Травникѣ Гр. А. С. Уварова (по катал. Царскаго № 615.)

[2]) Напр. «а̂ то́ е̏сть цѣлба немецкая» —«а̂ то лекарство фрязьское» № 481. Л. 84 об. 86 об.

[3]) Напр. слова въ заговорахъ: «тѣ та теи. софро̂» № 481 л. 128 об. Тамъ же на л. 244 упоминается Латинская молитва Ave Maria: «да говори. є. ю ѡ҃че ш҃ъ да. є҃ю. а̂ви Марія.»

[4]) Напр. въ Синод. Лѣчебникѣ № 480 «Р҃л҃ѳ, Ноября въ 1 д. (т. е. 1630 г.), *Яковъ Мелецъ* сказывалъ: добро де отъ *волосатика* мясицо, что въ раковинахъ живетъ, сырое прикладывать къ ранамъ.» Л. 113 об. — »Выпись взята у *Ивана Насѣтки*, а онъ взялъ у Доктора, пропускному зелью, *пургація*» 113 об.—«О *попутникѣ* пишетъ спце: сказывалъ де *Виницѣянинъ торговой человѣкъ*».... 98 об.

[5]) Напр. въ томъ же № 480: «трава ростетъ въ водѣ, по прудомъ, и по рѣчкамъ на днѣ: у неѣ цвѣтъ желтъ, много еѣ въ *Неглиннѣ*, уже и у *Чертолскихъ* воротъ.» Л. 39 об. Въ томъ же Лѣчебникѣ на Московскую же мѣстность указываетъ и слѣдующее мѣсто: «*то отъ Московского кнутья, а не отъ селского*: Добро бы вскорѣ захватить овчиною сырою тотъ часъ, какъ бить, и привязывати мездрою къ битому, и кровь битую овчина высосетъ все, и скоро жить станетъ. *Отъ селского кнутья:* Молокомъ коровьимъ парнымъ мазать, перомъ, или топленымъ грѣтымъ молокомъ.» 97. об. и 98. Это въ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ: *Битому человѣку отъ кнутья.*

[6]) Въ Синод. Лѣчебн. № 481, Л. 163 и слѣд. Смотр. ниже.—У Калайд. въ статьѣ о книгахъ истин. и ложн. «Вопросы Іеремія къ Богородици о недузѣ естественѣмъ, и иже именують трясавици, басни

скихъ письменахъ на яблокахъ для исцѣленія отъ той же болѣзни упоминается, какъ въ Лѣчебникахъ, такъ и въ числѣ бѣсовскихъ обычаевъ, въ Паисіевскомъ Сборникѣ XIV в. [1])

Ведя свое начало отъ ложныхъ или отреченныхъ книгъ, и впослѣдствіи расширяя свое содержаніе народными заговорами и примѣтами, а также выписками изъ стариннаго чернокнижія, наши Лѣчебники и Травники предлагали не только врачебныя пособія, но и всевозможныя наставленія о различныхъ важнѣйшихъ случаяхъ въ жизни, для благополучнаго исхода которыхъ необходимы чарующее слово, молитва или заговоръ, или вѣщая примѣта. Къ древнѣйшимъ источникамъ, Греческимъ и Болгарскимъ, съ XVI в. стали прибавляться западные, изъ Тайная Тайныхъ и Аристотелевыхъ Вратъ, изъ Альберта Великаго, Михаила Скотта [2]), Раймунда Люллія и другихъ Хотя въ планъ моего изложенія не входитъ критическое изслѣдованіе о вліяніи этихъ книгъ на наши Лѣчебники, однако не могу не привести одной статьи изъ Синод. Сборника XVII в., въ которой, при описаніи чарующей силы *Орлова камня*, приводятся эти и другіе западные источники [3]).

«Старые *знатцы*, которые открыли силы и угодья въ звѣряхъ, во птицахъ, и въ травахъ, и въ кореньяхъ, оставили намъ опыты про силы и угодья нѣкоего камня, именуемаго *Орловъ камень*. Греки и Латине называютъ тотъ камень *атитесъ*, а нынѣ многимъ людемъ объявился отъ царскія птицы, отъ орла, отъ чего и имя свое получилъ. Какъ орелъ сядетъ въ гнѣздѣ своемъ на яицахъ, и онъ тотъ камень кладетъ въ гнѣздѣ своемъ. И въ орловомъ гнѣздѣ находятъ такихъ два камня. А держитъ орелъ тотъ камень въ своемъ гнѣздѣ для обереганья дѣтей своихъ: потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія и отъ всякихъ золъ. А камень тотъ живетъ разнаго цвѣту, темнобагровъ и сѣроватъ. А въ которомъ камнѣ стучитъ, то мужичекъ; а въ которомъ разсыпается, то женочка. Въ томъ камнѣ далъ Богъ дивныя угодья, таковы, что несвѣдущимъ людямъ не лзя про него и вѣры взять. А *знатцы* про тотъ камень писали подлинно: *Изидорусъ* писалъ въ своей 69 кн. въ 4 главѣ, *Плиніюсъ* въ своей 36 кн. въ 23 гл., *Деоскордіюсъ* писалъ въ своей книгѣ о камнѣ. *Албяртусъ Магнусъ*, *Матіолусъ*, да *Варѳоломѣй* Англичанинъ писалъ въ своей книгѣ про всякія угодья, *Ремеюсъ Белеовъ* писалъ въ своей книгѣ о драгоцѣнныхъ камняхъ. и иные знатцы, которые тотъ камень у себя держали, и что въ томъ камнѣ силы и угодья, и они о томъ пишутъ: какъ женамъ легко родить: взявъ тотъ камень, привязать женѣ той на лѣвой рукѣ или къ лѣвой ногѣ [4]), и какъ родитъ, тотчасъ снять», и т. п.

суть Іеремія попа Болгарьскаго, глаголетъ бо окаанный сей, яко сѣдящу Св. Сисенію въ горѣ Синайстѣй, и Ангела Михаила именуеть, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и седмь дщерій Иродовыхъ трясцами басньствоваше.» Іоан. Екс. Болг. стр. 210.

[1]) Въ Синод. Лѣч. № 481: «а кому буде трясца, то напиши на яблоцы: т҃ в҃. р҃. х҃. потис никосвость». Л. 169. Въ Паис. Сборн. въ Кирилло-Бѣлоз. монаст. **нелощиі бѣса глаго трасцю. инать прогонающе нѣкыми ложными писмяны. проклатыхъ бѣсовъ еленьскихъ. пиша имяна на яблоцѣ. покладаю на стѣи трапезѣ в годъ люторгіи. и тогда ужаснуть страхо англьскаа воиньства»** и проч. Л. 199. Смотр. изъ этого же слова выписку далѣе.

[2]) По рукописи, принадлежащей мнѣ, переводъ Альберта Великаго и Мих. Скотта относится къ 1670 г.

[3]) № 850. Л. 458 и слѣд. Статья озаглавлена такъ: «Переводъ. Объ Орловомъ камени, что въ себѣ имѣетъ силу и угодія. Находятъ его въ Персидцкомъ морѣ, и во Индѣи».

[4]) Слич. далѣе чары надъ орломъ въ день Ивана Купалы.

Въ нашихъ Лѣчебникахъ Русской, самостоятельной редакціи все иностранное, накопившееся въ теченіе вѣковъ, проникнуто Русскимъ, народнымъ характеромъ, потому что и въ томъ и другомъ было одно общее начало: чужеземное чернокнижіе было усвоено своему собственному суевѣрію.

Само собою разумѣется, что наши Лѣчебники, эта любопытная смѣсь иноземнаго чернокнижія съ народною миѳологіею, относились къ книгамъ отреченнымъ. Думая какимъ нибудь заговоромъ исцѣлить себя отъ болѣзни, или предохранить отъ несчастія, русскій человѣкъ со страхомъ и трепетомъ приступалъ къ чарующему средству, и, заботясь о спасеніи своего тѣла, ужасался при мысли, что онъ тѣмъ самымъ губитъ на вѣки свою душу. Но суевѣріе брало верхъ надъ благочестивымъ опасеніемъ, а совѣсть находила себѣ примиреніе, встрѣчая въ заговорахъ не только священныя имена, но иногда и цѣлыя отрывки изъ христіанскихъ молитвъ.

1. Съ самымъ искреннимъ вѣрованьемъ человѣкъ обращался къ окружающей его природѣ, и не вѣдая ея свойствъ и дѣйствій, не понимая ея явленій, отовсюду ожидалъ себѣ чуда, и чѣмъ болѣе запасался чарующими средствами, тѣмъ болѣе страшился—со стороны злыхъ людей—столь же чарующаго противодѣйствія. Природа и жизнь человѣка представлялись ему въ радужномъ, поэтическомъ колоритѣ, въ цѣломъ рядѣ тѣхъ таинственныхъ явленій, которыя его воображенію представлялись отдѣльными эпизодами миѳологическаго эпоса, проникнутаго чудеснымъ: и тѣмъ обаятельнѣе была для него поэзія этихъ фантастическихъ эпизодовъ, тѣмъ глубже проникала она все существо его, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ въ нихъ видѣлъ онъ себя самого.

Прежде нежели войду въ подробности этого поэтическаго міра, почитаю необходимымъ эти общія мысли объяснить примѣромъ, выказавъ на немъ во всей ясности высокое поэтическое значеніе разбираемыхъ мною суевѣрій.

Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ самыхъ приличнымъ введеніемъ въ исторію народной поэзіи по древне-русскимъ Лѣчебникамъ и Травникамъ.

Есть Русская пѣсня о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ. Однажды на охотѣ онъ подстрѣлилъ было бѣлую лебедь: но эта лебедь была не что иное, какъ оборотень—вѣщая дѣва, Авдотья Лиховидьевна, на которой потомъ нашъ герой женится. Когда черезъ нѣсколько времени умерла эта вѣщая женщина, Потокъ, по условію, заключенному съ нею, живой былъ посаженъ къ ней въ могилу; и тамъ воскресилъ свою жену, помазавъ ее змѣиною головою. [1]) Вмѣсто того, при тѣхъ же обстоятельствахъ, въ нѣмецкой сказкѣ *О трехъ змѣиныхъ листахъ*, нѣкоторый витязь возвращаетъ къ жизни свою жену тремя листиками, которыми передъ тѣмъ въ его глазахъ одна змѣя воскресила другую. [2]). Тотъ же мотивъ, съ небольшимъ измѣненіемъ въ обстоятельствахъ, встрѣчается въ одной древне-французской повѣсти XIII в., только вмѣсто змѣй являются въ ней маленькіе звѣрки [3]).

Изъ нашего Лѣчебника (№ 480) оказывается, что зелье, которымъ одна змѣя воскресила другую, было—*Попутникъ*, и что этотъ чудесный эпизодъ въ сказкѣ—очевидно родственный нашей пѣснѣ—не случайный вымыслъ праздной фантазіи, не имѣющій ни

---

[1]) Калайд. Древн. рос. стих. 215.

[2]) По изданію братьевъ Грим. N 16.

[3]) Lai d'Eliduc., см. Poésies de Marie de France, изд. De Roquefort. 1820. 1 ч. стр. 475.

какого основанія, но дѣйствительное вѣрованье старины въ сверхъестественную силу *Попутника*, вѣрованье, на которомъ было основано на самой практикѣ употребленіе этого растенія между другими врачебными пособіями. Слѣдующія слова въ нашемъ Лѣчебникѣ бросаютъ новый свѣтъ на приведенныя мною сказанья: «О *Попутникъ* пишетъ сице: сказывалъ де Виницѣянинъ, торговой человѣкъ: лучилось имъ дорогою ѣхати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дорогѣ, и черезъ еѣ переѣхалъ возъ, и тутъ ее затерло, и она де умерла. И другая змія къ ней пришла, и принесла во ртѣ *припутникъ* да на еѣ возложила, и змія де и ожила и поползла.» л. 99.

2. Какъ эпическій пѣвецъ описываетъ природу не ради красоты ея, а по ея практическому отношенію къ человѣку, то есть, ради ея пользы или вреда, которыхъ причину полагаетъ онъ въ сверхъестественныхъ силахъ, воочію являвшихся ему въ образѣ миѳическихъ, демоническихъ существъ: такъ и практическому взгляду Лѣчебниковъ въ описаніяхъ природы сообщаетъ особенный поэтическій интересъ искренняя вѣра въ таинственное соотношеніе дѣйствительности съ міромъ идеальнымъ.

При такомъ вѣрующемъ взглядѣ, самое отношеніе человѣка къ природѣ было таинственное, исполненное поэзіи. Къ тому или другому растенію нельзя было относиться запросто, какъ ни попало, но съ благоговѣніемъ, чтобъ не оскорбить пребывающаго въ ней демона, и не во всякое время, а надобно ждать урочнаго часа. Траву *Детлевину* надобно рвать между Купальницею и Петровымъ днемъ, а какъ брать ее, очертить кругомъ куста, а говорить: «есть тутъ матка травамъ, а мнѣ (или намъ) надобѣ».[1] А брать траву *Пълотая нива*, надобно кинуть золотую или серебряную деньгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было, а какъ будетъ рвать ее, и ты пади на колѣно да читай молитвы, да стоя на колѣнѣ, хватать траву ту, обвертѣвъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую: а беречь ту траву отъ смертнаго часа: а хочешь итти на судъ или на бой, ино никто тебя не переможетъ»[2]).

Впрочемъ это таинственное отношеніе человѣка къ природѣ не до того застилало туманомъ глаза его, чтобъ онъ не чувствовалъ внѣшней формы и не обращалъ на нее никакого вниманія: только вызывало его на описаніе внѣшней формы не эстетическое чувство красоты, а практическая потребность—опредѣлить какой нибудь предметъ посредствомъ подробнаго описанія, для того, чтобъ пользующійся Лѣчебникомъ могъ взять то, что ему нужно. Не смотря на эту практическую цѣль, или—вѣрнѣе сказать — ради этой практической цѣли—многія описанія дышутъ неподдѣльнымъ чувствомъ изящнаго, выражаемаго въ свѣжести воззрѣнія на природу. Напримѣръ.

«Трава вездѣ ростетъ по пожнямъ и по межникамъ и по потокамъ; листье разстилается по землѣ. Кругомъ листковъ рубежки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тонцій, прокрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ; и какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки; а въ кориѣ и въ листу и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ[3]) бѣленько».—«Есть *Сиуиь* трава, ростетъ по лугамъ при холмахъ, а ростетъ какъ

---

[1]) № 481. Л. 243 об.
[2]) № 481. Л. 244.
[3]) № 480. Л. 52.

гречка, а цвѣтъ какъ у щавелю, а ростетъ въ колѣно и ниже, а столпица колѣньями, межъ колѣнцами брюшки, а листъ у нее, какъ *Зогзицинъ* [1]); трава долга, а въ ночи стоитъ вяла: листъ виснетъ, какъ солнце сядетъ, а какъ солнце взойдетъ, листъ стоитъ, а сама трава черна» [2]).

3. Иногда подробный разсказъ о добываніи какого нибудь чарующаго средства вводитъ суевѣрное воображеніе въ магическій кругъ эпическаго чудеснаго, которому подчиняетъ судьбу человѣка въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни. Подобныя описанія можно назвать краткими эпизодами миѳологическаго эпоса.

Особенно пріурочиваются эти эпизоды ко дню Ивана Купалы, миѳическое значеніе котораго и доселѣ такъ еще свѣжо въ преданіяхъ народа.

«Въ травахъ царь есть *Симтаримъ* трава, о шести листахъ: первой синь, другой червленъ, третій желтъ, четвертый багровъ, а брать вечеромъ на Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебреную; а подъ корнемъ той травы человѣкъ, и трава та выросла у него изъ ребръ. Возьми человѣка того, разрѣжь ему перси и вынь сердце. Если кому дать сердца того человѣка, изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любитъ, возьми голову его и поставь противъ мужа: только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его—добро, если которая жена мужу не вѣрна, или мужъ женѣ: стерши мезиннымъ перстомъ, дай пить. Если у которой жены дѣтей не будетъ, — печени того человѣка сварить въ молокѣ, и пить по три утра на тощее сердце, и будетъ тебѣ отрокъ, потомъ дѣвица» [3]).

«Есть орелъ птица. Возьми орла на Ивановъ день о вечернѣ, и взявши орла, стать на ростаняхъ межъ дорогъ на камнѣ, и наострить трость гораздо и заколоть орла того вострою тростью и раздробить его тѣло на части. А тѣ части изсушить на солнцѣ безъ вѣтру—ко многимъ потребамъ годно. Первое, око его добро при себѣ носить, правое, завязавъ въ ширинку, и носить подъ лѣвою пазухою: когда Царь или Князь на тебя гнѣвъ держитъ, и ты тѣмъ гнѣвъ Царевъ укротишь. Лѣвое око его добро смѣшать съ коровьею кровью и селезеневою, да все то изсуши, да завяжи въ синій платъ, чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи къ цѣпу, и наловишь рыбы много. Таже вещь ко многимъ ловушкамъ годна, ко звѣринымъ и птичьимъ, и ко всякой ловлѣ. Кость его головную истолокши съ кожею оленьею въ чистомъ платѣ носить и къ головѣ привязывать отъ всякихъ болѣзней. Мозгъ его головной съ масломъ смѣсивъ, въ носъ класть, когда голова болитъ и щемитъ, или къ челу приложить. А крыла его праваго правильное перо добро держать, когда жена не можетъ родить: то перо подложить ей подъ ногу, и родитъ. [4])»

Въ семейномъ и общественномъ быту крестьянъ, свадьба есть по преимуществу время всякихъ чарованій, эпическихъ обрядовъ, разгульнаго веселья и суевѣрнаго страха. И доселѣ въ простомъ народѣ ни одна свадьба не обходится безъ колдовства: «свадьба безъ дивъ не бываетъ.» Слѣдующее мѣсто изъ Лѣчебника добавитъ эту семейную эпопею новымъ эпизодомъ, съ любопытными данными для характеристики, такъ называемаго, *эпическаго чудеснаго*.

---

[1]) т. е. кукушкинъ цвѣтъ. Слич. въ Словѣ о Полку Игоревъ. *зегзица*.

[2]) № 481. Л. 244.

[3]) Тамъ же Л. 242 об.

[4]) Тамъ же. Л. 154. Слич. вышеприведенную статью иностраннаго происхожденія изъ Синод. Сборника подъ № 850.

«Когда человѣкъ хочетъ отъ вѣдьмъ стеречись на свадьбѣ или на пиру: найди рябину въ лѣсу на дубовой колодѣ, и сдѣлай изъ той рябины посошокъ; и по веснѣ о кою пору *надѣешься кукушкѣ закуковать*[1]), въ ту пору ходи съ тѣмъ посошкомъ вверху писаннымъ, рябиновымъ, и въ которомъ мѣстѣ впервые *заслышишь кукушку кукуючи*[2]), и ты также держишь посошокъ рукою, и подлѣ рукъ у того посоха замѣть сверху и съисподу тотъ жеребей.[3]) И уткни одну половину жеребья подъ ухо у дверей, а другую половину подлѣ другой половины ушка, *обаполъ* дверей, въ той хороминѣ, въ которой хочешь свадьбу рядить или пиръ: въ ту хоромину вѣдьма никакъ не можетъ войти дверьми, и воротится, а тутъ не пойдетъ. И около ложа всякаго съ тѣмъ посошкомъ рябиновымъ добро ходить, и около поля: ржа того жита не ѣстъ. Добро ту рябину себѣ въ дворѣ посадить и держать для того, о чемъ вверху писано.»[4])

4. Изъ сказаннаго доселѣ, кажется, уже явствуетъ, что наши Лѣчебники не ограничивались тѣснымъ кругомъ врачебныхъ пособій, но своими поэтическими чарованіями обнимали всю жизнь древне-русскаго человѣка: точно такъ, какъ и теперь ворожея или колдунъ слывутъ въ простомъ народѣ *знахарями*, людьми *вѣщими*, которые не только исцѣляютъ недуги, но и прогоняютъ или насылаютъ бѣсовъ и всякую нечисть, своими чарованіями устрояютъ семейное счастіе и благосостояніе, или разстроиваютъ, даютъ умный совѣтъ или таинственное средство отъ всякаго зла, и т. п.[5])

Въ этомъ отношеніи Лѣчебникъ соотвѣтствуетъ *Домострою*, то есть, такому сборнику практическихъ свѣдѣній и наставленій, которыя человѣку необходимы въ руководство въ домашнемъ обиходѣ, въ семейномъ быту и въ ежедневныхъ отношеніяхъ къ обществу. Только та существенная разница между Домостроемъ и Лѣчебникомъ, что въ первомъ — какъ онъ намъ извѣстенъ по редакціи, приписываемой знаменитому священнику Сильвестру — господствуетъ только житейская мудрость и осторожная опытность, между тѣмъ какъ Лѣчебникъ въ своихъ средствахъ постоянно прибѣгаетъ къ сверхъестественнымъ чарующимъ силамъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на древне-русское житье-бытье, руководимое этими необычайными чарованіями. Лѣчебникъ отзывается на всѣ существенныя потребности Русскаго народа, испоконъ вѣку земледѣльческаго и осѣдлаго.

Начну съ осѣдлости. Бытъ земледѣльческій не возможенъ безъ осѣдлости. Повѣряя землѣ всѣ свои труды и силы, влагая въ ея нѣдра надежду на довольство и благосостояніе, человѣкъ къ ней привязывается, какъ къ своей родной кормилицѣ. Клочекъ земли, который онъ воздѣлываетъ, для него есть какъ бы дополненіе собственнаго существа его. Видимымъ символомъ этого союза человѣка съ воздѣлываемою имъ землею—родное пепелище, *усадьба*. Обжившись на родномъ пепелищѣ, человѣкъ вполнѣ свыкается со всѣми окружающими ея условіями, каковы бы они ни были: и въ этой застарѣлой привыч-

---

[1]) и [2]) Позволяю себѣ употребить эти превосходныя формы нашего народнаго словосочиненія.

[3]) Чары *жеребьемъ* соотвѣтствуютъ Скандинавскимъ *рунамъ*. Это *черты* и *нарѣзы* древнихъ Славянъ.

[4]) № 481. Л. 217 и слѣд.

[5]) Уже самъ языкъ свидѣтельствуетъ объ этой тѣсной связи лѣченья и чарованья. Древнее слово *балій* значитъ врачь и чародѣй, слово *врачь* въ древне-русскомъ означало и лѣкаря и колдуна. Отъ прилаг. *вѣщій*, какъ эпитета поэта и мудреца, происходитъ областное слово *вѣщетинье* — лѣкарство.

кѣ находитъ онъ себѣ спокойствіе и довольство. За то, сколько опасеній и сомнѣній, сколько всякаго для него горя, и дѣйствительнаго и воображаемаго, какъ скоро приходится ему мѣнять старое пепелище на новое. Какъ бы ни была ветха и худа его избенка, не охотно, съ горемъ покидаетъ онъ ее: тамъ онъ родился и выросъ, тамъ жили и померли его родители, тамъ онъ пировалъ на своей свадьбѣ и вкусилъ первыя радости семейнаго счастія, тамъ возрастилъ своихъ дѣтокъ. Переселяясь на новоселье, онъ невольно оглядывается на всю свою прежнюю жизнь, проведенную на сторомъ пепелищѣ, и съ грустью и трепетомъ вступаетъ въ новое жилье. Такъ ли будетъ онъ счастливъ впредь? Будетъ ли по прежнему милостива къ нему судьба? Не разгнѣвается ли и *доновой* духъ, этотъ хранитель его прежняго семейнаго счастья, и будутъ ли также благосклонны къ нему высшія силы на новомъ мѣстѣ?

Отвѣчая на заботы и опасенія русскаго человѣка, Лѣчебникъ предлагаетъ слѣдующія наставленія тому, кто обзаводится новой избой.

«Когда хочешь *дворъ ставить на новомъ мѣстѣ*, или избу, или иные которые хоромы, и ты вели испечь три хлѣба маленькіе; вынь ихъ изъ печи, и подложи одинъ хлѣбецъ подъ пазуху, а другой подъ другую, а третій положи на сердце; и вшедши на то мѣсто, гдѣ хочешь избу ставить, и ставъ на томъ мѣстѣ, спусти на землю тѣ три хлѣбца, подпазушные и отъ сердца. И если всѣ три хлѣбца лягутъ кверху коркою верхнею, то мѣсто добро: тутъ, съ Божіею помощью, ничего не боясь, ставить избу и всякіе хоромы; если же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставь, и то мѣсто покинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ кверху верхнею коркою, еще ставь—добро; когда же падетъ одинъ хлѣбецъ кверху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ».

«*Другое дѣло о томъ же.* Если хочешь испытать, гдѣ избу ставить или иные хоромы, возьми кору старую дубовую, и ту кору тою же стороною, которою къ дубу лежала, положи на томъ мѣстѣ, гдѣ хочешь ставить избу или иные хоромы, и не двигай ея. И полежитъ та кора три дня, и на четвертый день подымешь, и посмотри подъ корою, и если найдешь подъ нею паука или муравья, и ты тутъ не ставь избы и иныхъ хоромовъ: то мѣсто лихо. А когда найдешь подъ тою корою мурашку черную да и съ мѣшечками, или какихъ червяковъ найдешь, и ты тутъ избу ставь и иные хоромы, какіе хочешь: добро то мѣсто» [1]).

Не достаточно того, чтобъ благополучно основаться на добромъ мѣстѣ; надобно его постоянно охранять отъ всякаго зла. Вотъ въ Лѣчебникѣ указъ, какъ отъ двора своего отогнать бѣса: сожечь совинья кости, и тѣмъ дымомъ храмину свою кадить и дворъ курить, и изчезнетъ бѣсъ. А потомъ ослинымъ саломъ назнаменуй двери, и всякое зло, которое найдетъ на дворъ, изчезнетъ. [2]) Для того же хорошо держать корольковое каменье: отъ него нечистый духъ бѣгаетъ, потому что то каменье крестообразно ростетъ. [3]) А чтобъ отъ двора бѣгала всякая нечистота, змѣя, и паукъ, и жаба: надобно въ томъ дворѣ повѣсить зелье попутникъ. [4])

---

[1]) № 481. Л. 218 об.—219.
[2]) Ibid. Л. 152.
[3]) Ibid. Л. 45.
[4]) Ibid. Л. 171 об.

Теперь перейдемъ къ сельскому и домашнему хозяйству. Изъ множества наставленій приведу нѣкоторыя.

«*Огородъ* начинай *пахать* Марта мѣсяца въ 5-ый день, на Св. Конона [1]), хотя бы еще и зима была, и ты только почни въ тотъ день: непремѣнно огородъ будетъ добръ и овощу будетъ много.»

«А хочешь *сѣять*, и ты доспѣй изъ волчьей кожи рѣшето о трицати дырахъ, и сѣй всякія сѣмена, и не попортятъ твоей нивы, и птицы не ѣдятъ сѣмянъ»

«А если *медвѣдь начнетъ портить ниву*, то возьми коневью голову валящую, и чтобъ тебя никто не видѣлъ — передъ солнцемъ — ткни ту голову среди нивы на колѣ, зубами вверхъ или внизъ, все равно.»

«Если *воробей* или другая птица *начнетъ доѣдать ниву*, то павину кость носить ночью, чтобъ не примѣтила того никакая птица, ни звѣрь, и обошедши ниву трижды *съ посолонья* [2]), положи на нивѣ и иди домой.»

«А если *ниву бьетъ червь*, говори: Не бейте, черви, не ѣшьте нивы сея *гобины* [3]), озими. Сѣрая *червь* [4]), и бѣлая и малая, и костеникй! подите вы, черви, на западъ солнца, на зеленую дуброву, на осиновой листъ. Аще вы не пойдете съ сея нивы съ озими, а сего не порядите, черви, спущу на васъ птицъ—крылья желѣзныя, ноги булатныя: почнутъ васъ брати, червь сѣрую, и бѣлую, и малую, и костяники, и подроду вашего не будетъ! и вы, черви, того не дожидайтеся, подите съ сея озими долой. а сея озими корень тверже вамъ камени и кремени, а горчае смолы и сѣры. Говори это трижды» [5])

«*О хмѣль, какъ хмѣль водить*. Трехъ хмѣльниковъ чужихъ взять коренія тайно, да на тѣхъ мѣстахъ покинуть по яйцу, да итти домой, а идучи домой не оглядываться назадъ. Да гдѣ метати хмѣльникъ, и ты очерти трижды то мѣсто топоромъ или косою, и мечучи коренье, у черты, говори: ярый хмѣль! тебѣ отъ меня отходу нѣтъ! никто тебя не украдетъ, никто ни попортитъ, а самъ кому коренья дамъ или хмѣлю, а то тебѣ отъ меня однако отходу нѣтъ, нигдѣ, ни къ кому, а отъ тое черты тебѣ пути нѣтъ. Да стоя на западной сторонѣ хмѣльника, на чертѣ на востокъ лицомъ, черезъ хмѣльникъ зря, внутри хмѣльника начертить крестъ, тѣмъ же, чѣмъ ту черту чертилъ. да пошедши *впосолонь* лицемъ, по той по одной чертѣ, ставъ на чертѣ къ полуночи хребтомъ, а на полдень лицомъ, по той по одной чертѣ, да ставъ на чертѣ начертить крестъ, и среди креста на обоихъ мѣстахъ, на крестахъ говорить: тебѣ отъ меня отходу нѣтъ» [6]).

О томъ, какъ обходиться *съ пчелами*. «Своихъ пчелъ покади волчьею губою, и несутъ тебѣ меды изъ чужихъ бортей въ твои борти. Осетрію кость хвалятъ: вныкай внутрь пчелиннаго улья, гдѣ пчелы живутъ, да и въ порожній улій осетрію кость воткнешь или въ борти, и въ томъ деревѣ пчелы живутъ и ведутся. Есть травица высока, а набѣлѣ похо-

---

[1]) Конона *Градаря*.

[2]) *Посолонь* — по солнцу. Древн. слово.

[3]) *Гобина* — обиліе. Древн. слово.

[4]) Замѣчательно употребленіе слова *червь* въ женск. родѣ.

[5]) № 481. Л. 213—215.

[6]) Ibid. Л. 124 об.—125. об.

дитъ, *маточникъ* словетъ, а цвѣтъ на ней синь, какъ кошельчики, а наверху какъ кистокъ цвѣтокъ, и посторонамъ цвѣтки сини же, а ростетъ по межамъ. На той травѣ, на цвѣтку, матка пчельная сама бываетъ и беретъ, что ей требѣ. Тою травицею добро ульи потирать, и всякія пчелиныя борти: въ томъ деревѣ и въ ульѣ пчелы любятъ жить. И тою травицею покрапливать пчелъ и порожніе ульи и борти, по веснѣ: подлетаютъ пчелы. Добро подкуривать осиновымъ листомъ (?): то имъ вельми здорово» [1]).

«А кому итти къ пчеламъ, взять три листа попутниковыхъ и держать въ роту, того пчелы не ужалятъ» [2]).

«Если хочешь *скота* много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скотъ на Ивановъ день до солнца, и вкопай посреди двора: ино скоту будетъ вестися».

«А когда у кого *скотъ мретъ*, и ты съ умерлаго вели кожу содрать и продать, и что возьмешь за кожу, и ты вели на тѣ деньги купить сковороду желѣзную, и вели на ней печь, что хочешь, мясо или рыбу: и ѣшь съ той сковороды, что хочешь, а скотъ твой съ тѣхъ мѣстъ не мретъ и здравъ будетъ» [3]).

«Кто *животину купитъ* приводную, мерина или корову, и приведши ко двору, велѣть растянуть поясъ женской, отъ вереи до вереи, да замокъ положить къ вереѣ, а колоду замочную къ другой вереѣ, и проведши животину сквозь, замокъ замкнуть и поясъ взять, опоясаться. И черезъ мужской поясъ животину водятъ же, отъ вереи до вереи его растянувши» [4]).

«А когда кто хочетъ *купить что дешево*, надобно носить при себѣ изъ орлова крыла, крайнюю кость, *что въ папороткѣ*» [5]).

Домашній обиходъ Лѣчебника заключу нѣсколькими мелкими примѣтами.

На Срѣтеньевъ день Господа нашего Іисуса Христа на дорогу никуда не выходить, ни дому, ни какихъ хоромовъ не ставить [6]).

Который человѣкъ плюетъ въ окно, у того человѣка звѣрь ловитъ животину, хотя бы его животина и промежъ чужой животины ходила: той примѣты берегись, не плюй въ окно [7]).

Если кто учнетъ чихать, и ему надобно противъ чиханья здравствовать, хотя бы и не другу: отъ того зубы не станутъ болѣть [8]).

Изъ общественныхъ отношеній, самыя важныя, которыхъ касается Лѣчебникъ, это судъ, война, судебный поединокъ, отношеніе къ властямъ, къ другу и недругу.

Прежде всего надобно было обезопасить чарующимъ средствомъ личность человѣка.

---

[1]) Ibid. Л. 176.
[2]) № 480. Л. 99 об.
[3]) № 481. Л. 116.
[4]) Ibid. Л. 235.
[5]) Ibid. Л. 245 об.
[6]) Ibid. Л. 219 об.
[7]) Ibid. Л. 216.
[8]) № 480. Л. 112.

«Если хочешь быть страшенъ—говоритъ Лѣчебникъ [1]) —убей змѣю черную, а убей ее саблею или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зеленую и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвой, а обуй на томъ же мѣстѣ. Идя прочь, назадъ не оглядывайся. Пришедши домой положи подъ ворота въ землю. А кто тебя спроситъ, гдѣ былъ, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно, и ты въ тотъ же сапогъ положи три зубчика чесноковые, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ, и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле биться.—Когда на судъ хочешь итти, то идучи съ березки снять зубомъ *пѣреперъ*, который трясется, а говорить: такъ какъ сей [2]) переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ, имрекъ, и его языкъ трепетался; да обнеси кругомъ головы трижды, и положи въ мошню [3]).—Съ ветлы или съ березы надобно взять зеленый кустецъ, по гречески *мелея*, а по нашему *вихорево гнѣздо*: и взять тотъ кустецъ, какъ потянетъ вѣтръ вихорь въ зимѣ или лѣтомъ; да середнее деревцо держать у себя—на судъ ходить или къ великимъ людямъ или на поле биться; и какъ бороться, держать тайно въ сапогѣ въ одномъ, на правой ногѣ. А кто держитъ то деревцо у себя, тотъ человѣкъ не боится никого» [4]).

Вотъ самый полный и необыкновенно поэтическій заговоръ для предохраненія отъ всякихъ враждебныхъ или опасныхъ столкновеній въ обществѣ: «Господи, благослови! Отче Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! Святый Государь Иванъ учитель! научи насъ дѣлъ добрыхъ творити! Помилуй насъ, Боже, какъ сталъ свѣтъ и зоря, и солнце и луна, и звѣзды, какъ взошло красное солнце на ясное небо, и освѣтило всѣ звѣзды и всю Русскую землю, и священныя церкви, и митрополитовъ, и владыкъ, и игуменовъ, и священниковъ, и весь міръ и всѣхъ христіянъ. Святой Государь Спасъ и святой Государь Архистратигъ Михаилъ! Помилуй, Господи, меня, имрекъ, грѣшнаго! Освѣти, Господи, меня, имрекъ, князямъ и боярамъ, и властямъ и тіунамъ, недѣльщикамъ, и ихъ дворянамъ, и гостямъ, и мужамъ и женамъ, и всему православному христіянству, что нареклось на семъ свѣтѣ и на всякъ часъ, и на всяко время, и на всякое сердце и на всякія очи моему сердцу, имрекъ, отъ всякаго зла и отъ злыхъ очей, закрой, Государь Михаилъ Архангелъ, своею ризою нетлѣнною раба Божія, имрекъ.» А входить во дворъ, впередъ лѣвою ногою въ порогъ, въ ворота, а какъ отворятъ ворота, то опереться въ правую верею воротъ правымъ плечомъ, и молвить всю молитву, и перекреститься и молвить: «Святой Государь Спасъ и Святой Архистратигъ Михаилъ! закрой, Господи, отъ лиха человѣка и супостата на всякъ часъ и на всяко время и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.» [5])

---

[1]) № 481. Л. 203.

[2]) Въ рукоп. *сесь*—сей. Древнерус. слово.

[3]) № 481. Л. 246. Хотя заговоры идущаго на судъ ведутъ свое начало изъ Болгаріи, какъ и многіе другіе, однако, принявъ чисто русскую форму, они получили у насъ новый видъ. Слич. южно-славянск. заговоры идущимъ на судъ во 2-мъ томѣ Архива, изд. Калачевымъ. О полѣ см. въ Стоглавѣ.

[4]) № 481. Л. 251. Слич. въ Паисіевск. Сборн. XIV. в. «кемли претитъ г҃ь ст҃ыи своими и не велить чарі недугъ лѣчи. ни наузы. ни бѣсъ искати. ни въ стрѣчую вѣрові. ни бловы идуще или на куплю ѿходащи. или ѿ князя м҃ати хотаще. не велитъ чародѣяньемъ. и кобии ходаще сихъ искати. Л. 199.

[5]) № 481. Л. 241.

Заговоръ *отъ меча*, какъ мечь умолвить, и онъ не сѣчетъ: «Кованъ еси, братъ! Самъ еси оловянъ, а сердце твое вощано, ноги твои каменны, отъ земли до небесь, не укуси меня песъ отай! Оба есмя отъ земли! коли усмотрю тя очима, своего брата, тогда убоится твое сердце моихъ очей усмотрѣнія.» [1])

Сюда же надобно отнести заговоръ отъ *раны* и *порѣза*: «какъ мертвой человѣкъ не слышитъ раны на себѣ, какъ сѣкутъ и рѣжутъ, такъ бы не слышалъ рабъ Божій, имрекъ, раны на себѣ и желѣза моего на себѣ»—«ни изъ камени воды, ни изъ мертваго души, ни изъ раба Божія, имрекъ, крови не будетъ.« [2])

5. Высокаго поэтическаго интереса достигаетъ заговоръ, когда вводитъ въ свои чарующія слова элементъ повѣствовательный, который заимствуется или изъ народной миѳологіи, или изъ преданій христіянскихъ. Иногда смѣшеніе того и другаго доходитъ до послѣдней крайности.

Наши заговоры знаютъ на морѣ окіянѣ мостъ золотой: на немъ сидитъ человѣкъ золотой, стружетъ стрѣлы золотыя и стрѣляетъ изъ человѣка прикосъ и притчу, щипоту, и волосатикъ, прикосъ ночной и дневной, и полуденный, и полуночный, и водяной, деревянный. [3]) А еще и море золотое и на золотомъ морѣ золотое дерево, на золотомъ деревѣ золотыя птицы—носы и когти желѣзны, и дерутъ-волочатъ онѣ *усови* изъ больнаго на мхи, на болота. А то, на золотомъ же морѣ, на бѣломъ камнѣ сидитъ красная дѣвица, съ палицею желѣзною, бьетъ, оборонястъ, отлучаетъ отъ больнаго усови, тоже на мхи, на болота. Иногда, по золотому морю, въ золотомъ караблѣ ѣдутъ 30 царей, 70 царицъ, помогаютъ больному отъ усовей.

Сближая заговоръ съ молитвою, и переводя миѳологическія лица и событія на христіянскія, знахарь даетъ своимъ словамъ такой оборотъ: «есть море золото, на золотѣ морѣ золотъ корабль, на золотѣ караблѣ ѣдетъ Св. Николай, отворяетъ морскую глубину, подпимаетъ желѣзныя ворота, а залучаетъ отъ раба Божія, имрекъ, усови аду въ челюсти.» [4])

Какъ наши миѳическіе змѣи живутъ въ водѣ, или какъ змѣй Фафниръ, въ пѣснѣ Др. Эдды, шолъ къ водѣ, когда его убилъ Зигурдъ [5]): такъ и по словамъ нашего заговора на рану, когда змѣй укуситъ, представляется онъ идущимъ по воду, къ морю: «ты змѣй идешь въ море по воду, а у меня море во ртѣ»—да плюнь на рану трижды, да говори скоро, *покамѣстъ змѣй до воды не дошолъ»* [6]).

Въ своемъ позднѣйшимъ развитіи преданіе о змѣѣ пріурочивается или къ мѣдному

---

[1]) Ibid. Л. 211.

[2]) Ibid. Л. 250.

[3]) Ibid. Л. 77. Все это названія болѣзней, очень любопытныя для исторіи языка и народныхъ повѣрій. Въ Синод. лѣчебн. подъ № 480, упоминается болѣзнь *Нежитъ*, представляемая въ Болгарскихъ на нее заговорахъ существомъ демоническимъ. Смотр. мою статью о пословицахъ въ Архивѣ Калачова. Болѣзни въ лѣчебникахъ часто выражаются не именами, а глаголами; напр. *аще человѣкъ отечетъ* (отокъ), *кого грызетъ въ составѣхъ* (грыжа), *аще у кого щиплетъ ногу* (щипота) а т. п. Срвн. Я. Гримма Participium präs. für krankheiten, въ журналѣ Germania, изд. Пфейфера. 1857 г. 3-я тетр. 2-го года.

[4]) №. 481. Л. 150 об.—151 об.

[5]) Смотр. Лекціи о пѣсняхъ Др. Эдды и о Муромск. Легендѣ въ Атенеѣ 1858 г.

[6]) № 481. Л. 123.

змію Моисееву [1]), или же къ извѣстному повѣствованію объ Апостолѣ Павлѣ, съ присоединеніемъ къ этому послѣднему повѣствованію разсказа о томъ, какъ самъ Ангелъ далъ Павлу книгу, въ которой было писано заклинаніе шестидесяти пяти съ половиною родовъ звѣриныхъ и пресмыкающихся, на змѣю облаковидную, огневидную, власяновидную, дубовосходную, врановидную, слѣпую, стрѣльную, черную, треглавую и проч [2]).

Чтобъ остановить теченіе крови изъ носа, заговоръ припоминаетъ Ахава Царя: «во дни Ахава Царя не было дождя на землю три года и шесть мѣсяцевъ: земля измѣдѣла, небеса ожелѣзнѣли, источники замыкались: и ты, кровь, *стани, а не кани* [3])».

Особенно замѣтное развитіе получила въ русскихъ суевѣріяхъ басня Іереміи, попа Болгарскаго, о *Трясцахъ, Трясавицахъ*, или *Лихорадкахъ*. Это настоящія демоническія существа; онѣ дочери Ирода, числомъ семь или двѣнадцать. Каждая имѣетъ свои личныя свойства, какъ существо самостоятельное, не отвлеченное олицетвореніе болѣзни, но живая, конкретная личность. Потому имъ даны и имена. Впрочемъ заговоры въ этомъ отношеніи разнствуютъ [4]).

Заговоры на Трясавицъ въ разбираемомъ мною Лѣчебникѣ [5]) имѣютъ видъ отдѣльныхъ эпизодовъ цѣлой поэмы объ этихъ дочеряхъ Ирода. Съ мистическою лирикою молитвеннаго обращенія эти заговоры соединяютъ интересныя подробности поэтическаго описанія лицъ и ихъ дѣйствій. Особенно замѣчателенъ въ поэтическомъ отношеніи слѣдующій заговоръ, въ которой внесена даже назидательная мысль: именно: Трясавицы мучатъ только того, кто предается грѣху, то есть, эти демоны бываютъ насылаемы въ возмездіе за учиненное зло.

Вотъ этотъ заговоръ.

«При морѣ Чермномъ стоитъ столпъ каменнъ: въ столпѣ сидитъ святой великій Апостолъ Сисиній, и видитъ: возмутилось море до облаковъ, и выходятъ изъ него двѣнадцать женъ простоволосыхъ—окаянное дьявольское видѣніе. И говорили тѣ жены: «мы Трясавицы, дщери Ирода Царя». И спросилъ ихъ св. Сисиній: «окаянные дьяволы! За чѣмъ вы пришли сюда?» Онѣ же отвѣчали: «мы пришли мучить родъ человѣческій: кто насъ перепьетъ, къ тому мы и привьемся и помаемся—помучимъ его,—и кто заутреню просыпаетъ, Богу не молится, праздники не чтетъ, и вставая пьетъ и ѣстъ рано: тотъ нашъ угодникъ». И помолился Богу Св. Сисиній: Господи, Господи! Избавь родъ человѣческій отъ окаянныхъ сихъ дьяволовъ!» И послалъ къ нему Христосъ двухъ ангеловъ Сихаила и Аноса и четырехъ Евангелистовъ. И начали Трясавицъ бить четырьмя дубцами желѣзными, давая имъ по три тысячи ранъ на день. И взмолились имъ Трясавицы: «святой великій Апостолъ Сисиній, и Сихаило и Аносъ, и четыре Евангелиста, Лука, Марко, Матѳѣй, Іоаннъ! не мучьте насъ! гдѣ ваши имена святыя заслышимъ, и въ которомъ роду имена ваши прославятся, того мы роду бѣгаемъ за три дня, за три поприща». И вопросилъ ихъ Св. Апостолъ Сисиній: «что ваши дьявольскія имена?»—Одна говорила: «мнѣ имя *Трясея*»,

[1]) Ibid. Л. 175 об.
[2]) Ibid. Л. 119 об.—122.
[3]) Ibid. Л. 126.
[4]) См. Архивъ Калачова, 2-ой книги половина 2-я, 6-го отд. стр. 56—57.
[5]) № 481, Л. 163 и слѣд. Смотр. прилож.

Другая говорила: «мнѣ имя *Огнея*»: какъ печь смоляными дровами распаляется, такъ Огнея жжетъ тѣла человѣческія. Третья говорила: «мнѣ имя *Ледея*»: а Ледея, какъ ледъ студеный, знобитъ родъ человѣческій, и не можетъ отъ него человѣкъ и въ печи согрѣться. Четвертая говорила: «мнѣ имя *Гнетея*»: Гнетея же ложится у человѣка на ребра и взвиваетъ утробу: а если кто хочетъ ѣсть—пусть ѣстъ: только изъ души у того человѣка вонъ идетъ. Пятая говорила: «мнѣ имя *Грынуша*»: та ложится у человѣка въ грудяхъ, плечи гноитъ и выходитъ харканьемъ. Шестая говорила: «мнѣ имя *Глухея*»: та ложится у человѣка въ головѣ, уши закладываетъ и голову ломитъ: и тотъ человѣкъ глухъ бываетъ. Седьмая говорила: «мнѣ имя *Ломея*»: Ломея же ломитъ, какъ сильная буря сухое дерево, у человѣка кости и спину. Восьмая говорила: «мнѣ имя *Пухнея*:» Пухнея же пущаетъ отекъ на родъ человѣческій. Девятая же говорила: «мнѣ имя *Желтѣя*»: Желтѣя же, какъ жолтый цвѣтъ въ полѣ. Десятая говорила: «мнѣ имя *Коркуша*»: та всѣхъ проклятѣе: смыкаетъ ручныя жилы и ножныя вмѣстѣ. Одиннадцатая говорила: «мнѣ есть имя *Глядѣя*»: и та всѣхъ проклятѣе: въ ночи человѣку сна не даетъ, и бѣсы приступаютъ къ тому человѣку, и въ умѣ онъ мѣшается. Двѣнадцая говорила: «мнѣ имя *Невѣя*»: Невѣя же сестра имъ старѣйшая, плясавица, которая усѣкнула главу Іоанна Предтечи: и та всѣхъ проклятѣе: поймаетъ человѣка, и не можетъ тотъ человѣкъ живъ быть.—Если случится священникъ, творитъ сію молитву надъ головою болящаго Трясавицею: «Во имя Отца и сына и Св. Духа!—Окаянныя Трясавицы, заклинаю васъ святымъ великимъ Апостоломъ Сисиніемъ и святыми Евангелистами, Лукою, Маркомъ, Матѳѣемъ, Іоанномъ!» Потомъ говоритъ: «Ты еси окаянная *Трясея*, ты еси окаянная *Огнея*, ты еси окаянная *Ледея*, ты еси окаянная *Гнетея*, ты еси окаянная *Грынуша*, ты еси окаянная *Глухея*, ты еси окаянная *Ломея*, ты еси окаянная *Пухнея*, ты еси окаянная *Желтѣя*, ты еси окаянная *Коркуша*, ты еси *Невѣя*, сестра старѣйшая! заклинаю васъ святымъ великимъ Апостоломъ Сисиніемъ, святымъ Сихаіломъ и Аносомъ, и четырьмя Евангелистами, Лукою, Маркомъ, Матѳѣемъ, Іоанномъ! Побѣгите отъ раба Божія, имрекъ, за три дни за три поприща: а если не побѣжите отъ раба Божія, имрекъ, и я призову на васъ Великаго Апостола Сисинія, и святыхъ Сихаіла и Аноса, и четырехъ Евангелистовъ, Луку, Марка, Матѳея, Іоанна; и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ на день.» Проговоря надъ болящимъ Трясавицею, священникъ даетъ ему пить воду съ креста, и затѣмъ говоритъ: «крестъ всей вселенной хранитель, крестъ церквамъ красота, крестъ Апостоламъ похвала, крестъ царямъ держава, крестъ христіанамъ утвержденіе и недугамъ исцѣленіе, крестъ Отцамъ просвѣщеніе и украшеніе, крестъ бѣсамъ прогонитель, крестъ Трясавицамъ и идоламъ прогонитель, крестъ есть рабу Божію, имрекъ, огражденіе.» [1]).

Если съ точки зрѣнія исторіи просвѣщенія не совсѣмъ привлекательною можетъ показаться такая грубая смѣсь темныхъ суевѣрій съ именами христіанскими, то, въ отношеніи исторіи поэзіи, этому замѣчательному отдѣлу народной словесности нельзя не отдать справедливости въ оригинальности и смѣлости поэтическихъ образовъ и въ искренности восторженнаго суевѣрія. Нѣмцы дали почетное мѣсто въ исторіи своей литературы двумъ

---

1) Въ переложеніи этого заговора я сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія противъ подлинника, значительная порча котораго, вѣроятно, свидѣтельствуетъ о его древнѣйшемъ происхожденіи.—Другія имена Лихорадокъ смотр. въ указанномъ мѣстѣ въ Архивѣ Калачова.

коротенькимъ заговорамъ, сохранившимся въ рукописи X вѣка [1]): неужели мы, не столь богатые, какъ Нѣмцы, древними поэтическими памятниками, не допустимъ въ Исторію нашей литературы приведенныхъ мною и многихъ другихъ, исполненныхъ высокой поэзіи заговоровъ, дошедшихъ до насъ въ рукописяхъ преимущественно XVII и XVIII в., но, безъ сомнѣнія, относящихся къ эпохѣ древнѣйшей?

Эта суевѣрная или двоевѣрная поэзія заговоровъ, какъ мы видѣли, обнимала собою всѣ интересы народнаго быта; она неразрывно связана была съ ними самыми таінными. завѣтными узами; она-то и была нравственнымъ бытомъ народа. возведеннымъ въ высшую область вѣрованій и убѣжденій, была дѣломъ жизни. Въ поэтическомъ идеалѣ видѣли для себя наши предки предметъ обожанія или страха и ужаса; къ поэтическому слову относились они съ благоговѣніемъ, смѣшивая его, въ своемъ двоевѣріи, съ молитвою.

6. Религіозная поэзія среднихъ вѣковъ находила соотвѣтствующее себѣ выраженіе и въ прочихъ искусствахъ, и особенно въ скульптурѣ и живописи. По малой разработкѣ этого предмета для древней Руси, изслѣдователи становились къ произведеніямъ старинной Русской живописи въ ложное отношеніе, зависѣвшее чисто отъ субъективныхъ воззрѣній, которыя предварительно уже были составлены подъ вліяніемъ восточнаго или западнаго взгляда. Принято было за аксіому вполнѣ архаическое, въ строгихъ идеяхъ Восточнаго исповѣданія окрѣпшее, неподвижное состояніе нашей древней живописи: и одни, подъ вліяніемъ восточнаго взгляда, видѣли въ этой неподвижности непоколебимую твердость религіозныхъ и художественныхъ началъ; другіе, подъ вліяніемъ взгляда западнаго—грубое коснѣніе при Византійскихъ начаткахъ, для развитія которыхъ не доставало древней Руси нравственныхъ силъ.

Не мѣсто говорить здѣсь о значительныхъ успѣхахъ, оказанныхъ древне-русскою художественною техникою въ XVI и XVII вѣкахъ; но для опредѣленія болѣе широкихъ и разнообразныхъ отношеній нашей старинной живописи къ быту народному, къ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ и даже къ поэтическимъ суевѣріямъ древней Руси, не могу не коснуться странной связи ея съ разбираемыми мною заговорами.

До конца XVII вѣка довольно распространено было въ нашей иконописи изображеніе *двѣнадцати Трясавицъ* или *Лихорадокъ*. Представлялись онѣ въ видѣ обыкновенныхъ женщинъ, по большей части, обнаженныя, только съ крыльями летучей мыши. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ, ясно опредѣляемый въ заговорахъ, живопись обозначала цвѣтомъ: одна Лихорадка вся бѣлаго цвѣта, другая жолтаго, третья краснаго, синяго, зеленаго и т. п. Въ XVII в., при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже благообразіемъ и нѣкоторою женственною прелестью, противорѣчащею символическимъ цвѣтамъ и мышинымъ крыльямъ.

Изображеніе Трясавицъ составляетъ только часть полнаго живописнаго представленія, имѣющаго предметомъ побѣду Ангела Хранителя надъ этими демоническими существами, по молитвѣ Св. Сисинія. На верху въ облакахъ изображаются Ангелы, на пригоркѣ Сисиній, одинъ или съ двумя другими святыми, стоитъ на колѣняхъ и молится. Передъ нимъ, на особенномъ планѣ, стоитъ Ангелъ Хранитель и копьемъ поражаетъ Трясавицъ, кото-

---

[1]) W. Wackernagel, Geschichte d. deutsch. Litter. 1851 г. стр. 43.

рыя низвергаются въ яму подъ упомянутымъ пригоркомъ. Трясавицы падаютъ одна на другую, выражая свое пораженіе приложеніемъ правой руки къ щекѣ. Въ живописи XVII в., лица ихъ, впрочемъ, спокойны и довольно красивы: что придаетъ нѣкоторый символическій тонъ выраженію мысли [1]).

7. Знахари древней Руси были двоякаго рода; или чисто народные, доморощеные представители древней миѳологической мудрости, или же люди грамотные, а если и неграмотные, то къ народному вѣдовству прилагавшіе, по наслуху, апокрифическій хламъ стариннаго книжнаго ученья. Это было особенное чернокнижіе, смѣсь русскаго съ чужеземнымъ, органически слитая въ темныхъ суевѣріяхъ, которыхъ поэзію объяснилъ я на приведенныхъ заговорахъ и вѣщихъ снадобьяхъ

Народъ могъ довольствоваться своеземною стариною. Двоевѣріе же, возникшее подъ вліяніемъ книжнаго ученья, развивалось въ людяхъ, состоявшихъ въ связи съ источникомъ древне-русскаго образованія, то есть, съ классомъ людей книжныхъ, слѣдовательно, церковныхъ. Еще въ 1378 г. былъ схваченъ какой-то попъ, у котораго нашли мѣшокъ съ смертнымъ зельемъ, то есть, съ снадобьями древне-русскаго Лѣчебника. Изъ Стоглава извѣстно, что причитаньями и заговорами, или ложными молитвами, промышляли просвирни, которыя сравниваются, въ этомъ любопытномъ памятникѣ Русской старины, съ Чудскими Арбуями. [2]) Вѣроятно, въ этой-то нечестивой сферѣ древне-русскаго суевѣрія, подъ мнимымъ авторитетомъ причетниковъ, составлялись и распространялись ложныя молитвы, болѣе или менѣе подходившія къ заговорамъ, а иногда и совершенно имъ уподоблявшіяся, сопровождаемыя различными языческими обрядами.

Особенно любопытны свидѣтельства древне-русскихъ памятниковъ литературныхъ о томъ, что иные простонародные знахари съ запасами миѳологическаго суевѣрія соединяли нѣкоторое книжное обаяніе, и, вступая въ монашескій чинъ, въ должности причетника распространяли между суевѣрнымъ народомъ свое нечестивое вліяніе, въ ущербъ истинному благочестію. О подобномъ нечестивцѣ повѣствуется между чудесами въ Житіи Никиты Переяславскаго. Одинъ земледѣлецъ промышлялъ въ своемъ селѣ ворожбою: потомъ постригся въ монахи въ монастырѣ Св. Никиты, и былъ сдѣланъ понамаремъ. Но въ этомъ новомъ званіи не оставилъ своего прежняго обычая и тайно продолжалъ колдовать, и многихъ людей прельщалъ своимъ лукавствомъ. И многіе изъ города и деревень съ больными приходили къ Св. Никитѣ, желая получить исцѣленіе; этотъ же чернецъ понамарь, въ своемъ нечестіи, говаривалъ имъ нелѣпыя слова на Св. Никиту: «что—говорилъ онъ—по напрасну тратитесь! приходите лучше ко мнѣ! Когда еще я въ міру жилъ, многія болѣзни врачевалъ, и нечистыхъ духовъ своимъ волшебствомъ прогонялъ, не только человѣкамъ, но и скотамъ помогалъ. [3])»

---

[1]) Подобное изображеніе, отличающееся значительнымъ изяществомъ, можно, на примѣръ, видѣть въ сельской церкви, въ Пушкинѣ, между Москвою и Троицкою Лаврою.

[2]) Въ Стоглавѣ 11 вопросъ въ гл. 5-ой: «Еще иное безчиніе у проскурницъ, горше сего. Боголюбцы даютъ проскурнямъ деньги на просфиры о здравіи или за покой, и она спроситъ о имени о здравіи, да надъ просфирою сама приговариваетъ, яко же Арьбуи въ Чюди» и т. д. Въ гл. 8-ой: «а надъ просфирами, и надъ кутьями, и надъ свѣщами проскурницамъ не говорити ничего же» и проч.

[3]) Чудо 25-е, по рукоп. Графа А. С. Уварова, № 423 (Царск. № 127). Смотр. приложен.

Еще разъ присовокупляю: сколько ни были бы грустны подобные факты для Исторіи древне-Русской Христіанской цивилизиціи, но въ Исторіи Литературы они заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. И просвирни нашего Стоглава, и этотъ нечестивый монахъ, были если не авторами, то избранными исполнителями народнаго чернокнижія, были пѣвцами-рапсодами суевѣрнаго эпоса, проникнутаго самымъ темнымъ двоевѣріемъ.

IV.

Если бы я имѣлъ въ виду полное историческое обозрѣніе предложеннаго мною вопроса о народной поэзіи въ нашей древней письменности, то, безъ сомнѣнія, долженъ бы былъ коснуться Слова о Полку Игоревѣ, Моленія Даніила Заточника и не многихъ другихъ памятниковъ, уже внесенныхъ въ руководства Русской литературы, или же объясненныхъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ [1]. Но, при неистощимомъ богатствѣ рукописныхъ матеріаловъ нашей старины, я избираю въ настоящемъ случаѣ болѣе удобный, и, можетъ быть, единственно возможный покамѣстъ путь—именно, тотъ путь, который ведетъ къ уразумѣнію древне-русской жизни, всей сполна, по частнымъ, самымъ подробнымъ изслѣдованьямъ отдѣльныхъ памятниковъ. Цѣльность самой древне-русской жизни — признакъ ея свѣжести и младенчества — придаетъ желанное единство этимъ отрывочнымъ изслѣдованьямъ по нашей древней литературѣ. Потому, не стѣсняя себя повтореніемъ общеизвѣстнаго, остановлюсь на такихъ произведеніяхъ, которыя, можетъ быть, внесутъ новыя данныя въ исторію древне-русской народной поэзіи.

1. Древне-русская повѣствовательная литература духовнаго содержанія, состоящая въ житіяхъ русскихъ угодниковъ, въ описаніяхъ основанія монастырей, сооруженія храмовъ, въ разсказахъ о чудесахъ, содержитъ самые обильные источники для исторіи возвышенной христіанской поэзіи древней Руси. Согрѣтыя самымъ теплымъ искреннимъ вѣрованьемъ, повѣствованья эти служатъ выраженіемъ не личныхъ убѣжденій писателя, но высокаго религіознаго вдохновенья цѣлыхъ массъ народныхъ,—вдохновенья, растворённаго слезами и молитвою, въ страхѣ и надеждѣ трепещущаго передъ высшими, небесными силами, на которыя народъ возлагаетъ свои упованія въ бѣдахъ и горестяхъ житейскихъ

Пока не будутъ критически разобраны по своему составу и происхожденію различныя редакціи русскихъ житій и другихъ духовныхъ повѣствованій, до тѣхъ поръ нельзя имъ дать, ни надлежащаго мѣста въ хронологическомъ изложеніи русской литературы, ни полной оцѣнки ихъ историческаго и художественнаго значенія [2]. Не имѣя права общими, ни на чемъ не основанными выводами предупреждать результаты здравой историко-филологической критики, я ограничусь немногими замѣчаніями, выведенными изъ разбора нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей.

Эта прекрасная литература древней Руси, кромѣ дѣйствительныхъ, историческихъ со-

---

[1]) Такова превосходная монографія г. Пыпина о древне-русскихъ повѣстяхъ и сказкахъ.

[2]) Подтвержденіе этой мысли смотр. въ Исторіи Русск. Церкви Макарія. 1857 г. ч. I, Пред. Стр XVI.

бытій и личностей, которымъ служитъ правдивымъ выраженьемъ, составлялась подъ вліяніемъ поэтическихъ, повѣствовательныхъ источниковъ, иностранныхъ и своеземныхъ. Первые приходили къ намъ сначала изъ Византіи, впослѣдствіи, особенно въ XVII в., съ Запада; вторые—были плодомъ народныхъ убѣжденій, вѣрованій и воззрѣній. Не нарушая историческаго правдоподобія, источники эти придавали особенный поэтическій колоритъ многимъ подробностямъ въ духовныхъ повѣствованьяхъ.

Сначала скажу нѣсколько словъ о вліяніи Византійскомъ.

Въ настоящее время довольно распространено, между людьми, впрочемъ, образованными, мнѣніе, будто вліяніе Византійское было вообще вредно для развитія и процвѣтанія нашей древней національной словесности; будто, кромѣ книжной схоластики, сковывающей всякое свободное движеніе мысли и чувства, литература Византійская ничего не внесла въ нашу древнюю, собственно литературную дѣятельность; будто недостатокъ поэзіи въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ преимущественно объясняется этимъ Византійскомъ началомъ враждебнымъ всему поэтическому, всему восторженному и воодушевляющему къ истинно художественному творчеству.

Бѣглый взглядъ на переведенные съ греческаго Патерики, распространявшіеся на Руси уже съ XI в.[1]), убѣдитъ всякаго въ высокомъ поэтическомъ интересѣ этихъ прекрасныхъ сборниковъ духовно-повѣствовательной литературы. Между древне-русскими читателями, имѣли они такой громадный успѣхъ, что входили не только въ составъ собственно русскихъ повѣствовательныхъ произведеній, но и въ самую жизнь. Нашъ Кіевскій Патерикъ не остался безъ этого плодотворнаго вліянія Византійскихъ идеаловъ. Извѣстенъ, на примѣръ, разсказъ о томъ какъ Ѳеодосій, возвращаясь ночью отъ В. Князя Изяслава въ въ свой монастырь, самъ долженъ былъ править и сидѣть на конѣ, въ то время какъ возница его покойно отдыхалъ въ позозкѣ[2]). Въ Синайскомъ Патерикѣ разсказывается подобный же случай о Патріархѣ Ѳеодотѣ. Однажды ѣхалъ онъ съ однимъ клирикомъ. Клирикъ сидѣлъ на ослѣ, а Патріархъ въ повозкѣ. И сказалъ этотъ послѣдній своему возницѣ: измѣримъ долготу пути: одну половину пути ты будешь ѣхать на ослѣ, а я въ повозкѣ, а другую половину ты въ повозкѣ, у я на ослѣ и т. д.[3]) Извѣстенъ также въ Печерскомъ Патерикѣ разсказъ о томъ, какъ просфорникъ Спиридонъ своею ризою заткнулъ устье печи, и тѣмъ предотвратилъ пожаръ, а риза его не сгорѣла. Нѣчто подобное, по свидѣтельству Синайскаго Патерика, произошло въ обители Ѳеодосія Великаго. Однажды монахи готовили хлѣбы. Братъ Георгій затопилъ печь, но не могъ найти, чѣмъ помести ее (потому что братія нарочно спрятали помело, чтобъ испытать Георгія). Тогда онъ влѣзъ въ печь, ризою своею помелъ ее и вышелъ невредимъ[4]).

Высокіе идеалы христіанскаго подвижничества, описываемые въ Византійскихъ источникахъ, входили въ Русскій бытъ, воодушевляя избранныхъ людей на подобные же под-

---

[1]) Синайскій патерикъ, по рукоп Синод. Библ. XII в. № 551, по языку относится, безъ сомнѣнія, къ XI-му.

[2]) Смотр. Житіе Ѳеодосія Печерскаго по древнѣйшему списку въ 3-ей книгѣ чтеній Общ. Ист. и Древн 1858 г. Л. 14 об. и 15.

[3]) Синайск. Патерикъ, иначе Лимонарь. Гл. 38. По рук. Гр. А. С. Уварова, № 482 (Царск. № 290).

[4]) Смотр. въ Печ. Пат. Житіе Спиридона и Никодима, а въ Патер. Синайск. гл. 114.

книги; а въ воображеніи народномъ возникалъ, такимъ образомъ, новый, исполненный чудесъ, свѣтлый міръ христіянскихъ идеаловъ.

2. Не смотря на постоянную заботливость благомыслящихъ людей древней Руси объ очищеніи книжнаго чтенія отъ грубой смѣси нечестиваго съ благочестивымъ, мірскаго съ духовнымъ и отреченнаго съ дозволеннымъ, наши наивные предки, въ своемъ вѣрующемъ простодушіи, очень часто переходили за границы дозволеннаго, и къ истинному прибавляли много ложнаго. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи Сборники, въ которыхъ между благочестивыми разсказами изъ Патериковъ вдругъ попадется какая нибудь фантастическая сказка. Такъ, на примѣръ, въ одномъ *Цвѣтникѣ*, XVI в. въ слѣдъ за чудесами, совершившимися въ Обители Печерской, именно послѣ чуда объ Исаакѣ Печерскомъ (л. 92—93), помѣщенъ фантастическій разсказъ изъ вымышленныхъ похожденій Александра Великаго въ Индіи, и при томъ подъ наивнымъ заглавіемъ: *А се иное чюдо Александра* [1]. Еще страннѣе это смѣшеніе тамъ, гдѣ въ одномъ и томъ же разсказѣ соединяются вымышленныя лица съ извѣстными личностями Исторіи Христіанства; какъ на примѣръ, въ одной повѣсти *о Синагрипѣ и Акирѣ*, о лицахъ извѣстной старинной сказки, является между прочимъ и Николай Угодникъ. [2]

Къ повѣствованіямъ, выписаннымъ изъ книгъ, переведенныхъ съ греческого—изъ Патериковъ, Палеи, изъ Хронографовъ, [3] въ XVII в. присовокупилось въ нашихъ Сборникахъ множество разсказовъ изъ источниковъ Западныхъ. *Зерцало Великое*, *Небо Новое*, *Звѣзда Пресвѣтлая* и другія книги, рукописныя и старопечатныя, содержатъ въ себѣ множество легендъ самаго рѣзкаго Католическаго характера. Любопытные Западные разсказы о чудесахъ переводились у насъ даже съ отдѣльныхъ листовъ, какъ на примѣръ, разсказъ о превращеніи одного немилостиваго господина въ страшнаго пса, въ Чешскомъ Королевствѣ, близъ города Праги, 1673 г. [4]).

Болѣе и болѣе расширяясь въ своихъ предѣлахъ, духовное повѣствованье обнимало собою всѣ литературные интересы русскаго грамотнаго человѣка. Какъ на Западѣ уже въ XII в. изъ духовной легенды развивались религіозныя стихотворенья повѣствовательнаго и драматическаго характера, такъ и у насъ, только въ эпоху гораздо позднѣйшую, изъ тѣхъ же источниковъ произошло не мало литературныхъ произведеній, въ которыхъ интересъ поэтическій беретъ верхъ передъ всѣми прочими.

Не имѣя намѣренья говорить о русскихъ силлабическихъ стихотвореніяхъ XVI и XVII в., обращу вниманіе на нѣкоторыя старинныя произведенія, отличающіяся большею національностью во внѣшнемъ выраженіи.

Образецъ прекрасной новеллы, съ оттѣнкомъ извѣстной Московской мѣстности, предлагаетъ *Повѣсть о Достойнѣ Пресвятой Богородицы*. [5])

---

[1]) По рукоп. Синод. Библ. No 687. Л. 93 об. Смотр. Прилож.

[2]) Въ рукоп. Златоустѣ 1523 г., въ Румянц. Муз. № 181. Л. 308 об. Смотр. Описаніе Востокова.

[3]) Напр. чудо въ Синод. Цвѣтникѣ XVI в., № 687. о присоединеніи *Св. распятый*, къ извѣстному церковному стиху (л. 84 об.) помѣщено и въ Хронографахъ. Смотр. Прилож.

[4]) Въ Синод. Сборн. № 377. Смотр. Прилож.

[5]) Въ Синод. Цвѣтникѣ 1665 г. № 908. л. 148 об. Смотр. Прилож.

Повѣсть эта содержитъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ нѣкоторый жидъ, увидѣвъ въ церкви Св. Великомученицы Варвары, въ Москвѣ, свѣтолѣпную, прекрасную жену въ багряныхъ ризахъ, незримо для прочаго народа покланявшуюся во время пѣнія *Достойна*, и познавъ въ ней самое Богородицу, принялъ Православную вѣру.

Въ полныя права свои вступаетъ поэзія тамъ, гдѣ принимаетъ стихотворный размѣръ. Мало помалу прививаясь къ книжной рѣчи, наша древняя стихотворная поэзія сначала, какъ исключеніе, какъ случайная вставка, является тамъ пѣсямъ, помѣщаемая среди прозаическаго изложенія. Такъ на примѣръ, въ одномъ апокрифическомъ разсказѣ *о исповѣданіи Евгинѣ и о въспросѣ внучатъ ея и о болѣзни Адамовѣ*, порукописи конца XV или начала XVI в. [1]) между обыкновенной славяно-русскою прозою той эпохи, вдругъ останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующіе народные стихи:

Раю мой, раю, пресвѣтлый раю,
Красота неизреченная!
Меня ради сотворенъ есть,
Евги ради затворенъ есть!
Милостивѣ помилуй мя падшаго.

Въ XVII в. народные стихи духовнаго содержанія помѣщались между назидательными словами и повѣствованіями о чедесахъ. Такъ въ одномъ сборникѣ этого столѣтія, извѣстное народное стихотвореніе: *Пречудная Царица Богородица*, помѣщено, очевидно, съ намѣреніенъ, между словомъ, въ которомъ возбраняется въ лицѣ родной матери оскорблять не только мать сыру землю, но и Богородицу, и между чудомъ о томъ, какъ съ тѣмъ же увѣщаніемъ въ 1654 г. являлась во снѣ Богородица одному Нижегородцу, посадскому человѣку. [2])

Отъ народныхъ повеллъ и легендъ, и отъ народныхъ стиховъ духовнаго содержанія оставалось сдѣлать одинъ только шагъ до свѣтской народной поэзіи [3]) Но входя въ область древне-русской прозы, народная поэзія должна была нѣсколькопоплатиться свѣжестью вымысловъ и чистотою языка. Изъ этой смѣси элементовъ, книжныхъ и народныхъ, искусственныхъ и безъискусственныхъ, составился новый стиль такъ называемыхъ народныхъ книгъ, и особенно лубочныхъ изданій, между которыми первое мѣсто занимаютъ народныя сказки. Вмѣстѣ съ искусственностью прозаической отдѣлки, развивающаяся образованность древней Руси снабдила эти изданія наивными издѣльями нашей старинной живописи.

3. Итакъ, и народныя книги убѣждаютъ насъ въ неоднократно высказанной мною мысли о тѣсной связи древне-русской поэзіи съ искусствами образовательными. Мы видѣ-

---

[1]) Въ Румянц. муз. № 358. Л. 185 и слѣд. Сообщено Профессоромъ Н. С. Тихонравовымъ.

[2]) По рукоп. Синод. Библ. № 865. Л. 333 об. —346 об. Смотр. Прилож. Слич. Кирѣевск. Русск. народн. ст. № 20.

[3]) Смотр. въ прилож. сказку о нѣкоемъ молодцѣ, конѣ и саблѣ, въ Сборн. Императ. Публ. Библ. (изъ древлехран. Погодина.)

ли прямое отношеніе нашей древней живописи къ апокрифической Бесѣдѣ святителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ народнымъ Азбукамъ, а также къ поэтическимъ суевѣрьямъ, получившимъ такое широкое развитіе въ Лѣчебникахъ и Травникахъ.

Въ Исторіи нашего древняго искусства надобно внимательно отличать отношеніе вообще живописи къ литературѣ и особенно къ поэзіи, отъ строго опредѣлявшагося отношенія иконописи къ интересамъ собственно религіознымъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ, будучи любимымъ занятіемъ русскихъ святителей и вообще благочестивыхъ людей книжныхъ, иконопись была существеннымъ дополненіемъ духовнаго просвѣщенія [1].

Авраамій Смоленскій былъ однимъ изъ самыхъ начитанныхъ людей своего времени, писалъ также и иконы, объяснялъ народу отъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви, свои иконописныя изображенія *Страшнаго суда* и *испытанія воздушныхъ мытарствъ*. Нѣкто Димитрій, переведшій *міротвореніе* Георгія Писиды, былъ, вѣроятно, живописецъ, какъ показываетъ и самое прозваніе его: *Зографъ* (т. е. живописецъ). Выборъ этого произведенія, въ которомъ къ благочестивымъ воззрѣніямъ на міръ присовокуплено очень много суевѣрныхъ понятій о чудесныхъ животныхъ, достаточно говоритъ о направленіи и вкусѣ нашего древняго переводчика, смѣшивавшаго въ своихъ представленіяхъ христіанскую *Символику* съ чудовищными образами средневѣковыхъ *Физіологовъ* и *Бестаріевъ*.

Самымъ достойнымъ литературнымъ плодомъ начитанности иконописцевъ были наши Иконописные Подлинники, которыми по всей справедливости можетъ гордиться русская старина [2]. Иконники до того были образованы по своему времени, что, кромѣ Св. Писанія и книгъ содержанія духовнаго, посвящали себя даже собственно наукамъ. Такъ одинъ изъ нихъ, Иконникъ Іоаннъ, въ началѣ XVIII в., составилъ Грамматику, украсивъ ее довольно изящными рисунками. Въ предисловіи онъ сильно возстаетъ противъ невѣжества, являясь защитникомъ книжнаго ученія и просвѣщенія [3].

Внося въ свои иконописныя руководства, какъ Восточныя основанія нашего христіанскаго просвѣщенія, такъ и Западныя понятія и преданія, вошедшія къ намъ въ XVII в., эти замѣчательные люди не забывали и народной поэзіи. Такъ въ одномъ подлинникѣ читается слѣдующее любопытное свидѣтельство для Исторіи нашей народной поэзіи: «у кня-

---

[1] Въ одномъ изъ двухъ сборныхъ подлинниковъ Графа С. Г. Строганова есть любопытное *Сказаніе о святыхъ иконописцахъ*. Между русскими иконописцами упомянуты: Митрополиты: Петръ, Макарій, Аѳанасій, Архіепископъ Ростовскій Ѳеодоръ, Алимпій Печерскій, Григорій Печерскій, Діонисій Глушицкій, Антоній Сійскій, Адріанъ Пошехонскій и Вологодскій, Андрей Радонежскій, по прозванію Рублевъ, Даніилъ Черный, Игнатій Златый, иконописецъ Симонова монастыря, Ананія изъ обители Антонія Римлянина, Геннадій Черниговскій. При именахъ художниковъ, иностранныхъ и русскихъ, приложены краткія характеристики ихъ произведеній, въ отношеніи исторіи Церкви, съ ссылками на Хронографъ, на Небо Новое Галятовскаго, на Руно Орошенное Димитрія Ростовскаго и т. п. При имени Мануила Палеолога разсказывается извѣстная исторія о Спасовомъ образѣ, перешедшемъ отъ Владиміра Святаго, вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, а оттуда въ послѣдствіи въ Москву. Приводится извѣстіе, будто бы Меѳодій Моравскій, братъ Константина Философа, показалъ писанный имъ самимъ на запонѣ Страшный Судъ—нашему князю Владиміру, и тѣмъ обратилъ его въ Христіанскую вѣру.

[2] О литературѣ подлинниковъ смотр. мои лекціи изъ Исторіи рус. слов. въ Атенеѣ за 1858 г.

[3] Эта Грамматика, и, вѣроятно, въ подлинной рукописи самого Іоанна Иконника, находится въ би-

зя Владимера Кіевскаго быша сильніи мужіе богатыри: 1) Янь Усмошвецъ, Переславецъ, что Печенежскаго богатыря убилъ; 2) Рагдай удалый, противъ трехъ сотъ могъ выходити на бой; 3) Александръ Поповичь; и всѣхъ ихъ было 37 богатырей.» [1])

Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ въ нашихъ рукописныхъ сокровищахъ найдется много произведеній, свидѣтельствующихъ о связи русскій народной поэзіи съ художественными интересами древне-русскаго искусства, и особенно живописи; но въ настоящее время я не знаю ни одного изъ нашихъ древнихъ повѣствованій, въ которомъ бы такъ поразительна была эта родственная связь, какъ въ *Сказаніи о Щиловѣ Монастырѣ въ Великомъ Новѣградѣ.* [2])

При Архіепископѣ Іоаннѣ жилъ въ Новѣгородѣ нѣкоторый посадникъ по имени Щилъ. Былъ онъ очень богатъ и имѣлъ одного только сына. Новгородскіе купцы приходили къ нему и занимали у него на свою торговлю деньги, съ процентами по одной деньгѣ на 14 гривенъ и 4 деньги. И накопилось отъ этихъ процентовъ у Щила великое богатство, которое усердствовалъ онъ пожертвовать на сооруженіе храма, а себѣ на покоище. Архіепископъ благословилъ его на доброе дѣло, самъ положилъ камень въ основу храма, и былъ чествуемъ на богатомъ пиру, данномъ по этому случаю щедрымъ посадникомъ. Быстро шла постройка каменной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы; а Архіепископъ между тѣмъ, читая правила Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, началъ умомъ своимъ негодовать, что далъ Щилу благословеніе на сооруженіе церкви, потому что посадникъ пріобрѣлъ богатство отъ лихвы. А постройка была уже окончена, и Щилъ, приготовивъ другой пиръ, явился къ Архіепископу съ иззѣстіемъ о благополучномъ совершеніи начатаго дѣла. Тогда Архіепископъ, исповѣдавши Щила наединѣ, узналъ, что церковь сооружена на сумму, пріобрѣтенную лихвою, и потомъ сказалъ ему: «обманомъ взялъ ты отъ меня благословеніе! ступайже теперь домой, и вели устроить у зданія своего въ стѣнѣ гробъ, возьми сорочку и саванъ и все, что нужно на погребеніе мертвымъ, исповѣдайся отцу своему духовному, и лягъ во гробъ, и вели надъ собою отпѣть надгробное пѣніе. Тогда Господь Богъ, вѣдающій тайны сердецъ нашихъ, что благоизволитъ, то и сотворитъ, а я отправлюсь на освященіе сооруженнаго храма.»

Плача и рыдая воротился Щилъ домой, и немедленно исполнилъ повелѣнное Архіепископомъ. И когда пѣли надъ нимъ надгробное пѣніе, онъ, лежа во гробѣ, внезапно заснулъ и почилъ, и тотчасъ же, вмѣстѣ съ гробомъ, исчезъ передъ пѣвшими, а на томъ мѣстѣ очутилась бездонная пропасть. Прибывъ на освященіе церкви, Архіепископъ увидѣлъ это страшное зрѣлище и былъ въ великомъ ужасѣ. Потомъ *иконописцу велѣлъ написать красками на стѣнѣ Адъ, а на днѣ Адскомъ—Щила въ гробу,* а неосвященную церковь велѣлъ запечатать, ожидая изволенія Божія.

Безутѣшный сынъ Щиловъ, скорбя и сѣтуя о внезапномъ лишеніи своего отца, приходитъ къ Архіепископу за совѣтомъ и помощью въ великой бѣдѣ. Архіепископъ, для

бліотекѣ князя М. А Оболенскаго. Не этому ли Іоанну принадлежитъ одна изъ сводныхъ редакцій подлинника?

[1]) Въ тотъ же сборномъ подлинникѣ Графа С. Г. Строгонова.

[2]) По рукоп. Синод. Библ. XVII в. № 850 Л. 498 и слѣд. Смотр. Прилож.—Слич. въ Исторіи Россійск Іерархіи, ч. 6. стр. 728 и слѣд.

спасенія души отца его, велѣлъ ему въ постѣ и бдѣніи пребывать, и въ теченіи сорока дней ежедневно у сорока церквей сорокоусты заказывать и панихиды пѣть, а нищихъ въ въ городѣ и по монастырямъ и на распутьяхъ милостынею довольствовать. Сынъ Щиловъ исполнилъ все по повелѣнію святителя. Тогда этотъ послѣдній тайно посылаетъ Архидьякона отпечатать ту церковь, посмотрѣть изображеніе, и донести о видѣнномъ. Архидьяконъ увидѣлъ на стѣнномъ писаніи Щила въ гробу, *но головою уже внѣ Адской пропасти*. Послѣ того сынъ этого грѣшника долженъ былъ тѣмъ же порядкомъ еще сорокъ дней молиться о спасеніи души своего отца. Опять былъ посланъ Архидьяконъ посмотрѣть стѣнное письмо, и донесъ Архіепископу, что *Щилъ въ гробу и съ гробомъ внѣ Ада до пояса*. Еще сорокъ дней проведены были въ тѣхъ же благочестивыхъ подвигахъ. И только тогда посланный Архидьяконъ увидѣлъ *Щила въ гробу всего внѣ Ада*. Послѣ того Архіепископъ, удостовѣрившись въ спасеніи души Щила, соборнѣ пѣлъ надъ его гробомъ и освятилъ церковь. И съ того времени устроился тамъ монастырь, именуемый Щиловъ, который и донынѣ стоитъ. Иные говорятъ — присовокупляетъ повѣствованіе—что моленіе о душѣ Щиловой совершалось въ теченіе трехъ лѣтъ, по сто литургій на день.

Повѣствованіе о Щилѣ принадлежитъ столько же исторіи народной поэзіи, сколько и исторіи живописи. Это эпизодъ изъ народнаго стиха о Страшномъ Судѣ, и вмѣстѣ изъ иконописнаго изображенія того же предмета [1]). Повѣствованіе имѣетъ предметомъ не вѣчную казнь надъ лихоимцемъ, а моленіе о томъ, чтобъ душа его избавилась отъ казни, которая—какъ извѣстно изъ старинныхъ иконописныхъ подлинниковъ—для лихоимцевъ состоитъ въ томъ, что *бѣсы льютъ имъ въ горло, а они сидятъ въ огнѣ, не хотятъ пить и отворачиваются* [2]). Постепенное освобожденіе Щила изъ Ада, чудесно изображаемое на стѣнномъ писаніи—какъ вмѣстѣ въ гробомъ выходитъ онъ изъ страшной пропасти, сначала только головою, потомъ по поясъ, и наконецъ весь—даетъ этому живописному представленію необыкновенно фантастическій характеръ, впрочемъ вполнѣ согласный съ благочестивою вѣрою, которою проникались набожные люди, съ ужасомъ смотря на изображенія Страшнаго Суда.

Если художественное произведеніе глубоко дѣйствуетъ на душу зрителя; то онъ видитъ въ немъ больше, нежели сколько изображено, расширяя ограниченные предѣлы видимыхъ очертаній въ необъятную область безконечныхъ мечтаній и взволнованныхъ ощущеній глубоко потрясенной души.

Это таинственное, только вѣрою постигаемое оживотвореніе внѣшнихъ очертаній иконописи превосходно выражено въ нашемъ повѣствованіи чудеснымъ измѣненіемъ изображенія Щила въ Аду, измѣненіемъ, таинственно соотвѣтствующимъ дѣйствительному спасенію души великаго грѣшника.

Неподвижному изображенію живописи поэзія умѣла дать движеніе, свойственное ея художественнымъ средствамъ, представивъ, вмѣсто одной картины, цѣлый рядъ измѣняющихся, послѣдовательныхъ моментовъ.

---

[1]) Смотр. объ изображеніи страшнаго суда по Подлиннику Графа С. Г. Строганова, въ Современникѣ за 1857 г.

[2]) Такъ въ обоихъ сборныхъ Подлинникахъ Графа Строганова. Бѣсы льютъ въ горло, вѣроятно, растопленный металлъ, согласно съ жестокою казнію, употреблявшеюся въ древней Руси.

Истинно художественное, народное произведеніе удовлетворяетъ не однимъ только эстетическимъ интересамъ. Оно тѣснѣйшими узами связано съ дѣйствительностью, на почвѣ которой возникаетъ. Повѣствованіе наше видимо направлено противъ лихоимцевъ. Благочестивые люди древней Руси, очищая нравы своихъ современниковъ, много заботились объ искорененіи мздоимства и неправыхъ прибытковъ. Никита Переяславскій, другъ мытарямъ и неправеднымъ судьямъ, и самъ злой лихоимецъ, особеннымъ чудомъ спасъ свою душу отъ великаго грѣха. Разъ, когда жена его варила мясо для собравшихся у мужа гостей, въ горшкѣ пѣнилась кровь и всплывали изъ кровавой пѣны, то голова, то руки то ноги. Никита узрѣлъ въ томъ Божіе прещеніе, и отказался не только отъ дѣлъ лихоиманія, но и отъ всѣхъ суетъ міра. [1]) Щилъ, ростовщикъ снисходительный, думалъ примирить свою совѣсть съ Богомъ, пожертвовавъ собранное лихвою имѣніе на сооруженіе церкви и на основаніе монастыря, себѣ въ покоище. Безъ сомнѣнія, такъ поступали въ старину и многіе другіе, и въ Новѣгородѣ, и въ иныхъ мѣстахъ. Обычай, слѣдовательно, существовалъ; подобная тяжба по благочестивымъ дѣламъ совѣсти занимала многихъ, и поэзія, глубоко проникнутая вѣрованьемъ, должна была принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи этой запутанной тяжбы.

4. Такъ глубоко проникали въ жизнь художественно-религіозныя идеи, выраженіемъ которыхъ служитъ множество духовныхъ повѣствованій, подобныхъ сказанію о Щилѣ. Поэзія этихъ повѣствованій для благочестиваго Русскаго человѣка казалась сущею правдою, но такою правдою, которая возносилась надъ обыкновенными условіями дѣйствительности. Согласно историко-героическому характеру русскаго безъискусственнаго эпоса, и эта христіанская поэзія была по преимуществу историческая, вѣрная дѣйствительности, вознесенной до идеала, подобно тому, какъ Византійская живопись въ художественныхъ типахъ стремится уловить портретное изображеніе, завѣщанное преданьемъ.

Отношеніе міра дѣйствительнаго къ идеальному возведено было въ область вѣрованья, примиряющаго всѣ противорѣчія между дѣйствительностію и фантазіею. И чѣмъ глубже и искреннѣе было вѣрованье, тѣмъ больше поэзіи предлагало повѣствованье; и чѣмъ поэтичнѣе была идея, тѣмъ глубже входила въ подробности быта дѣйствительнаго. Воодушевленный святостью лица или необычайностью событія, повѣствователь чувствовалъ въ себѣ нѣчто въ родѣ священнаго восторга. Вдохновляющую, художественную идею заимствовалъ онъ изъ таинственнаго міра своихъ благочестивыхъ убѣжденій, и тамъ, гдѣ не вдавался ни въ отвлеченную мечтательность, ни въ сухое поученье — облекалъ онъ свои выспренпія идеи въ самыя живыя, разнообразныя явленія міра дѣйствительнаго, разсказывая о дѣлахъ и событіяхъ своей Русской жизни. Поэзія, такимъ образомъ, сливается здѣсь съ исторіею, при посредствѣ искренняго вѣрованья, которымъ освѣщаются нравы и обычаи, убѣжденія и привычки, и все житье-бытье нашихъ предковъ: и въ этомъ таинственномъ, чудесномъ освѣщеніи выступаетъ передъ нами вся старина Русская изъ темной исторической дали.

Герои этой исторической поэзіи древней Руси были не только простые смертные, какъ

---

[1]) По рукоп. Графа А. С. Уварова № 423 (Царск. 127), № 884 (Царск. 743). Л. 215 и слѣд.

посадникъ Щилъ, но и по преимуществу люди, осѣненные высшею благодатью. Впрочемъ, и эти необыкновенные люди выходили изъ той же массы народа, были они люди Русскіе, и тѣмъ сильнѣе возбуждали къ себѣ общее благоговѣніе, что въ своихъ просвѣтленныхъ ликахъ возносили они русскую народность, очищенную отъ всего случайнаго, въ высшую, неземную область.

Вотъ, Мм. Гг., тотъ высшій пунктъ, до котораго народная поэзія могла достигнуть въ историческомъ развитіи древне-русской Литературы!

«Слышалъ я нѣкогда — говорилъ одинъ благочестивый человѣкъ XVI в., описывая житіе Михаила Клопскаго [1])—слышалъ я нѣкогда книгу о плѣненіи Трои. Въ этой книгѣ плетены многія похвалы Еллинамъ, отъ *Омира* и *Овидія*. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе многихъ лѣтъ. Но хотя *Еркулъ* (Геркулесъ) и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался, и тварь паче Творца почиталъ. Также и *Ахиллъ* и Троянскаго Царя *Пріама* сыновья были Еллины, и отъ Еллиновъ похваляемы, сподобились такой прелестной славы. Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣлателей, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую отъ Бога благодать пріяли, что не только человѣки, но и самые ангелы ихъ почитають и славятъ. Мы ли же не будемъ о чудесахъ ихъ проповѣдать?».

Можетъ быть, строгіе цѣнители поэтическаго художества, во всѣхъ приведенныхъ мною фактахъ усмотрятъ не болѣе, какъ только броженіе поэтическихъ элементовъ, не установившихся въ стройное цѣлое и не окрѣпшихъ въ художественной формѣ,—не болѣе, какъ разрозненные члены не выполненнаго и не удавшагося художественнаго организма. Однако, я позволяю себѣ надѣяться, что, послѣ всего сказаннаго здѣсь, едва ли кто откажетъ нашей древней письменности въ очевидныхъ признакахъ ея поэтическаго характера, опредѣляемаго взаимнымъ вліяніемъ русской народности и литературы.

Масса поэтическихъ элементовъ Русской старины, не сосредоточенная къ избраннымъ личностямъ геніальныхъ представителей, вполнѣ согласуется съ степенью развитія древне-Русской жизни, жизни сплошной, по преимуществу народной. Этимъ основнымъ своимъ характеромъ литература древней Руси и доселѣ соотвѣтствуетъ поэтическимъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ простаго народа: такъ что, изучая древнюю Русь, изслѣдователь яснѣе понимаетъ и современное намъ нравственное состояніе Русскаго народа, точно такъ же, какъ изученіе устной народной поэзіи нечувствительно вводитъ насъ въ художественный міръ древней Руси.

Вотъ, Мм. Гг., причина, почему, обращая Ваше вниманіе на Русскую старину, я думалъ найти въ литературномъ преданіи забытыя на время, но тѣмъ не менѣе родствен-

---

[1]) Смотр. Идеальные женскіе характеры Древней Руси, въ Русск. Вѣстникѣ за 1858 г.

ныя связи, которыми Исторія Литературы сближаетъ образованныя поколѣнія съ современнымъ нравственнымъ бытомъ простаго народа.

Современность литературныхъ и политическихъ интересовъ состоитъ не въ томъ только, что всѣхъ занимаетъ въ послѣднюю минуту; она можетъ опредѣляться и точкою зрѣнія на предметъ: и Исторія Русской Литературы, съ благоговѣніемъ обращающаяся къ сокровищамъ народной поэзіи, искреннѣе всякихъ торжественныхъ возгласовъ, выразитъ свое сочувствіе къ великому дѣлу, предпринятому Августѣйшимъ Покровителемъ Московскаго Университета, къ улучшенію быта тѣхъ классовъ народа, въ которыхъ доселѣ сохраняются свѣжія преданія Русской поэзіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ *Цвѣтника* 1665 г., по рукоп. Синод. Библ. № 908.

---

1. Выписано ізысторія Кіевскаго (л. 18 об. — 21).

В лѣто ѿ сотворенїя свѣта. ҂гч҃ѳ. словѣ и рꙋ̑ с роды своими ѿлꙋчишася ѿ скиѳенопонта и идоша ѿ рода своего и ѿ братии своей и ходахꙋ по страна̑ вселеныя ꙗко ѡстрокрилатїи ѻрли прелетахꙋ сквозѣ пꙋстыня. много имꙋще себѣ на вселеней, мѣста благопотребна и во многи̑ мѣсте̑ почивахꙋ мечтꙋюще. нѣгдѣже тогда ѡбрѣтше вселенныя по серцꙋ своемꙋ. четыре надеся̑ лѣтъ пꙋстыя страны ѡбхожахꙋ. дондеже доидеше езера нѣкоего велика моиска зовомаго послѣди̑ ѿ словена илмеръ проименовася во имя сестры и илмеры. и тогда волхвование повелѣ имъ на всяко̑ мѣсте ѡного и старѣйши слове с родомъ своимъ и со всѣмъ иже подрꙋкою его сѣде на рецѣ зовомей. тогда мꙋтная послѣди̑ волъховъ проименовася. во имя старѣйшаго с҃на словенова волъхва ѕовома и поставиша гра̑, именоваша его по имени кн҃ѕя словенскъ великїи: а иже нн҃ѣ новъ гра̑, ѿ оустїя великаго езера илмера. вни по велицѣй реце проименованен волхове полпята поприща и ѿ того времени. новопришлелницы скиѳстїи начаша именоватися словяне. и рекꙋ нѣкꙋю во илмеръ впадшꙋю прозваша во имя жены словеновы шелони, во имя же меншаго с҃на словенова волховца проименоваша, ѡворотнꙋю протокꙋ иже тече̑ изъ великия рѣки волхова, и паки ѡбращае в него волшїи с҃нъ ѡного кн҃ѕя словена волховъ бесоугодный и чародѣи лютъ в людехъ, тогда бысть и бесовскими оухищренми и мечты творя многажды и преѡбразꙋяся во ѡбразъ лютаго ѕвѣря коркодѣла и ѕалегаше в той рецы волхове пꙋть водный и непокланяющихся емꙋ ѡбыхъ пожирахꙋ ѡбыхъ извергая потопляше. сего ради люди тогда невѣгласи сꙋщи богомъ ѡкаяннаго того нарицахꙋ. и грома его или перꙋ(на) нарекоша белорꙋски бога ꙗзыкомъ, громъ перꙋ нарицается. поставиже ѻ ѻкаянный чародѣи, нощны ради мечтанїй и собранна бесовскаго, градо̑ малъ на мѣсте нѣкоемъ зовомо

перынѧ, идѣже и кѹмиръ перѹн стоѧше и баснословѧ ѿ сего волхвѣ невѣгласи глаголюще вбоги сѧ ѡкаанаго претворѧшесѧ. нашеже хрстнаское истинное слово, несложены испытание о томъ много седѣ, ѿ семъ оканномъ чародѣи и волхвѣ ѧко ѕло разбиенъ бысть и оудавленъ ѿ бесовъ. врецѣ волхове, и мечтаньми бесовскими ѡканное тѣло несено бы вверхъ по ѡной рецы волховѹ и извержено на брегъ противъ волховнаго его городка, иже нынѣ ѕоветца перынѧ. і со многим плачемъ ѿ невѣгласе тѹ погребе бысть ѡканный свеликою тризною поганскою, и могилѹ ссыпаша надниммъ велми высокѹ ѧко есть поганы. і по трех оубо днех ѡканнаго того тризнища, прослезисѧ (*вар.* посѧдесѧ) землѧ и пожре мерзкое тѣло коркодѣлово и могила его просыпалсѧ надниммъ кѹпно водно адово: иже и донынѣ ѧкоже повѣдаю знакъ ѧмы тоѧ. стоитъ ненаполнѧемаѧсѧ.

2. Повесть о достойне Прчтей Бцы (л. 148 об.—149 об.).

Бысть во граде впреславнемъ Москвѣ нѣкто жидовинъ родом его нѣкто позна ѿ члкъ хожаше часто по стым црквам взираше православнѹю вѣрѹ и похвалѧше ю ѧко истинно есть і мимошешни емѹ црквъ стыѧ мчнцы варвары и ста пред црковию слѹшаѧ литоргию бжию слюбовию. егда людие посредѣ церкве начахѹ пѣти достойно есть. тогда посредѣ поющихъ преста жена столѣпна ѕѣло и прекрасна во одеждѣ багряны по достойне же людие поклонишасѧ до землѧ чтномѹ образѹ пречтыѧ бцы нистоже вѣдиша бываемыхъ, онаѧ же жена паче покланѧшесѧ люде по странамъ тако честь воздаѧ. по ѿпѹстеже литѹргии вопросиже той жидовинъ жены ѿ поющии ѧко что бысть за жена посредѣ вл поющихъ и почесть вамъ воздающе. они же рѣша никогоже вѣдиномъ снами бывшей. і абие жидовинъ той видѣ неизреченнѹю благодать позна сѹщѹю бцѹ быти свѣрою и любовию почитающии ю. мздѹ воздаетъ всее вѣце, і вбѹдѹщемъ оумилитсѧ дшею жидовинъ, и вѣрова что во стѹю трцѹ ѿца и сна и стаго дха. аминь.,

3. Повѣсть о двцахъ Смоленскихъ како игры творили (л. 223 — 224).

Бысть оубо ѿ града смоленска л. поприщъ по черниговско дороги. тѹ слѹчисѧ быти нинакое мѣсте наполе велице беснованию бестѹдию множество двъ и женъ стекшесѧ на бесовское сборище і нелѣпо і скверно. вню родисѧ пресвѣтлое слнце великии иоаннъ кртнтель первый покаѧнию проповѣдникъ бысть.. его ради всѧ твирь. неизреченно возрадовасѧ. а сии оканнии бесомъ наоучени быша, та бысть бжии изволение охотѣ беснование обличити, внаказание члвчо, пола гдь стаго великомѹченика. георгиѧ да накаже. а стыи же преста и гласа престати повелеваше ѿ такова беснованиѧ они нелѣпо возбраниша е свелики срамо оже проклѧ и і быша окаменени вси и тѹ обрѣтшисѧ ѧки люди стоѧща наполе то видими сѹ і донынѣ вназание на грѣшны еже тако нетворити, данесодиѧволо осѹждени бѹде вивкѹ вѣчнѹю.

4. Слово иоанна златаѹстаго. василиа великаго. григориа бгслова. (120 — 129.)

Григорей рече ѿ коликихъ чястеи адамъ сотворенъ бысть! ото осми часте! первое взато! ѿ землѧ тѣло! второе ѿ камени кости! ѿ морѧ кровъ! ѿ слнца ѡчи! ѿ облака мысли! ѿ вѣтра дхъ! ото огнѧ теплота! дшѹ гдь вдохнѹ! иванъ рече колко пребысть адамъ в раю! василеи рече! ѿ шестаго часѹ до десятого! григорей рече гдѣ вселисѧ адамъ! какъ изъ раѧ изгнанъ бысть! иванъ рече! вземли мадиамъстей! ѿтоле созданъ бысть. тѹже и оумре! василеи рече колко великихъ моръ сквозѣ всю землю идѹтъ! двенаць моръ.

а рѣкъ великихъ трцатъ! а из рая идутъ четыре
рѣки! иванъ рече колко островокъ великихъ! василей
рече семдесятъ и два! а языко розныхъ толькоже. а
рыбъ розныхъ толкоже! а птицъ розныхъ толкоже! а
древъ розныхъ толкоже! а костей в чл҃ки всякихъ роз-
ныхъ! двѣсте девяносто пять! а суставовъ в чл҃кѣ
столкоже! василей рече кому гдь перкие посла грамоту!
иванъ рече к сн҃у адамову сиф! григорей рече что ему
посла! василей рече десять словъ бж҃їихъ! искони бѣ
слово! слово бѣ ѿ бга! бгъ бѣ слово! и се бѣ ис
конѣ ѿ бга! и вся тѣмъ быша! а впаремѣи пише!
искони сотвори бгъ нбо и землю! ѿ чего пойде из-
раильтеское колѣно! иванъ рече чей гла изыде ѿ во-
стока и до запада! григорей рече егда гдь прокля
каина! василей рече коля часть мира сумре! иванъ ре-
че егда убилъ каинъ брата своего авеля. когда воз-
радовался весь миръ! василей рече егда изыде ной из
ковчега! иванъ рече которого звѣря у ноя небыло
вковчеге! василей рече небыло рыбе вковчеге! григорей
рече который градъ стоитъ а пути внему нѣсть!
василей рече ноевъ ковчегъ стоитъ на водѣ! иванъ
рече кто первїе плоучи кланятися на востокъ! васи-
лей рече моисѣй на горѣ аравитстей! григорей рече ко-
торый прркъ непогребенъ бысть! иванъ рече моисѣй на
горѣ синаисте! и внесе его анггл в рай! василей рече
древянъ ключь водянъ замокъ заецъ! заицъ пробѣже
а ловецъ утопе! иванъ рече моисѣ сквози чермное
море изъраилътянъ проведе а фараонъ со всѣмъ сво-
имъ воинскоимъ утопе! заецъ моисей а ловецъ фа-
раонъ! иванъ рече коя два супостата межъ собя бо-
рются! григорей рече хто солгавъ спасеся а хто ис-
тинну ре да погибе! иванъ рече петръ солгавь спасеся
а июда истинну рекъ погибе! василей рече хто двож-
ды смерти вкуси! григорей рече лазарь четверодневный!
григорей рече хто трижда паде смерти вкушаетъ! ва-
силе рече гдь исцѣли разслабленъного! и тотъ разслаб-
ленъный. при распятїи гда заоушилъ по уху. и за
то повелѣ гдь безпрестанно вести его лютому звѣ-
рю! григорей рече хто обличилъ петра! иванъ рече ва-
сала каиафина раба! василей рече хто ѿвали камень
згроба гдня! василей рече два анггла калуилъ а вто-
рому имя заилъ! василей рече какъ имя разбойникомъ
которые со хртомъ были распяты! иванъ рече пра-
кому имя агарь! а второму имя гета! григорей рече
хто нероженъ хто не умеръ, хто нестлѣ! василей
рече нероженъ адамъ! не умеръ. илья прркъ не истлѣ
лотова жена! иванъ рече хто состарѣвся ѡпять во
чрево матери своея вниде! григорей рече члкъ ѿ земля
взятъ а умре вземлюже пойдетъ! иванъ ре хто по-
ставилъ полчетверта столпа на земли! григорей рече
илья прркъ неодождил полчетверта годы дожда на
землю! иванъ рече попъ непоставленъ диаконъ ѿмет-
никъ певецъ ба.... григорей рече попъ непоставленъ
иванъ крститель! а дьяко ѿметии петръ апль. а пе-
вецъ ба.... црь двдъ! григорей рече хто бга на
земли невѣде а бгу покланися! исайя прркъ ѿ чрева
матерня взятъ бысть анггломъ и несенъ до седь-
маго нбсе и опять вочрево матери своея вложенъ
бысть! василей рече хто сто анггалъ неоумеръ живъ!
григорей рече иванъ бгословъ! иванъ рече иже всю все-
ленную сотвори и пядию яко измѣри! василей рече
иванъ крститель на гда во иердане руку положилъ и
всѣ нбса длашю покрылъ своею! василей рече хто за-
харию прркa крти и иванна крестителя! григорей рече! при-
шедъ гдь изъ египта сочетырьмя анггли! захарию
крти и воскреси, і иванна агглъ ѿ смеры и горы при-
несе и крести ѡвою во стая стыхъ вчетвертый часъ
нощи! иванъ рече что кивотъ что левгитъ! василей
рече кивотъ законъ бжїи: а левгитъ ветхїи законъ!
вопросъ шесть стоиста а два гласта. а пять

облигаше а дванадесят диблахуся. толкование! Христос
беседова зженою самарянинею! воспрос что есть тря-
сется земля и зыблется а четвертаго понести не
может. Толкование! рожеством и распятие и воскре-
сением, а четвертаго понести не може втораго при-
шествия Христова! воспрос раб попищит и зовет
иже родил иже породил. толкование! вострубят
ангели Господни и востанут мертвии. воспрос! сие пей
коду от своих источник и от студенец да не про-
льются своя воды! толк. несотвори блуда с чюжею
женою да твоя жена с иными несоблудит! воспрос!
гроб хожаше а внем мертвец пожше толк! иона
был вочреве китове три дни и три нощи жив изы-
де, ичрева китова! вопрос! что есть иже ведех
змею лежащу припути накиза изыде конь на зад-
нюю ногу. ждый от бга избавления. толк! конь есть
правая вера христианская а путь мир. а змей анти-
христь. при втором Христове пришествии станеть цар-
ствовати и разорит веру Христову! дойдеже приде Господь
избавит люди своя! восьпрос. еже ведех жену се-
дящу на море и змея лежаще приногу ея! тол. мо-
ре есть весь мир женаже именуеца церкви. а змия
диявол егда хотяше верныя люди спасти приходяше
кцеркве а диявол возбраняше им! вопрос, что вы-
сота небая и широта земная и глубина морская! тол.
отец и сын и святый дух! иван рече петр прииде и
виде ризы едины лежащи и сударь иже бе на гла-
ве его несризами лежаще но особе свит на еди-
ном месте! григорей рече. сударь есть два плата
служебная на блюде а ризы его верхнее небо. а пре-
исподняя бездны! то есть бедна яко риза! а сти-
харь есть шесть небес а пояс железное стояние! оки-
яна великого моря на немже земля плавле! а толсто-
та земли сколко от востока до запада! а основана на
трех китех великих! на тридцати китех на ма-
лы! воспрос! что есть два мелющиня жерновы! един
поемлеця а другии оставляется! тол. жерновы суть мир
а иже мелется душа с телом! душа вознесется а тело
оставляется в землю! воспрос! кто первый черноризиц
на земли. ответ! пахомей великий! во образе черне-
чества повеле ему бог быти.! воспрос о цены Христо-
ве на колико сребряних продаде июда Господа нашего Иисуса
Христа! ответ. на тридесят сребреник. а состояние еди-
ному сребренику дкенаце летр! а всех летр в
тридцати сребреница триста шездесят шесть летр а
руским числом ситается та тридцать сребреник! сто
тысячь сорок тысяче и четыре тысячи рублев! а на
те на Христовы денги на все куплена скуделна мерт-
вы на погребение! для того нарецеца божий дом что
на те божии денги то место куплено! воспрос! что
есть река посреде моря течет! ответ; море есть весь
мир! а река божественная писания! и прочитание книж-
ное! воспрос! который град пре всех сотворен и бол-
ши всех! ответ! ерусалим град прежде всех со-
творен и болши всех внемже пуп земли! и церкви
стая святых и Господень гроб! воспрос! которая мати
пожирает дети своя! ответ! море реки приемлет все-
ка! воспрос! некий царь имее у себя множество слуг
а слугиже его неимея у себя оружия толко по еди-
ной стрелы вгеле! где стреляют а стрелы не со-
бирают! ответ! царь пчелная матка а слуги у него
пчелы а имеют у себя по единому жалу где не-
пущают иссоба! а опять их ксебе не собирают! во-
прос. стоит град долог а внем седит царь стрецем
и со всеми друзи! и приде кни высокоумилный вел-
можа! и разгнаша царя стрецею! и разбежалися любимая
его друзи! и расплачется царица яки заклепанная голу-
бице! ответ! град есть человек а царь ум а царица
душа а любовные друзи мысли! а велможа хмель! во-
спрос! стои дуб везвестныя и бесконечна! и пенице

кнемꙋ швꙋто! безногъ! и возметъ евꙋ! безрꙋкъ! и зарѣжетъ ево безножа! и съѣстъ ево безꙋбъ и зарѣже ево безножа! Ѿвѣтъ! дꙋбъ члкъ а прїиде кнемꙋ смрть безногъ и зарѣжетъ безножа! вопросъ! вполе идꙋт три члка единъ слѣпъ! а вторый хромъ! а третїи нагъ! слепецъ оузрѣвъ! вполе заеца! а хромецъ изымалъ! а хромомꙋ посадилъ взапазꙋхꙋ! Ѿвѣтъ! поле есть миръ а слепецъ тѣло а хромецъ дша! а заецъ тѣло хртово а нагомꙋ посадилъ взапазꙋхи что потребилъ! вопро! прїидоша два нищихъ ко единомꙋ члкꙋ оубогꙋ! и попросиша оу него матыни и онъ дастъ имъ матыню до црьства нбнаго! Ѿвѣтъ! два члка нищихъ (дꙋша) да тѣло а оубогїи члкъ попъ и дая имъ послѣднее покаянїе! и тѣла. Хртова. вкꙋсити. тѣ. вниде. в цртво. нбное.

(л. 288 — 315).

в. кого бгъ первие нарече на земли. ѿ. сотонаилъ сверже бысть снбсе преже адамля созданїя. въ .а. днь за гордость. в. ѿчего бгъ сотворилъ агглы. ѿ. агглы сотвори гдь. ѿ. г. и частей ѿ вѣтра ѿ солнца. ѿ свѣта. в. ѿчего солнце есть. ѿ. лꙋчь есть небесцественнаго огня свѣтитъ во вселеннꙋю. в. начемъ слнце поставлено бысть. ѿ. на. д. мъ нбси стоитъ слнце ницъ на землю а нбꙋ томꙋ имя хрꙋсаль. в. ѿчего гдь сотвори лꙋнꙋ. ѿ. о ерема пртола гдня. в. ѿчего сатанаилъ зародилса: ѿ. наморн тиверпадꙋстемъ въ. а. мъ валꙋ родилса сатанаилъ. в. кто нерожен, а кто не оумерлъ. ѿ. адамъ нерожен, илья пррк не оумерлъ той воплоти первый на нбса восхищенъ бысть. адамъ сотворен бысть гдѣ ѿ. з. частей, ѿ земля тѣло ѿ моря кровь. ѿ камени кости ѿ слнца очи. ѿ облак мысли. ѿ вѣтра дыханїе. ѿ свѣта огнь. і противъ того постави гдь. з. дней вели, и всю тварь сотворилъ. ѕ. дней. а въ .з. днь почи гдь ѿ своихъ дѣлъ. паки иже вскрсе измертвыхъ. в. колико адамъ былъ в раю. ѿ. ѕ. часовъ. в. начемъ земля основана бысть ѿ. на .г. хъ китехъ великихъ. и на. л. малыхъ. в. ѿчего киты сыты бысть. ѿ. находя на райское благооуханїе имают і. ю часть райскаго благооуханїя ѿтого сꙋть киты сыты бысть. в. кто есть первый пррк на земли. ѿ. адамъ проповѣда страсти гдни. в. кто благослови црьство гдне. ѿ. сотворивъ гдь адама і посади его на пртолѣ и гля блгви вако. адамже рече благословено цртво ѿца и сна і стаго дха. в. что есть аминь. ѿ. праворѣчие аминь есть. в. что есть адимово рꙋкодѣланїе. ѿ. рꙋкодѣлие его бысть, влиствїи смоковнемъ ризы сшиваше себѣ же і еввѣ. изгнанъ бысть за преслꙋшанїе. в. кто есть первый мртвецъ на земли. ѿ. авель бысть егоже каинъ братъ его оуби. в. комꙋ гдь первие снбсе посла грамотꙋ. ѿ. сифꙋ снꙋ адамовꙋ и той есть первый дия на земли. і многи книги стыя написа. в. что есть наднами і что есть поднами ѿ. наднами есть вода. а поднами есть вода, а наднами нбо есть. а поднами нбо есть. наднами есть люди, а поднами люди, а мы живе на земли аки въ мѣчной церлꙋвѣ. в. кто поднебесимы огнемъ бысть. ѿ. есть во тамо люди живꙋтъ малы и нипꙋютъ нинядатъ. кꙋде ихъ вѣтръ повѣетъ тꙋде и люде летятъ аки паоучина. а смерти имъ нѣсть. в. чтося бежитъ а кто гони. ѿ. днь бежитъ а нощъ гонитъ. в. кая борются два междꙋ собою. ѿ. животъ смртию. в. гдѣ есть ноевъ ковчегъ нне. ѿ. есть во нынѣ стоитъ на горахъ арацкихъ. в. кий градъ междꙋ нбомъ и землею. стоитъ, изнегоже идетъ посолъ нѣмъ а несетъ грамотꙋ неписанꙋ ѿ нейже весь миръ обрадовася. ѿ. градъ оубо есть ноевъ ковчегъ впотопе а посолъ голꙋбь, а грамота листъ масличный принесе во оустехъ ноеви вковчегъ. в. что есть внꙋкъ рече кбабѣ баба роди мя. і рече баба внꙋкꙋ како хощꙋ

родити тя а ты мнѣ ѿцъ. ѿ. баба есть земля а внукъ хрїстосъ есть. в. что есть водяной замокъ а древяной ключь, заецъ пробежа а ловецъ оутопе. ѿ. водяной замокъ есть море древяной ключь жезлъ моисеовъ, заецъ моисѣй пробежа со израилтяны сквозе чермное море проведе ссобою ҂х. и ҂ѕ. кромѣ женъ. и детей. а ловецъ оутопе црь фараѡнъ, гна за нимъ. в. который пррк нерод̾ивый гда виде. ѿ. ісаия пррк сн̃ъ амосовъ. егда взятъ бысть ѿ оутробы матерния и несенъ бысть. до .з.го. нбси. і тамо виде гда, и втаи поклонися ему и паки вспять возвратися во оутробу матерню. в. ѡскудиша овца ѿ пищи и не будетъ при ясляхъ воловъ. ѿ. жидове ѿ ерлима и еврей и пррк, в. что есть сѣмя мое и кто есть сеецъ. ѿ. сѣмя мое есть книжное писанїе а сеецъ есть хрїстосъ. в. что есть иже многия реки пьетъ и неможетъ напитися. ѿ. то есть богатый члвкъ много приемлетъ злата и неможетъ насытитися. в. что есть секира посекающия древо неоугодное, і метаетъ его во огнь. ѿ. секира есть диаволъ а древо есть грѣшный члвкъ вметаемый ввѣчную муку. в. что есть ядомый ѿ неядомаго паде. ѿ. сотона. ѿ гда паде. в. что есть конь стоитъ иссохъ а трава подниманъ до чрева. ѿ. конь есть богатый члвкъ зря на свое богатство иссохъ. в. что есть конь стоитъ на голе гумне а сытъ велми. ѿ. конь есть оубогїи члвкъ о богатствѣ не печется ничемже. в. кто .з. нбсъ. дланию покры. ѿ. стый иоанъ пртча, хрта крти во иердани руку положи на главѣ его. в. кто есть непоставленой попъ а диаконъ ѿметникъ. а нѣвецъ блудникъ. ѿ. попъ есть непоставленой іоанъ пртча крти хрта. а диако ѿметни петръ аплъ при стрти. г. хрта ѿвержеся а нѣвецъ есть црь двдъ, блудникъ. в. кто есть прииде богатый книщему, всего имѣва оу себе много а единаго не имѣва и проси оу нищаго.

ѿ. богачъ есть хрїстосъ сн̃ъ бжїй, прииде ко иоану кртителю всего имѣя много и всю тварь сотвори а единаго не имѣя крщения ѿчтитися водою і дхмъ. в. что есть бѣлъ щитъ а на белѣ щите заецъ бѣлъ. і прилетѣ сова и взя заеца и сама ту сяде. ѿ. бѣлъ щитъ есть свѣтъ, а заецъ правда а сова кривда ста на земли а правда иссяхла. в. что есть звери свѣтятъ во вселенную на земли. ѿ. есть во .д. звери еуангелисты иоанъ богословъ на севере лвовымъ ѡбразомъ. лука телцевымъ ѡбразомъ на востокъ. матфей на югъ аггелскимъ ѡбразомъ. маркъ на западъ ѡрлимъ ѡбразомъ. в. которы есть. в. непостата непрестано вертятся. ѿ. и цы есть здѣ. вднь есть дѣла наша, а вноцъ ѡпочивъ есть. в. что есть единаго искахомъ. а .г. обрѣтохомъ и не познаша і показа имъ мртвыя двца. ѿ. искаше црца елена когда крта хртова тогда видѣвъ мртвую двцу и возложи на нею кртъ хртовъ и воста двца. і рече той есть кртъ хртовъ иже мя воставив. в. кий гла сниде ѿ востока и до запада. ѿ. егда прокля гдь каина. в. кто научи первие на востокъ молитися бгу. ѿ. пррк моисѣй научи жидо на горѣ араведстей. в. кто дважды смрть вкуси. ѿ. лазарь праведный. в. кто состарѣвся вотрево мтре своея вниде. ѿ. адамъ родися ѿ земля и состарѣвся, вотрево мтре своея вниде, оумре і вту же землю положиша его. в. в коей земли адамъ сотворенъ бысть. ѿ. в земли мадиамстей, таможе и оумре. в. колико адаму ѿ рожения і до смрти. ѿ. ц. л. г. лѣта, в. кто есть правду рекъ погибе. а кривду рекъ спасеся. ѿ. иуда правду рекъ погибе. а петръ кривду рекъ спасеся. в. что есть кивотъ и что есть левгитъ. ѿ. кивотъ есть законъ бжїй, а левгиты есть витїи закона пророцы. и покве. в. что есть. ѕ. стояше. а два глта, а .е. ѡбличаши, а. кї. дивляхуся. ѿ. ѕ. человекъ стояше гдѣ

самарѧнынею. на стꙋденцы. іꙗковли, а два гласта, хртосъ, самарѧнынею. а .е. мꙋжей обличи оу ней, а .ві. диклахꙋсѧ, апли, что глетъ гдь зженою летѣнїею. в. бїи гробъ не могїи ксебѣ мртва держати ѿ. Іс҃ъ воста ѿ мертвыхъ всѣмъ дарова животъ вѣчный, і всеродил адама вкрси. в. что есть живый мртваго бьетъ і мертвый иже вопиетъ и на гла его вси течахꙋ. ѿ. живъ есть пономарь а мертвецъ есть клепало цркобное, и на гла его. вси людие кцркве на млтвꙋ текꙋтъ. в. кто есть первый іерѣи на земли. ѿ. Іс҃ъ есть сн҃ъ бж҃їи. и по себѣ постави іакова епкпомъ сн҃а іѡсифова. во іерлме. тойже іꙗковъ первꙋю литоргию состави. в. что есть ризы гдня. ѿ. входъ и выходъ. в. что есть стихарь. ѿ. ѕ. небсъ. в. что есть поѧсъ гднь. ѿ. чермное море есть ѡбошло ѡколо всего свѣта окиꙗнъ. в. что есть волъ коровꙋ роди. ѿ. гдь землю сотвори. в. ѿчего плении есть оу игꙋменовъ, и оу поповъ. ѿ. моисѣи пррк҃ъ. егда проведе ізраитескиѧ люди сквозе чермное море, і тогда начаша печи ѡпресноки. ѿ слнца на слꙋжбꙋ. і поѧвися імъ плещь подо ѡблакомъ да бꙋдꙋтъ тацы слꙋжители ихъ. в. котораѧ мти соседтъ дѣти своѧ. ѿ. море рѣки пожадаетъ всебе. в. что есть лютѣе звѣрѧ льва. ѿ. ѕлоѧзычнаѧ жена. в. коего мꙋжа жена потворила. ѿ. црѧ соломона, и самсона сил́наго. в. живъ гробъ ходитъ а мертвецъ внемъ поетъ. ѿ. есть во китъ рыба вмори а мртвецъ есть іѡна пррк҃ъ во чреве китове поѧше і молѧсѧ бгꙋ. в. что есть еже .г.ми трѧсется и зыблетца земля а .д. го не можетъ на себѣ понести. ѿ. треми зыблется. есть ржтвомъ хртовымъ. распѧтиемъ. і воскрнием. а .д. го. не можетъ на себѣ понести. котораго пришествия хртова. бꙋде бо нбо ново и земля нова. в. кто ни бга виде. ни по земли ходилъ, бгꙋ поклонися. ѿ. Іѡанъ кртитель, еще вочреве сын ма-

терниѧ оузри гда и рече се. а мтн гда моего приіде ко мнѣ. в. каѧ црковъ сотворена бысть. еѧже ѡбновлениемъ весь миръ погибе. ѿ. то бысть ноевъ ковчегъ. в. что ради рече гдь. г. симоне іѡне любиши ли мѧ. ѿ. понеже аплъ. г. гда ѿвержесѧ. в. что есть сестра іона і сосца не імать. сего ради не восхотѣ еѧ женихъ. ѿ. дша нша блꙋдна, і дѣлъ добрыхъ не імать, ни покаѧнїѧ стѧжа сего ради не восхотѣ еѧ, гдь бгъ нбный женихъ, донелѣже ѕлыхъ неѿставитсѧ. приточни. рече держи дрꙋжбꙋ смꙋжемъ мꙋдрымъ бꙋдеши мꙋдръ. а збезꙋмны посредѣ ѕла ѡбращешисѧ. в. колико ѡстровокъ велики вморе, кое весь свѣтъ обыде. ѿ. .ог. і в тѣхъ островахъ, разведено. колико ꙗзыкъ на земли, і птицъ, і звѣрей, і гадовъ. і рывъ, і всѧкого движащагосѧ, по земли, і по воздꙋхꙋ, і водѣ, толикоже, і тоже, число ѡбдержитъ. ꙗзыки і птицы і звѣри, і всѧ движащаѧсѧ. по земли. а древъ толикоже. разными цвѣты, і травы земныѧ, цветы различныѧ, і имены стоѧща, і всѧкого ѡбилиѧ земнаго, толикоже. і на чемъ земля стоитъ. в. коего звѣрѧ, оу ноѧ вковчеге не было. ѿ. небыло есть рыбы. в. чего проситъ бгъ на всѧкъ днь ѿ всѧкого чл҃ка. ѿ. проситъ бгъ. трехъ, добродѣтелей, цѣломꙋдриѧ ѿ телесѣ. истинны ѿ срца. правды ѿ ѧзыка. і аще кто сиѧ соблюдетъ ꙗвѣ есть той наречетсѧ сн҃ъ бж҃їи. творѧи волю его. в. что есть .д. дрꙋзи оу бга. ѿ. постъ, млтва, млтынѧ, любовъ. в. что есть вѣрный рабъ і ленивый. ѿ. вѣрный же рабъ есть талантъ. свой, всѧкомꙋ ѿдаетъ. благословенъ, ѿ бга есть. а ленивый рабъ есть, нехотѧи таланта своего никомꙋже ѿдати, проклѧтъ есть. в. чего всебѣ храмина не держитъ того и двери не ізносѧтъ. ѿ. храмина есть чл҃къ чего срце не смыслитъ і оуста того не глютъ. в. Кто возвесели всю тварь, ѿ. хртосъ сн҃ъ бж҃їи, воскрсе ізмертвыхъ. і всемꙋ ми-

ру животъ дарова. в. кто есть дважды рожденъ, а ни единова не крещенъ, ѿ негоже Хрстосъ бгрсе. і радость всему миру дарова, внемже соста небо і земля, ѿ. скорлупа есть небо, а перепонка облакъ. а белудокъ і желудокъ, земля, а вжелудки черно. что есть грѣхъ. чвкъ. Хрстосъ бо вкрсе всего мира грѣхъ потреби. в. кого бгъ любитъ. ѿ. праведныхъ гдь любитъ, а грѣшныхъ милуетъ. в. кого бгъ ненавидитъ. ѿ. стара бладива, убога кущака. богата лжива. не любитъ бгъ. что есть, ѱаломъ сей глетъ, коль блгъ бгъ Іилевъ.

Іѡсавъ прркъ живыи на горѣ всегда, вжитіи своемъ скорбенъ бывше і болѣзненъ, тѹже подгорою градъ бяше і людеи на немъ множество. пьюще і веселяхуся, і безчинствующе. Прркъ же поревнова житию беззаконному. пошедъ згоры вниизъ. хотяй водворитися сними. аггелъ гдень ста предними і гла. камо грядеши чле. і что изволилъ беззаконныхъ житию. Тыже чле возвратися вспять. да не погибнеши сними і зри нагубу ихъ. і абие втомъ часѣ погибе градъ і люди. и все что мѣсто бысть пусто. Прркъ же возопи, ко гду бгу. ѱаломъ, сіи. Коль блгъ бгъ Іилевъ. Кая то жена ѿ народа рече, блаженно чрево носившее тя і сосца яже еси ссалъ, Фетиніа самаряныня то слово рекла. Вниже явися гдь на студенцы Іякова. Двоего немощно убежати. а двоего постечи. Смрти. і старости, неубѣжати. а живота і юности не постечи. Что есть рече гдь. Горе тебѣ граде внемже црь юнъ, і бояре пьюще і ядуще. Градъ есть дша. а црь юнъ умъ, а бояре пьянчивыи. помыслы ѕлыи і лукавыи. Что рече гдь будите яко древо при пути і птица невныя веселятся вьвѣтвіи его. Дубъ есть миръ. а вѣтвѣ язы́цы. а птица аггли. іже по всему миру і во всѣхъ языцехъ проповѣдаша слово бжие. Кто смрти не прияхъ, і смрти бегоша. І илия. і енохъ не прияхъ смрти. Где смесися теплота со студенью. Всодомехъ і гоморехъ. градъ і угане горящес. Когда д. м. часть, мира умре. Егда каинъ уби авеля брата своего. Коего праведника градъ спсе ѿ смрти. Лота спсе градъ сигорь. егда ізбежа гомора. тогда возрадовася весь миръ. Егда ной ісковчега ізыде. Кіи члкъ постави. по .д. столпы. на земли. При езавели царицы. ілия прркъ .г. лѣта. і. ѕ. мцъ. не одожди земли. Что есть во евліи рече, впритворе соломонѣ. црквѣ убо была раскопана, новуходоносоромъ цремъ, і паки создана бысть, киромъ цремъ перскимъ. а притворъ соломоновъ раскопанъ. і того ради евлистъ рече. впритворе соломоне. Что есть гдь рече, аще ѡставите члкомъ. согрѣшенія, ѡставитъ вамъ. ѡцъ вашъ небныи. Гдь велитъ всѣмъ вѣрнымъ. оставити сгрѣвъ. і всяку враду другомъ своимъ і братіи. Рече павелъ аплъ, не ѿринетъ бгъ людеи своихъ. яковже преже позна. Прежe бо жидове су бга есть. з. і по распятіи множество, весила. Рече гдь своимъ учеником, ідѣте во градъ. вдние і рцыте ему. учитель глетъ, время мое прійде. сотворю пасху со учнки моими. Градъ есть адъ. а, вдния адамъ. гдѣ сотворю пасху. пасха наша хрстосъ за насъ распятъ бысть. Евліе. Свуделникъ есть свѣтилникъ неприкосновенымъ. То. Свѣтилникъ есть кртъ хртовъ. а свуделникъ плоть гдня. висѣвше надревѣ. неприкосновена вжествы. Рече гдь всякъ иже слышитъ словеса моя ісгинну творитъ, уподоблю его мужу мудру. іже созда домъ свои на камени. То. Никтоже можетъ ісправити добрыхъ дѣлъ, развѣе бга. тогобо ради уподобленъ есть еже на камени. камень бо есть хртосъ. а храмъ есть дша. а здания добрая дѣла. а иже зиждетъ напесце ѕло творитъ. той речено бысть уподоблю его і уподобися. Евліе. Приведоша ко гду нѣкоего должна мужа тмою талантъ. і неимуще ему что отдати. і повелѣ гдинъ его. продати жену і дѣти. То.

Жена оубо плоть есть. сѹпрѹжница есть дша. чада же дѣла. дѣланїемъ ѕлымъ. ѿ дша і ѿ тѣла, продатиже. сии рѣчь кзяти дшу ѿ тѣла здѣлы своими. еѵлие. Или творитъ древо добро і плодъ его добръ. іли сотворитъ древо ѕло. і плодъ ѕолъ. ѿ плода древо познаваетсѧ. То. Дѹбъ добръ дхъ стый а ѕолъ дѹбъ есть. дьяволъ. а древо члцы. а плодъ добрая дѣла. ѿ нихже кождо примутъ иже бѹдетъ сотворилъ. еѵлие. Идѣже есть. в. іли .г. во імѧ мое совокѹпленн, тѹ, есмь і азъ посредѣ ихъ. То, Собокупленн ѿ мени всѣхъ. плоть і дшѹ. егоже бѹдетъ, что плоть. і дша, тѹ дхъ стый живетъ. і цртво нбное. в. что есть ѿ единыя рѹки члка видимо есть. даяние кинщимъ. ѡко злато. ѡкоже сребро ѡбо мѣдь. ѿ. златоже, есть, живъ, члкъ, ходитъ. даетъ, милостыню. всякомѹже просѧщемѹ. а егда при смерти члкъ воленъ. даетъ милостыню. то есть сребро. Егдаже понемъ по смерти, творятъ милостыню. а при животѣ своемъ скѹпъ былъ. то есть мѣдь. Рече гдь аще кто возметъ кртъ свой і во слѣ мене градетъ. То. Вели гдь приготовитисѧ, і вѣрою и терпѣние и всѣми добрыми дѣлы. къ бѹдѹщемѹ вѣкѹ, то есть кртъ и во слѣдъ ити. идѣже во рече азъ тѹ и слѹга мой бѹдетъ. Рече гдь возме ярем мой и наоучитеся ѿ мене ѧко кротокъ есмь и смиренъ срцемъ. яремъ есть оученїя смирения ѡбразъ. кротость. незлобие повелѣ прияти и тѣмъ покой ѡбрѣсти вѣчныя жизни. еѵлие. Члвъ нѣкий исхожаше ѿ иерсалима въ ерихонъ и в разбойники впаде, то. Ерихонъ есть. рай. а ерамъ, миръ. а разбойникъ злая дѣла. мира сего. а члкъ есть адд испаде изряж. еѵлие. Леги мимо идоша, и прише самарянин вза на свой скотъ его. и введе вгостинницѹ. и рече прилежи о немъ и вда. в. пѣнязя егда возвращѹся возда ти. Левгитъже сии рѣчь иерѣи законъ моисеовъ. Левгити же прчество. самарянин есть хртосъ.

а скотъ плочь. гдня. а гостинии есть павелъ апла. гостинница есть црковъ. прилежание пабловo внеиже есть оучение апльское и еѵлское. а. в. пенязя. вѣра крщение. а язвы грѣ а связание. покаяние. а масло добрая дѣла втериѣнии. а еже возвращѹся воздамъти вовторомъ пришествие. воздамъти вѣчный покое жизни вѣчныя. сево павелъ рече. течении хртосъ скончавъ. тѣмъ лежитъ ми венецъ праведный иже воздастъ ми гдь вдень ѡнъ. Рече гдь оукѣщися сѹпернико доньдеже наидти есмь. то. Покаятися велитъ и очистисѧ ѿ грѣха. преже смерти еже житие пѹть есмь аки вко техъ. а сѹперии есть диявола. апря грѣхи, а еже оукѣщаися ворися сним. Рече гдь не всякъ внидѣ вцрствo нбное мое. рцыми гди гди. но творяи волю ѡца моего. то. Воля есть чтота. воздержание ѿ всего. пощение млтви покаяние. и вся добродѣтели. Рече гдь о дни томъ и часѣ. никтоже вѣсть ни снъ бжїи. но ѡцъ. то. Рече о дни о годе не чой но оразлѹчении дши ѿ тѣла. ни аггли бжии не вѣдатъ, когда разлѹчается дша ѿ тѣла. то како спадый снѣбсе можетъ оуведати. дшевный исходъ. не вѣсть самъ своея погибели како може оуведати члкомъ смрть. или животъ поведати. имѣя власть животѹ и смрти. оумерщвляе и ѡживляетъ единъ гдь. Еѵлие. Что есть вдовица вверхѹшия. в. мѣдницы, вхазафалакию. то. Вдовица есть дша смиренная. а мѣдница есть плоть. а хазафалакия хра црковный. в. Что есть женихъ и что есть невѣста. ѿ. Женихъ есть хртосъ. а невѣста есть црковь бжия. Еѵлие. Члвкъ нѣкий созда севѣ храминѹ на камени то. Члвкъ есть петръ апла а каме хртосъ. а вѣтры диявола. а на песцѣ созда храминѹ то есть июда хртопродате. а песокъ есть весплодная дша его. Еѵлие. Рече гдь сѹ етери ѡѕдѣ стоящихъ иже неимутъ вкѹсити смрти. доньде оузря сна члвча пришедшаго всиле. то. Рекоша быти

петра иакова. і иванна. азже мню єноха и іаню і иоана. егда гдь прiиде вославе вовторое пришествие. в. Кто принесе гдꙋ глꙋбокꙋю водꙋ. и оубрꙋсъ не тканъ. и іспроси себѣ егоже нѣсть оу нея. ѿ. Єгда блꙋдница припаде кногамъ хртовымъ. и слезами лючаше позѣ его и власы гвы своея отираше. и іспроси себѣ оставление грѣховъ. в. Кто жи погребенъ бысть. ѿ. Іона пррк вочревѣ китовѣ. в. Что исаия пррк рече емꙋже власть бысть на рамѣ, его, ѿ На рамѣ его крт. аще хртос на распятие иде. в. Блаженъ мꙋжъ иже неиде на совѣтъ. ѿ. То есть лонеше кбезаконнико. і иосифъ ѿ ариматея. Єvлие. Рече гдь кпетрꙋ ше на море верзи оудицꙋ вморе. ихододщи первꙋю рыбꙋ возми я и ѿверзи оуста ея. и обрящеши внеи златникъ. дайже зама и заcя. то. Море есть миръ. а оудица слово бжие. а златникъ есть крт. а еже зама и заcя. понеже хотяше распятися кземли низъ главою. Єvлие. Рече гдь подобно есть цртво нбное женѣ. иже имѣяше драхмы. и погибоше еди ѿ нихъ. и взыскакъ драхмꙋ и обрѣте и радꙋется о неи. то Жена есть црковь а драхмы аплы а свѣщи крт а погибе ѿ нихъ адамъ. того ради остави гдь всю свою власть и взыскаже адама. в. Что есть видѣхъ женꙋ пречюднꙋ и великимъ свѣтомъ одѣянꙋ. глва ея бысть аки слнце ѿ неяже сияюще. ві. звѣздъ держится ея мцъ по немꙋже идоста. ѿ. жена есть вѣра хрстиянская. а свѣтъ есть стая вцд ѿ неяже родися праведное слнце хртос бгъ нашъ. а мцъ есть законъ моисеовъ. яко рече приидохъ разорити закона но исполнити. Єvлие. Рече гдь яко пло и кровь не яви тебѣ. но ѿцъ мой яви тебѣ. то. Петрꙋ хртос рече ѿ члческа разꙋма немошно есть разꙋмѣти. но ѿ бжия разꙋма явленоти есть. иже азъ есмь снъ бжии. плоть и кровь есмь члвческий разꙋ а не бжии. Єvлие. Посла гдь два оучнка вою ввесь явие обрящете осля привязано ѿрѣшивше привѣдита ми. аще вамъ речетъ кто. и рцѣта гдь его требꙋетъ. то. Два оученика посла гдь вве апаъ и еvлие. вмиръ. а иже свѧзавше осля языцы оуказоша пленицꙋ грѣховнꙋю. а иже кто возбранитъ. то есть бѣсы возбраняютъ. итти, кцркви члкомъ. а иже привѣдита ми его ѿрешивше. апаъ и еvлие ѿрѣшаю члкомъ грѣхъ оучениемъ своимъ привода ко хртꙋ. Єvлие. Рече гдь приидите ко мнѣ вси трꙋждающиися и обремененнии и азъ покою вы. то. Зовет кеебѣ гдь вси языцы обремененни жестостию греховною. а покой глется кртитеся и вѣровати и покаятися гдь покоитъ. Єvлие. Рече гдь помажи глвꙋ свою елеомъ и оумыи лице. и скрыися въ клѣти твоей. ѿцъ твой видяйта втайнѣ воздастъ тебѣ явѣ. то. Глва есть хртос. елей млтынн. а оумый лице слезами. а скрыися вклети врцы свое. скрый вся врцы твое добродѣтели. гдь во члка на срце зритъ. а не на лице а иже воздастъ тебѣ на страшнемъ сꙋдищи помилꙋе. тебѣ же млтыню творящꙋ. не вострꙋби трꙋбою пре(д)ся. нобтайнѣ давай да неоувѣсть шꙋйца твоя. то есть тшеславие. десница есть млтыни. да невѣсть тшеславие млтына. Єvлие. Гдь бежа ко египе. в. лѣтъ. норятве свое. нафанаила обрѣтъ подсмоковницею. трехъ дней лѣтъ роденъ и повелѣ гдь аггла сохранити его. Єvлие. Рече гдь болии иоанна кртителя врождении никто есть. а вцртвии небне болий его есть. то. Никтоже во есть болии его есть. То. Никтоже во есть болии ржтво иоанна. а вцртвии нбнемъ самъ ко себѣ глетъ гдь.

Ѡ потопе ноевѣ

Ѿ адама до потопа лѣтъ. ҂вс. мк. бысть потопъ на земли вшестсотное лѣто ноево по повелѣнию гдню сотвори ковчегъ. вдлинꙋ. т. лакот вширинꙋ. н. лакотъ. а ввысотꙋ. л. лакотъ сооконцы. и вниде ной вковчегъ зженою идѣтми. иснимъ двое двое ѿ

всѣхъ птицъ и звѣрей и снбсе и извезданы. м҃. дней. и .м҃. нощей. ꙋмножися вода и потопи вселеннꙋю всю, и возвысися вода понбса. еі. лакотъ ѿ нбсъ. и стоя вода по земли. рн҃. дней. и помянꙋ гдь ноя и просꙋши землю. и ста ковчегъ. и до нне есть на горахъ араратскихъ. и выше ной исковчега со всѣми спсенъ бысть. ѿ потопа. и прине бгꙋ жертвꙋ чтꙋ собл̃годарение. и гл̃а емꙋ гдь небойся ни что тя на земли ѿскорбитъ. а дрꙋгаго потопа небойся на земли. и поставлю дꙋгꙋ на облацѣхъ вознамение тебѣ. Раститеся і множитеся. и да емꙋ власть гдь боятися его. птицамъ извѣремъ и рыбамъ и всей твари и пожив ной. попотопе. лѣтъ. т҃. и. н҃. и бысть всѣхъ его лѣтъ. ц҃. н. н҃. и ꙋмре. и тако погребе бысть. иначаша снове его жити. симъ хамъ и афетъ. по земли той во бл̃годенствии. и ꙋмыслиша себѣ столпъ создати по нбса. ꙗко да бꙋдетъ дрꙋгии потопъ на землю гл̃юще. бысть же по потопе. лѣтъ. ф҃л. и создаша столпъ. ф҃л. и возидаша столпъ. ов҃. лѣта. и абие гдь разори столпъ и людей. раздели на ов҃. ꙗзыка. и того столпа высоты его того пня. за г҃. днища видѣти его в земли сенарицтей. в. Что есть еже рече писание видѣхъ женꙋ седящꙋ на мори. и змия лежаща приногꙋ ея. егда хотяше жена ражати отроча. и змия пожираше ея. ѿ. Море глтъ ве миръ. женаже бысть црковь посредѣ мира. а змия есть диявол. да егда хотятъ вѣрнии людие спстися приходящие въ црковъ диявол козбраняе имъ. прельщае всѣми, козни своими вревлаетъ впꙋти погибельныя впиянство и вблꙋдъ и во всяко вечинство. в. Что есть пришдоша. в. нищихъ ко црю мл̃тыни просити онъ же вда имъ паче всего цртва нбнаго. ѿ. црь пилатъ вда иосифꙋ и никодимꙋ тѣло хртово со кр̃та паче цртва нбнаго. в. Что есть во всѣхъ члцехъ ꙋмаляетсе а вноши прибываетъ. ѿ. тѡ есть сонъ вчлцехъ выбаетъ. в. многоли есть ѿ востока до запада. ѿ. днь да нощъ слнце и мцъ. слнце бо идетъ ссевера на югъ а мцъ тѣмже пꙋтемъ иде во вселеннꙋю свѣтятъ. в. Что есть на се свѣте днемъ. і. м. часть ꙋбываетъ. а .і. м. часть нощию прибываетъ. ѿ. Егда ꙋбо слнце днемъ бываетъ. тогда вморехъ и вреках воды. і. м. часть ꙋсыхаетъ. а внощи прибываетъ. і. м часть. в. Которыя сꙋть птицы пѣсни воспѣваютъ. а гл̃а ихъ до нбсъ восходит а косы ихъ до земли висятъ. ѿ. Птицы естъ звонъ црковный а косы ихъ есть вервицы ꙋнихъ а црковъ есть земное нбо. в. Что есть посѣченый несѣкомаго пресече. ѿ. Посеченый есть жезлъ моисѣивъ несѣкомый бо есть море черминое пресече и ѳараона потопивъ. в. Колико есть великихъ рѣкъ морскихъ всѣх. ѿ. Есть бо. л҃. рекъ великихъ всю землю проходятъ а морь. ві. а горъ арабицкихъ. ві. израя. д. реки исходят во вселеннꙋю. в. Кто г. днемъ смрть вкꙋси. ѿ. Емꙋже гдь повелѣ одръ взяти раслабленого. лн. лѣтъ бысть воленъ. той зꙋбии гда на предании. та повелѣ, гдь снѣдати его звѣрю: по .г. на днь. Стый аплъ лꙋка .г. иконы вцыны написа. едина во иерлме а дрꙋгая въ црѣ граде. а третьяꙗ во ефесе а ѿ ефеса принесена бысть икона вполоцко грд повелѣниемъ прпвныя княжне ефросѣнии георгия кнѧзя дщи полоцкого. и ѿиде во иерлмъ ефросѣния поклонитися гробꙋ гдню. и тамо преставися о гдѣ. мца мая въ кд. и положена бысть влавре стаго ѡца ѳеодосия великаго. смятерми стыхъ, ѡцъ савы осщеннаго и ѳеодосия и стыхъ козмы и домьяна ѳеодотия. в. Кто ѿ аггелъ непогребенъ. живъ ходи и донынѣ посѣщаетъ всѣхъ насъ. ѿ. Стый иванъ бгословъ ꙗко молния по нбꙋ скача снабдѣвая рабы своя. чтꙋщихъ свѣрою памят его. ѡбрѣтаяся ꙗко злато что посредѣ кала, грѣшныхъ члвкъ. в. Кто захарию крти. и іоанна пртчю. ѿ. Гдь приде ѿ египта со аггелы михаиломъ и гавриломъ и крти

захарию церкви и иоанна. идѣже оубиенъ бысть стаж стыхъ воскрсн его ѿ мертвыхъ. тѹже истече источникъ воды и положе тѹ бысть пожертвенникъ. а иоаннъ треи лѣтъ скеде бысть гавриломъ впѹстыню. на ордамъ. тѹже пребысть до явления хртова в. Ктω крти пречтѹю бцѹ. ѿ. Перъ і иоаннъ бгословъ. аптли по вознесении хртове на неса а петра кртилъ хртосъ. а петръ кртилъ андрея брата своего. і якова і иоанна. ѿ нихже и прочии аптли кртишася. во имя ѿца и сна и стаго дха.

II.

Изъ Рукоп. Синод. Библ. XVII в. № 865.

(л. 340—46 об.).

Чюдная црце Бгце *)
Услыши млтвѹ рабъ своиⷯ
Призри нинѣ слезы горючия
Не лиши насъ црства нбесного
Избави насъ муки вѣчныя
Земля еси земля сыра матерая
Всѣмъ еси ты земля ѿцъ и мать
Гроби есте гроби колоды дубовые
Всѣмъ нам есте вы гроби домовища
Превѣчныи черви есте черви неусыпаемыя
Всякомѹ есты вы члкѹ встрѣча первая
Мѹки есте мѹки вѣчныя
Не меня ради мѹки сотворены,
Сотворены муки сатаны для дьявола
Сего себѣ члче не разсѹдиши
Живъ долго умереть же бѹдетъ
Великомѹ богатествѹ остатися будетъ
Не защита ѿ смерти богатество
Не замѣна ѿ смерти други сердешныя
Не слезами ѿ смрти не отплакатца
Ни молениемъ ѿ смерти не ѿмолитися
Пора тебѣ члче воспокаетца
Прибати ѿца духна
И вся своя злыя дѣла исповѣдати
Возрѣти на ѡбразъ содателя
Пролити слезы горючия
Просити ѿпущения своиⷯ злыⷯ грехомъ
Создате члколюбецъ млтивъ
Приметь рыдание слезное
Покрыеть греховъ много множество
Избавитъ муки вѣчныя
Аще ли члче хощеши полѹчити црьства небесного
Отрекися члче мира сего прелестнаго
Иди впустыню далнюю
И постригися в ризы черныя
Призывай себѣ бга на помощь

---

*) Сравн. со стихомъ о *второмъ пришествіи*, № 20, въ Рус. Народн. Пѣсн., изд. П. Кирѣевскимъ, въ Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1848 г. № 9.

Или хощеши претерпѣ^ти^ до конца
И ты насл҃ѣдникъ будеши цр҃ьства небеснаго
Не сболжети божественое писание.
На семъ свѣтѣ намъ не доло жи^т^
Долго будетъ во веки мучитися
Уже живо^т^ тво^й^ ч҃лче скончаваеца
И страшенъ с҃у готобитца
Престоли г҃дни поставляются
И вся свытыя кн҃ги разгибаются
И такия дела н҃ши обявляются
Уже живо^т^ тво^й^ ч҃лче скончевается
И д҃ша ѕ бѣлы^м^ тѣломъ роставается
И ясные очи затворяются
Составы скостми роступаются
Ѕ головою умъ прощается
Лепота лицу помрачается
Любезные др҃уги оставаются
И се убо день к вечеру приближается
И с҃лнце идетъ к ѕападу
Секира лежитъ блиско древа при корени
Уже во время торговое содеяется
И купля людемъ минуется
И граду врата затворяются
Приходя^т^ времена послѣдние
Нашему житию конецъ приближается
Горе ч҃лку умрети непокаявшусь
Прииде^т^ бо смерть безмилости
Возму^т^ ти ан҃гли д҃шу немилостивиї
И принесутъ мытарства многия
И пото^м^ покажутъ муки лютыя
И по^с^ле покажу^т^ цр҃тво нб҃сное
И праведны^м^ радость и веселие неизреченное
И грѣшны^м^ будетъ плачь и рыдание неутешимое
Показа^в^ муки посадятъ вмѣсто темное
До страшнаго суда и до втораго хр҃тва пришествия

И впослѣдния времена во антихр҃тва пришествия
И снимъ будетъ ѕлые м҃учители
Ан҃гели и б҃ѣсы темные
Побиютъ проро^к^ б҃жнихъ
И после убиения пророческаго
И Повелениемъ б҃жнимъ ѕагорится вся земля
И возгоритъ на .л҃в. лохти за наше великое безаконие
И за многия грѣхи пре^д^ б҃гомъ и пере^д^ пречистою б҃гоцею
И пере^д^ всею небесною силою. Аминь.

Р҃гг декаря во к҃а^д^ пре вечению прише^л^ в ц҃рко^в^ страстотерпца х҃ртова георгия нижегороде^м^ посацко^й^ ч҃лкъ григоре^й^ отоновъ с҃нъ тока сказа^л^ было де ему явление нѣ^к^ трижды по ночамъ вне^в^ую ночь на суботу декаря проти^в^ ѕі ч҃иза до заутрени во снѣ явило^с^ ему два а҃гла в свѣтлы^х^ ризл^х^ со свещами и пото^м^ сними обра^з^ пресвятыя б҃цы о тебѣ радуется в киоте что стои^т^ на паперти у георгия страстотерпца и нача ему говорити подиде во гра^д^ и всему миру возвести что м...... не бранили и мнѣ молили ѕы обра^з^ мо^и^ спаперти в цр҃ковь чесно и воду свытили на рекѣ и а^з^ всѣ^м^ подамъ милость свою вскоре а к^л^ де моле ство будетъ и к то^м^ времи во всемъ гра^д^ у цр҃вве бы з҃во и я де ц҃рю вашему и всему миру чюдо покажу иноже да и невидима быть и он де ле^г^ было спа^т^ до ни и ѿ страхования еще не усну. а сна пр҃чистая б҃ца пришла к нему стѣми ангелы страшно поле себя держитъ камень а а҃гелы держатъ пелену со свещами и нача ему пресв҃тая б҃ца говорить в другоряд я ц҃рю вашему много м҃ати своея подала а ты для чего в миръ о прежде реченомъ не вовестишь буде^т^ де не послушаешъ а раженѣ веры ко м҃нѣ непокажу^т^ и все прилено безо всяко^й^ прекословия м҃нѣ молица не учну^т^ и вере^у^ и впыки потъ нестану^т^ ихъ^о^ и ты буде^ш^ за неивещенне камение убиенъ и на ве^с^ миръ за безверие буде^т^ плач камеиля туча ожидате вскоре да

и невидима бысть і о де шед к цр҃кви у Георгия панама Феофан к заутрени бл҃говестит і о де ему все по ряду сказал и панамарь де того, никому не известил не вем для чего і после де того в другой ночи было ему явление трижды пришла та пречистая Бц҃а да с нею два ч҃лка один в белой одежде а другой в жетых ризах в Бц҃а де велела им его взять і ввергнуть в море а говорила за то де ему для чего народу не возвестил і те де два ч҃лка взяли его и понесли высоко как есть по воздуху носили над полями и над морем долгое время страхование ему учинили хотели его ввергнуть в море и освободили а велели ему о всем в народ возвестить и невидима бысть и о де шед к панамарю в другорядь прото сказал же а в народе он о том возвестить был опасен.

III.

Изъ Рукоп. Синод. Библ. XVII в. № 377.

(л. 234 — 238).

Список спереводного немецкого листа печатнаго писма.

Страшное зерцало проклятия їли наказателное предложение, нѣкотораго не милосердаго и бгоотступнаго человѣка, как он праведным судом бж҃ііим обратился во страшнаго пса, написано, для того, чтоб всѣ немилосердые бгоотступники, и часто-ротающіїся образумились ї себѣ приняли в научение объявленно пространно из города праги, от нѣкотораго духовнаго чину человѣка и иных многих мѣст подлинно, подтвержено ,ахог, лѣта.

Всемогущій бг҃ вся грѣхи и беззакония а наипаче хулы и божбы всуе не пропустит, но жестоко наказует, ї прото свидѣлствует, бжественное писание, и многими прикладами нам явно предлагает, и никогда нечестивый мир тое малое рассуждает и не почитает, и в разум себѣ не емлет, и тѣм тое беззаконие хулы и божбы по вся дни, у всяких людей умножаются тако что они то беззаконие во грѣх не ставят ї того ради, праведный бг҃, в нынѣшнее наше время, всѣм нечестивым для научения многие истинные приклады нам предлагает чтоб они образумясь на добрый путь возвратилися, такое страшное зрѣлище, во исход прошлого году здѣсь недалеко от города праги, в ческом королевствѣ, учинилось и то молчание свойтить не возможно, для того что то явно видѣти, мощно, отмщение бж҃ие, противу кленущихся, и немилосердых бгоотступников, наипаче надобно сие дѣло объявити, всему миру а что належит вышеименованного приклад и повѣсть ї то учинилось таким подобием по извѣту многих вѣродостойных людей и розных мѣст нѣкоторые преестный кавалер котораго имя для великаго рода его утаим, во исходе прошлого году в декабрѣ мсц҃е по нраву своему подданных своих не по их силѣ принуди великие подати платить, а ме тѣми поддан-

ными была нѣкоторая бѣдная вдова которая ѡстала послѣ мужа своего с пятми сиротами в нꙋжном житїи, а сѥ имѣние еѣ и богатство было ѡдна корова, и когда такж как и инїи не противъ могꙋты подати платить, силою принꙋждена была и она в такой велико нꙋжде иного ничего не могла неучинить кромѣ что немл҃рдное сердце гд҃на своего лютаго плачевным прошением умягчить что б ѡн над нею ꙋмилосердился и дал бы срокꙋ скꙋдости ради еѣ ї не достатков и чтоб ей по взятїи коровы з детми своими вдрꙋгъ не разорится, и вѣчной скꙋдости не пребыти, ина она тѣмъ гд҃на своего немл҃рдаго не ꙋпросила, и ꙋказал онъ вышепомянутую коровꙋ отогнать в свой хлѣвъ а жена того лютаго бг҃оѿстꙋпника пожелѣла тꙋ бѣдную вдову, ї хотѣла заступить еѣ у мужа своего чтоб он над нею ꙋмл҃рдился и не разорил бы бѣдную сироту з детми, и ѡн з гнѣвомъ ей ѿвѣщал какое мнѣ дѣло до тѣх собакъ нагих я зрѣти на них не хочу, а жена его паки ꙋчала просити заступая чтоб онъ помыслил и разсꙋдил великую скꙋдость еѣ что пить ѣсть нечего, и ѡн стал говорить ѣй ядят они то что иные собаки ядятъ межь тѣмже она бѣдная вдова к гд҃нꙋ своемꙋ подошла еще и молила его пад на колѣни для ради послѣднего бꙋдꙋщаго страшнаго суда и мл҃рдия бж҃ия чтобъ онъ ꙋмл҃рдился и дал бы срокъ в платеже и ѡн окаянный учал на неѣ кричат и велѣл еѣ ѿ себя ѿбить покамѣстъ заплатит наложенных податей пота мѣстъ мл҃рдия не будет ѿ меня, бѣдная вдова то услышав со слезами ѿ него пошла после того ꙋчинилось что в трех днях ꙋ немл҃рдаго гд҃на еѣ болши шестидесяти животин пало и о бечеловѣчной ѿ того тако разгнѣвался, и ꙋчал дѣйством и словами їмя бж҃ие хꙋлить и воззирая на нб҃о з желанием говорил ѡ дабы могл тебѣ ѿмщение учинить, и так вшед в хоромы свои взбѣсившийся ї взял парꙋ пистолей с великим хуленнемъ выстрелил на нб҃о и паки молвил вижю что ты бг҃ъ на мою животинꙋ мор напꙋсти для такой сꙋки вдовы что я коровꙋ ꙋ неѣ взял ѣсли ж и бꙋдꙋ ѣй сꙋкѣ вдобѣ и щенятам еѣ отомщꙋ выкормлю их мертвою тою животиною і бг҃ъ ѣй втом не поможет, прости мя гд҃и что я такие словеса слышаные ѿ него дерзнꙋх написати, но нн҃ѣ зри судъ бж҃їй в томже часѣ погꙋбил все чꙋвство свое и человѣчески ѡбразъ разодрал все платье своѣ ѡбращаетца в великаго чернаго мохнатаго и страшнаго пса опроче глв҃ы иже не пременися всѣмъ же тѣломъ псꙋ во всѣмъ подобен нн҃ѣ же возятъ его вездѣ на особом решетчетомъ возѣ и пристабленъ к немꙋ живодер которой его бережет и мертвою животиною кормитъ, потомꙋ что ѡкромѣ того иного ничего не ѣстъ жена же его ꙋже великое число денегъ роздала на мл҃тню чтоб за него бг҃а молили о прощенїи и хотя имя его для великого шляхетнаго рода его хотѣли ꙋтаить однакожь не могли и сие дѣло нынѣ всѣмъ людемъ явно ї вѣдомо учинилось напечатано всѣмъ нечестивым и немл҃тивымъ кленꙋщимся ї бг҃охꙋлникомъ для наꙋчения яко особой ѡбраз чтоб они ѡбразумились ї сꙋдъ гд҃нь ѿпознали.

IV.

Изъ Рукоп. Импер. Публ. библ. конца XVII в. Изъ Древлехран. Погодина. № 1773.

(л. 187 об. и слѣд.).

Сказка о нѣкоемъ молодцѣ, конѣ и саблѣ.

В древниx было лѣтеx вдалныx странаx колиде себѣ олико молодецъ смолода былъ бѣлъ кудравъ конь ꙋ нево былъ буръ косматъ на ꙋхо лы задняя нога по шкорокъ бѣла перевяя нога по лопаткꙋ бѣла и всего того хорошае было ꙋ добра коня ты приметъ ротъ какъ пасть язы какъ рꙋкавъ грива колѣсомъ ꙋши колпакомъ окорока висли памяти вышли олени мыки заечьи почки хвостъ какъ кута круглые копыты что поныи морские раковины а очи ꙋ добра коня что великие питьи чаши на ло вышли ке молодецко колъ (конь) впримѣтаx что люто зверь и колиде себѣ олико дородъ молодѣць ѡседлаетъ своего добра коня и вскинеть на нѣго свое седло черкаское и подстѣгаетъ двѣнатцать подпругъ бѣлого шелку шемахинского ꙋ всякие попруги пряшки красного золота аравитцкого и положи на добра коня. свою ꙋздꙋ тесмяную и остегнѣтъ на себя свой поныи садакъ а вънѣмъ т҃. стрелъ по р҃. кибире о арчиевъ и҃. ташлыковъ. а сберѣчъ опричено надобныхъ стре. А всякая стрела морская трость. На трое колото и на четверо строгоно і наливано в нихъ красного золота аравитцкого и ѡпояшелъ на себя свою молодецкую вострую салю тулꙋшмякꙋ пошире драницы и немногимъ поуже тесницы за конѣмъ сляженъ и пере конемъ слокоть а ковано она в красномъ дорогѣ заморскомъ булатѣ огницко вострое сабли дорога камѣнии самотьѣтного а ꙋ ножемъ оконца красного золота арвитцого (sic) и свѣдали про тое его молодѣцкую вострую саблю во многихъ даниxъ ордаx многие црвчи и скоролѣвичи и учали и данихъ ордъ своиx к добру молотцу послы посылати чтобы сьего молодецкие вострые сабли сняти образецъ великие ради хитрости и мрсти орꙋца неняли и проч по воимъ даннымъ ордамъ розеxалися і уча себѣ олико молодецъ своею вострою салею похвалятися не потому де моя молодекая вострая сабля что она ковала взаморскомъ красне дорогѣ булате потому де моя молодецкая вострая сала дорога что ее ковали о мастеровъ с семидеся городовъ а всяко мастеръ нималъ о своего хитрого мастерства по семи сотъ рꙋлевъ еще де моя молодецкая вострая сала не потому дорога. потому де моя молодецкая вострая сабля дорога что ѕдѣлана она хитростию и мростию натоще вне же катл. в҃. дорогие ѕерна бурминские ѿ мадана и до домꙋ. еще де моя молодецкая вострая сала непотоⷨ дорога потому де моя молодецкая вострая сала дорога что кого а тою саблею ни тинова тотъ о единого разꙋ живъ нѣжив.... і колиде себѣ олико дородно молодецъ садетъ на своего добра коня и выеде в чистое полѣ и ѕаиграетъ....

V.

Изъ рукоп. Синод. Библ. XVII в. № 850.

(л. 803).

Молитва, ѿ всякого недуга.

Гдⷭи҇ бж҃е нашъ премилостивый, цр҃ю ст҃ый, ѿжени всякъ недугъ ѿ раба своего, имкъ, ѿ дша, и ѿ тѣла, ѿ главы, ѿ верха, ѿ тѣмени, ѿ власъ, ѿ чела, ѿ брови, ѿ вѣку, ѿ ръсницъ, ѿ очию, ѿ оушию, ѿ лица, ѿ носу, ѿ оустну, ѿ языка, ѿ подъязычья, ѿ гортани, ѿ глаголанія, ѿ гласъ, ѿ шеи, ѿ персей, ѿ плечь. ѿ мышца, ѿ лакотъ, ѿ руку. ѿ хребта, ѿ реберъ, ѿ утробы, ѿ пупа, ѿ ключь, ѿ срца, ѿ селезени, ѿ перепоны, ѿ желудка, ѿ боку, ѿ туги, ѿ оухода, ѿ исхода, ѿ воды, ѿ нитня, ѿ око́ру, ѿ юности, ѿ спания, ѿ нощи, ѿ мысли ѿ дне, ѿ смысла, ѿ грѣха ѿ ѻч҃а, ѿ матерня, и ѿ своего соблазна; ѿ ладкеи, ѿ кедръ, ѿ колѣнъ, ѿ голенѣи, ѿ лыстовъ, ѿ глезну, ѿ перстовъ ручны, и ножны, ѿ ноготь, ѿ дланей, ѿ предѣлъ естественыхъ, и ѿ всѣхъ составъ, и ѿ крови, и ѿ жилъ, ѿ кровицъ, ѿ возраста, ѿ сокрушенія силы, ѿ сана, ѿ лѣпоты, внѣ оуду, и внутрь оуду, преложи ѿ немощи всяку, и ѿ непремоганія воѹтѣшеніе, и болѣзнь его исцѣли, ты бо гдⷭи плачь мироносицъ нарадость преложивъ, ты пріиде на иорданъ кртитися ко иоанну, иже ѿ него исполни всяку правду, ты же цр҃ю пріиде виѳанию и воскреси лазаря измертвы. ты и нн҃ѣ вако воздвигни раба своего, имк, ѿ одра немощнаго, и ѿ постеля болѣзненыя, ѿжени ѿ него главную, очную, зубную, сердечную, весную, нежитовую, нощную, полуденную, и всеобразную ѿгненую студеную, привидѣную, и все именованную болѣзнь, избави гдⷭи ѿ всякого недуга, и ѿ дшевныя, и телесныя болѣзни, даждь ему здравие и силу, благодатию возлюбленнаго сн҃а твоего ты бо еси истинный врачь дшамъ и тѣло нашимъ, хр҃те бж҃е нашъ, и тебѣ славу возсылаемъ безначалному ѻц҃у соединородныи ти сн҃омъ, и пресвятымъ дх҃омъ нн҃ѣ и присно и вовѣки, вѣко аминь.

Молитва, ѿ трясавицы.

Ст҃іи м҃чницы, девятьочисленіи, книзичестіи чюдотворцы, ѳеогнии, руѳе, антипатре, ѳеѡстише, артеме, магноне, евмасие, филимоне, ѳеодоте, помолитеся цр҃ю нбⷭному, и исцѣлите раба бж҃ия, имк, ѿ великия и тяжкия болѣзни трясавицы, и ѿ всякия немощи, дарутѣ здравие: своими ко гдⷭу молитвами, нн҃ѣ и присно и вовѣки вѣкомъ, аминь.

Молитва, нахульнаго бѣса.

Запрещаетъ ти гдⷭь, всельукавый диаволе, пришедыи в миръ пречистою и пресвятою мриею истинною бцⷣею, наспасеніе миру, насъ ради грѣшныхъ, проклятъ еси диаволе, и вся непріязненыя твоя помышления, яже во дни и в нощи заклинаю тя именемъ ст҃ыя единосущныя трⷪцы, ѻц҃а и сн҃а и ст҃аго дх҃а, ѿступите ѿ мене раба бж҃ия имка, невлагати всерце мое помыслъ непріязненыхъ, но ѿиди в мѣста пуста, и безводна, идѣже неприсѣщаетъ гдⷭь, заклинаю тя нечистыи дѣмоне, именемъ гдⷭа нашего іс҃а хр҃та: невлазите мене нощию, лукавыми твоими мечтании, и внегда творитими вся молитвы моя ко гдⷭу бг҃у моему, но да будетъ всяко помышленіе твое дневное, и нощное, стобою вдн҃ь судныи, азъ бо гдⷭу бг҃у моему служу, и тому единому молитву свою возсылаю, вдни, и внощи, тебе оупражняющу.

менеже милующу, и укрепляющу, за многую благость, и милость иди за мною сатана, и вся непріязненая твоя, и противная сила, яко благословися, и прославися, пречтсе и великолепое имя твое, отца и сна и стаго духа, нне и присно и во веки веком, аминь.

Молитва, на путь идущему, или на войну.

Влко гди хрте бже наш, иже ходивый с рабом своим іаковом, и странствовавый, а мир на земли помилова, и прошение дарова, иже и аз грешный молюся и глю. о пресладкій ісе сне бга живаго. буди вмое путно шествіи, милостив, и невидимо наполни творче мой благ нвны. и подаждь ми црю члколюбче путь добрый, и правый, безкотный, и безразный, и всякия притчи сохрани, и защити всемощною десницею, силою чтнаго и животворящаго кста. и моление пречтыя ти мтре и прчти кстля іоанна. заступление безплотных агглах, и матвами стых аплах, и прркх, и мчникх, стлей же, и првных, и мчнцх, и жен постницх, со всеми угодники возсылающими тебе славу и благодарение честь и поклаияніа, во веки веком, аминь.

Молитва, вторая. ктомуже путному шествию.

Гди бже наш, ходивый с рабом твои іяковом странен быв со отроком твоим іосифом, иди нне со мною грешным, неключимым, имав и извлави вако от напастей, и от всякого труда вмиру, и водраьне устрои всяку правду дѣющи по заповеди твоей. исполни житейски, и нвны благ. и бывшу ему на пути, паки іболи радостию воврятися в дом свой, цѣлу, и здраву, яко твое есть црьствие, и сила и слава отца и сна и стаго духа. нне і прно и вовеки веко аминь.

Сия, молитвы глати. егда гром возгремит.

Стх стх стх седяи в грому, обладавый молниами. пролиявый источники на лицы земли. о вако страшный. и грозный, сам суди окаянному диаволу звесы. а нас грешных спаси, всегда и нне и прно и вовеки веко аминь. Умъ прпвен, самоизволен. честь от бга отечеству избавление. нне и присно и вовеки веко, аминь

Молитва ктомуже грому.

Бже страшный, бже чюдный, живый вышних седяи на херувимех, ходяи в громе обладая молниами, призывая воду морскую, и проливая, на лицы всея земли, бже страшный, бже чюдный сам казни врага своего диавола всегда и нне и присно и вовеки веком, аминь.

(л 690).

Матва болящему ушима, и главою и животом.

Хрстос истинный бг наш, иже возложивый чтный и животворящій кст на адамову главу. и твоею силою адам не поболе, ни главою ни очима, ни животом, и исцеливый слепа рожденнаго свои мазанием, такоже и нне вако исцели раба своего имрек животв его и главу здравы сотвори, такоже и очи. и да видети тебе истиннаго бга гда нашего іса хрста. да прославится имя твое стое, отца и сна и стаго духа. и нне и прно и вовеки веком, аминь.

(л. 459 об. — 460 об.).

Никтоже может от страшливых три сие вещи сохранити, токмо велеумнии и водріи. сирѣчь црьское приближеніе, морское плаваніе, ко врагом противленіе. Отцх мя роди. аз же родих жену себе. жена же моя родиша дети дети же мои родиша отцу моему мтрь.

Ни небо, ни земля. ни паки животно видом свѣта. понеже раждаются птицы черномрачны. главы суть красноовразны. два зазирают. тіи созидаю един повелевает. от нихже чады приемлют пищу. и

одѣѧнїе, и бцртво нбное входѧ и кнѧтїѧ на себѣ видѧтъ.

Неродивыисѧ оумре. толкъ. адам. родистасѧ неоумроста. то. енохъ и илїѧ. оумреже неистлѣ. толкъ. жена лота праведнаго. Моисей вчертозѣ. толкъ. взѧтъ дши аароонова вкравїицѣ нарецѣ моисеѧ. Паке вдѣвка. толкъ. по аплꙋ, павелъ бѣ дѣвственъ. и потомꙋ нареченъ бысть юношею. Соломонъ набоинꙋ шелъ, толкъ, соше хртосъ на брань со дїѧволом. Двдъ женитсѧ толкъ хртосъ цркбь поѧлъ. Адамъ вскатѣхъ. толкъ. каинъ снъ его сестрꙋ свою поѧ за себѧ. Река среди морѧ тече, толкъ, вмирѣ апльское оученїе. живо во огни скачетъ, толкъ звѣрь соломандрикъ, во огни бывъ незгараетъ. Адъ ѿ смерти погиблъ. толкъ. распѧтїемъ хртовы. а смерть ѿ дїѧвола. толкъ. дїѧволъ во юдꙋ вниде. а дїѧволъ безвѣсти попранъ бысть. толкъ. смертїю хртовою дїѧволъ погибе. среди морѧ кртъ. толкъ. моисей море чермное жезлом раздели. верхꙋ горы рѣка. толкъ. поземлею гра. восїѧ сице. то. хс измертвых воскрсе. мертвїи падоша. толкъ. ызыцы востанїем возрадовашасѧ. А живїи падоша. толкъ. жиды невѣрїемъ мертвы быша.

(л. 498 — 504).

Сказанїе ѡ щилове митрѣ квеликомъ новѣ градѣ.

Бѣ ввеликомъ новѣградѣ, при архиепископѣ великаго новаграда иѡаннѣ. нѣкто посадникъ рекомыи щилъ. имѣѧ оу себе сна единочада. живꙋщꙋ же емꙋ вбогатьствѣ мнозѣ, имѣѧ оу себе сребра много. мнози же кꙋпцы людїе неимꙋще кꙋнъ, прихождахꙋ кнемꙋ потребъ ради, на торговлю сребра прошахꙋ кꙋны, и приношахꙋ кнемꙋ за многое сребро. и даѧхꙋ емꙋ на четыринатце гривенъ, и начетыри денги, по одной деньгѣ наго. аболѣ того лихвы ѿнюдъ не имаше. и того собранїѧ оу себе щилъ имѣѧ многое множество и оумысли въ себѣ и восхотѣ на то кꙋпное собранїе воздвигнꙋти цркбь каменнꙋ, и оградити мнтрь, ѿ града далѣ ꙗко поприща два. и принедъ сотщанїемъ на особно мѣсто на лꙋгъ близъ рѣки волхова, тако во нарицаетсѧ. и прїиде ко архиепкпꙋ со тщанїемъ града того прѧти блгословенїе, любезно просѧ оу архиепкпа блгословенїѧ по своемꙋ хотѣнїю ѡ созданїи церкви во имѧ пречтыѧ бцы чтнаго и славнаго еѧ покрова. архиепископъ же по прошенїю его дастъ емоу блгвенїе на таковое великое бжественное дѣло, и ѿпꙋсти его смиромъ. онже изыде ѿ архиепкпа радꙋѧсѧ ѕѣло, ꙗко оулꙋчи желанїе своего хотѣнїѧ. и прише вдомъ свой хвалѧ и славѧ бга. и посла сна своего, срабы своими наѧти дѣлатели многи длѧ поспѣшенїѧ церковнаго. сынъ же его наѧтъ дѣлатели многи. онже даѧше искꙋсно на собранїе дѣлателемъ наемъ неоскꙋдно, и потребнаѧ ꙗже годѣ. дабы имъ вто ненегодовати на господина своего. чтобы дѣлꙋ ѿномꙋ поспѣшенїе, и оугодно было зданїе црковное. дѣлатели же наемъ вземше оунего и начаша запасы всѧкїѧ готовити, и мѣсто ѿно оутверждати крѣпостїю великою, и кирпичь, і известь, и каменїе, и всѧ ꙗже на потребꙋ къ созданїю црковномꙋ. и абїе дѣлатели оуготовиша всѧ ꙗже на потребꙋ ко основанїю црковномꙋ, и пришедше возвѣстиша щилови. онже слышавъ ѿ дѣлателеи радости исполнисѧ, и паки иде ко архиепкпꙋ, и молѧ его и челомъ биѧ емꙋ тщательно со оусердїемъ. дабы архиепископъ ехалъ, и начало основанїю церкви положилъ соборнѣ. архиепкпъ же слышавъ ѿ него таковаѧ. давъ емоу блгословенїе. а самъ восхотѣ по его моленїю ѣхати на основанїе црвки. онже щилъ изыде ѿ архиепкпа, і иде вдомъ свой, ивземъ потребнаѧ, и ехавъ на оуреченное свое мѣсто, и постави трапезꙋ велїю пищꙋ и питїе доволно. ꙗже сꙋть на ѡснованїе оучреди. архиепкпъ же моленїѧ его непрезрѣ. и прїиде на ѡснованїе ц҃ковное со ѡсщенными

собора, и сии наводи мнози гради того. и абіе архиепкпъ, на томъ мѣстѣ начало шснованію оною церкви положи. црь же по совершенію основанія црковнаго моля его дабы брашна вкусилъ на его трапезѣ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со множествомъ народа. и одаривъ его црь дары великими, и ѿпусти его смиромъ вскорѣ. самже црь оста тоутъ на своемъ мѣстѣ. и дѣлателя вельми оупокои. и поуждаше ихъ на церковное зданіе, посвѣщенія ради церковнаго. архиепкпъ же прибѣхавъ вдомъ стыя софѣи неизреченныя премрости бжіи. и пріимъ книги чтяше правила стыхъ аплъ, и стыхъ ѿцъ. и нача оумомъ негодовати, что далъ благословеніе црю на воздвиженіе церкви, и основаніе положи, а вѣдыи црла яко много имать неизреченное богатьство, влихву даде многимъ даяй сребро свое. и о томъ извѣстно неиспыта ѿ него. ѿ коихъ сокровищь собранія своего хощетъ црь таковое великое бжественное дѣло сотворити и о томъ архиепкпъ вто время великои скорби бысть. дѣлатели же вельми спѣхаху церковнымъ зданіемъ. по нѣкоемже времени дѣлатели совершиша церковь. црь же многія радости исполнився о совершеніи церкви оноя. и повелѣ сну своему, и рабо своимъ ѿ своихъ избытковъ оуготовати на трапезу пища и питіе многое довольство. онже обилно изготовиша пища и питія. онже сотщаніе и великимъ оусердіемъ иде ко архиепкпу и пришедъ ко архиепкпу, моляше его поклоняяся ему и гла. стыи яко за молитвъ стыхъ ѿцъ, и благословеніемъ твоего стльства. многое хотѣніе покоищу моему, совершена бысть црквь оноя. пріиди стыи вако, и освяти храмъ въ славу хву бгу. и пречтыя его мтри. архиепкпъ же восхотѣ сотворити волю его. и повелѣ ему втаиную полату внити. вопроси его въ духовнѣ и любезно гла. повѣждь ми чадо бга ради, нужда бо ми належи. скорбію великою зѣло оуязвляюся душею тогда невопроси ѿ тебе, егда пришелъ вдомъ стыя софіи неизреченныя прмрости бжія. и смиренію нашему и блгвенію, проси оу насъ нашего смиренія и блгвенія, на шснованіе на воздвиженіе црквы пртыя бцы, чтнаго и славнаго ея покрова. и азъ тебя ѿнюдъ неоскорби. и потвоему изволенію. благословенія сподоби невозбранно. оу тебе господина и сна нашего смиренія невопросих. ѿ коихъ сокровищь собранія твоего сицево дѣло начинаеши, и азъ о то вельми скорблю толико время. и да возжя и оумомъ оужасаюся. писано бо есть ѿцъ сна своего ненаказуетъ на гладъ дша его вметается. а любяи сна своего наказуетъ ѿ смерти дшу его свобождаетъ. и ѿ адскихъ вратъ заключенныхъ бгъ его избавитъ. повѣждь ми чадо бга ради, онже ѿ радости страха и оужаса исполнився ѿ глемых ѿ архиепкпа. и гла ему стыи ѿче согрѣшшихъ прости мя. во много время мнози ко мнѣ прихождаху просити потребны ѿ мене взяти. овъ на куплю. инъ наистребная домови своему. азже не презрѣ ихъ никогдаже даяхъ и сребро свое комуждо поихъ довольно. а ѿтого оу нихъ на четыринатце гривенъ и на четыре денги. взимахъ всѣхъ по денгѣ на годъ и того велики господине преосвященныи архиепкпе всобрани много литръ сребра оу мене и азъ не вѣмъ что ми на то сребро собранное сотворити. и азъ оумысли во оумѣ своемъ, восхотѣхъ создати храмъ въ славу хву бгу. и пречтые его мтри и оградити волостью покоищу моему. а тебѣ гдну тогда невоспоминаху и себѣ извѣстно. и нынѣ что ми велиши стыи ѿче и гла ему архиепкпъ, оуподобися чадо небесным честию взяти ѿ мене блгвеніе на таковое великое дѣло бжтвенное. и нынѣ повелѣвати чадо, иди вдомъ свой, и повели оустроити оу зданія своего вертѣпъ гробъ и возми срачицу и сквни. и вся иже суть на погребеніе мертвы. и повѣждь вся своя таиная ѿцу

своемꙋ дꙋховномꙋ. и вꙋпогребальни лѧзи, всозданїи своемъ во гробѣ ѡно ꙗже оустроити повелѣлъ. и повели нагробное ѿпѣти. и о семъ бгъ намъ свѣдый тайнаѧ срцъ нашихъ. елико хощетъ, то и сотвори. а ꙗ чадо по бжїю смотрѣнїю еже на насъ соборнѣ совершаетсѧ. ѿ исправленїѧ бжтвенныхъ аплъ, и бгоносныхъ ѿцъ преданїю, ко ѡсщенїю цркви готови бꙋдемъ. елико аще изволитъ бгъ, то и сотвори. цщилъ же рыдаѧ и плача, не восхотѣ стлѧ преслꙋшатисѧ повелѣнїѧ его. вскоре оустроити вдомꙋ гробъ, и погребальнаѧ приготовити велѧ, ꙗже на потребꙋ впогребенїю. таже оустроено бывши. ѡнже абїе по исповѣданїю ѿца своего дꙋховнаго повелѣнномꙋ ѿ стлѧ оустрои всѧ ꙗкоже повеленно бысть емꙋ. и абїе соборне пѣвшꙋ нанимъ нагробное пѣнїе, емꙋже тогда бывшꙋ вогробѣ прешимаи положенїе. и внезапꙋ оусне вогробѣ и почи. и не обрѣтесѧ гробъ его прединими и лежащаго внѣ. бысть втомъ мѣстѣ пропасть бездна. стль же прїиде тогда на ѡсщенїе цркви, помоленїю прошенїѧ цщилова. и видѣ страшное ѡно и оужасное видѣнїе. ѿ страха оужасесѧ архиепкпъ востраснѣ бысть. и разꙋмѣ прочто ѿ начинанїѧ своего. и повелѣ иконописцꙋ написати вины на стѣнѣ видѣнїе повѣдаѧ ѡбраза цщилова во адовѣ днѣ всего нагробо его. не ѡсщеннꙋ црквь повелѣ стль запечатлѣти, дондеже изволитъ гь бгъ. смотренїѧ своего чловѣколюбїѧ. и ѿиде вдомъ стѣи софїи премꙋдрости бжїи. сынови же его рекомаго цщиловъ тогда вѣлицѣмъ недоꙋмѣнїи бысть скорба и сѣтꙋѧ ѿца лишенїѧ внезапꙋ. и прїиде ко стлю ища спасенїѧ и помощи лишенои дши ѿца своего. и припаде вногама стлю кланѧющисѧ емꙋ глѧ стлю великїи даждь ми помощь ѿ печали. и помози лишенїю ѿца моего. чтоми велиши великїи господине, то и сотворю. стль же великими наказанїемъ повелѣ емꙋ впостѣ и во бдѣнїи пребывати. и заповѣда емꙋ глѧ, ѿселѣ повелѣваю ти на всѧкъ день на, м дней. и оу

четыредесѧть церквей, даждь сщеннико съ причетники оуроциѧ довольно, ꙗже сꙋть сорокоꙋсты. да втѣ дни на всѧкъ день по, м. панахиды, и литоргїи пѣти неизмѣнно. и втѣ въ м. дни, во градѣ, и по монастырех. и нараспꙋтїѧ немощнымъ, ни алчна ни жадна, ни гладна, елико по силѣ твоей дай милостыню, и препитай елико ти возможно. тако милостыни ѿ смерти избавлѧетъ, и по смерти помощь содѣваетъ и на нбо возводитъ, и дондеже тако, м, дней совершивъ и прїиди ко нашемꙋ смиренїю, и возвѣсти ми о семъ. снъ же цщиловъ слыша ѿ стлѧ таковыѧ радости многи исполнисѧ и паки поклонисѧ емꙋ до земли сплачемъ глѧ. ей чтный ѿче добрѣ совѣща сей совѣтъ. [illegible] даровал ми елико господине сила моѧ може, срадостїю заповѣди твоѧ сотворити потщꙋсѧ, и иде ѿ стлѧ, вдомъ свой, и вса повелѣнаѧ ѿ стлѧ, м, дней совершивъ непреложно со всѧкимъ оусердїе и бодростїю. и прїиде ко стлю. ꙗже по повелѣнїю его сотвори. стль же тогда ѿ клироса своего архидїакона тайно понаказавъ посылаетъ. и запечатлѣнной церкви распечатавъ, повелѣваетъ емꙋ нагробомъ, идѣже пропасть, и стѣнное писанїе разꙋмно зрѧ и оумомъ внимаѧ. и паки тое церковь повелѣ емꙋ запечатлѣти. да соглѧдавъ известно повелѣ емꙋ возвѣстити себѣ о семъ ꙗже видѣ на стѣнномъ писанїи. архидїаконъ же по повелѣнїю стлѧ соглѧдавъ ѡ немъ нагробо, и на стѣнное писанїе, и видѣ цщила вогробѣ и зъ гробомъ главою внѣ ада и возвѣсти о семъ стлю. стль же паки снꙋ цщиловꙋ повелѣ по прежереченномꙋ дрꙋгꙋю, м. дней такоже сотворити, ꙗкоже напреди изъявленно снꙋ цщиловꙋ сотворити по повелѣнномꙋ ѿ стлѧ. снъ же цщиловъ дрꙋгꙋю четыредесѧтницꙋ такоже сотвори по прежереченномꙋ, и возвѣсти стлю. стль же паки посла архидїакона своего соглѧдати о немъ нагробомъ, и на стѣнномъ писанїи. и видѣ цщила вогробѣ и з гробо внѣ ада до

пояса. и возвѣсти стлю ѩже видѣ. стль же паки повелѣваетъ сн҃у щилову по прежереченному. и третицею, л҃. дней такоже сотворити. снъ же щило третицею паки сотвори по повелѣнному ѿ стл҃я. и повѣда стлю, стль же паки архидїакона своего посла согладати ѿ немъ на гробо, и стѣннаго писанїя архидїаконъ же видѣ настѣнномъ писанїи щила во гробѣ всего внѣ ада, и тѣлесы всего во гробѣ цѣла видѣ на верху земли, ѩкоже положиша его во гробъ и пѣвше надъ нимъ. и сїя вся возвѣсти стлю. нѣцыи же глютъ ѩкоже трижды заповѣда архиепкпъ сну щилову наго. а по-
сту надпь литоргїи пѣти. и тако три годы творяше и слышавъ стль, ѿ архидїакона. и прїемъ извѣщенїе ѿ бга. м҃. сорокоустовъ подвизается запечатлѣнной церкви, ко ѡсщенїю црковному со тщанїемъ соборнѣ. и подъемлеся сицеваго чюдеси хотяше видѣти. и абїе самъ стль видѣ вся сїя своима очима, ѩкоже повѣда ему архидїаконъ. и нагробо пѣнїе нащиломъ стлю соборнѣ пѣвшу. да црковь освятивъ велию бу хрту бгу нашему. и пртѣи его мтри. и ѿтолѣ оустроися мнтырь щиловъ нарицаемыи. идѣже и донынѣ стоитъ.

VI.

Изъ Цвѣтника по Синод. рукоп. XVI в. № 687.

(л. 66 об.).

Прж. А се прѣнье земли с морем. земля рече азъ есмь мати члвко, и бци, и аплмъ. и пррко. и стымъ моужем. и раю плодящемоу цвѣт всемоу. рекше е ѿкоущье, а ты море волноуем мти еси пресмыкающимся гадом. и лоукавому змию иже роугаетсы животны и скотомъ, и нестроиному вѣтроу и прочим гадом, море рече земли. а мти тебѣ, аще ненапоена боудеши мною. то не можеши плода дати о себѣ никоего, ни раю своима створити. ни сама лица своег оумыти.

(л. 84 об.).

В нѣкое время въ црградѣ собазнишася людье, и пѣша ѿ вознесения гня до велико цря феѡдосья. сты бе. сты крѣпкы. сты бесмртныи. сты распятыи. помилуи ны. и в то время жена нѣкая роди ѿроча и восхищено бы на нбса в тои час. и тажде абье ѿроч-
то сниде на землю, и ста сре собора и прогла к народу. поите беспрклада сты бже. сты крѣпкыи сты бесмртныи помилуи на ами. ѡни ѿтоле начаше искати кни, и оумудриша велми.

(93 об. — 94 об.).

А се иное чюо Александра:

Бы нѣкто александръ Македонскыи. бы в рахманстеи земли, и рече иде рѣка индѣискою. в неиже живе звѣрь велии. мѣра высота его велика .д. саже глотае слоны, а на сеи рѣцѣ страны тоя живоу моужье, а на странѣ жены, а всходятъ вмѣсто совокупленыи ра мца иоулии да авгоу, живу вмѣ. м. дни. и па разидутъ. а живу мужье сженами своими. л. лѣ. и приживу двое дѣти. моужеск пол и женеск да посемъ не совокоуплають сженами своими. но живу аки агглы бнѣ по-

ствтъся. и молять бгоу днь и нощь, а ни отрю ни свю, идь их отрех индийский. и окоще. то. и ида. а инъ поспевае бжиею влгтью, а когда сходятъ мужье сженами своими. и тогда река та пересыпие и звѣрь тои неисходи во.

Сказание о еппѣх.

Ввифлайдѣ градѣ бы нѣкто народии иже лжесмирее приң, и шед постриже во иночский обра. а о злых своихъ дѣ не преста, слѣчижеся вто время еппу града того оумрети и яви стоу моужю аггл гнь иди поноуди люди народника поставити еппомъ града что и шед створи тако, поставиша народника еппо. градѣ томѣ. нача народии высокомдрти. и кичити и предста предниамъ аггл гнь. и рече народникѣ. что величлешися оклаяние лицемѣре, воистинноу недостои еси стиньства, но град си такова плач достои. и вы когда оузрите недостоинаго црѧ ли кнзѧ, ли еппа. и вы ся томоу не дивите. бжия промысла не ослоуите поне по нашимъ дѣло такова властелина посылае въ на на по грѣхо наш.

О клеветницах.

Нѣкотории клеветници списаше лжа словеса на еппа, и даша црю костантиноу црь же костянти посже их огне. и рче имъ не подобае намъ вѣдати стиных дѣ ни явити их мирьски члвко да не соблазнятъ чавци, но аще бых самъ вѣда еппа блоуд творѧща, то покрылъ бых перфирою своею прегрѣшенья его:

(107 об. — 108).

Чюдо Комы и да.

Яко въ град корсуни бя овчина гостиница, оу нѣкоего мужа людие пиаше .з. дни, а на. и. днь приидоша людие пити, и рече и осподар оуже нѣ пия. они же глоумяся взе ссудъ вели воды. и ставъ поп и дастъ вси по стькляници. и нача гати трорь стмоу комѣ и даинѣ. и преложи вода вкино они прославиша бга и стоую безмедникоу комы и дамяна. и пиша ссоу тои ве град. ві. дни. а ссоуд полнъ, та начша безумнии члвци, гати праздная словеса неподобная, и то ради и погибе о них вино. яко о адама раи. то ради вра во брашнах не гате скверная слове, ни вою не творите, а стиници своя оучите но пи во славѣ бию,

(132 и об.).

О хромо и о женѣ веглвѣ.

Хромѣ нѣкоемоу члвкѣ бывшю. и женѣ вегласнѣ. сѣдящи и оу вра стго мины црквн, и инѣ мнози сѣдящи исцѣлея ради. та вполоунощи яви и стыи мина. рече хроцѣ хощешили здравъ быти. иди ими нѣмоую женѣ за горта то исцѣлееш а женѣ рече иди ими хроца за ногоу то проглаголеши, аще ли се не створите то не имате здрави быти, хромець приползши име нѣмоую за горта она же нача кричати, хромець о страха вскоч и побѣже. поилста же в совѣ яко здрави бы. стго мины. иже на них бывшее чюдо прославиша бга и стго минѣ и идаста радуя во своя:

(139 об. — 141).

О чюдесѣхъ морскихъ.

Влѣ ҂з.... егда црткобаста про и флорина, вѣжащи госте поморю понескомоу в велицѣ галилѣи (sic), бы в нем дшь. ф. ис поганскых стра въ оузатинскии градъ. рѣше в костянти град, выша в корабли то вси языци погании. но равѣ в нихъ г. члвки рода критьска и мно имѣнье имоущьи то ради и свѣщаша на нихъ погании извриноути ихъ ис корабля в тоу нощь онѣ спящи и изметаша их погании вморе. они бродящи в мори, и начаша вопити велми гласо вадко ги ісе хе помози на грѣшны и избави ны о глубокия поучины. единже о нихъ не плѣвы бродити на водѣ и скоро потопе, а онѣмъ плавающи и абье ковури каме велн изь дна моря и начаша пред ними плакати аки гора велия

ѡни приплыше и блѣши на каме то по прославиша га бга наше. абье вни дхмъ аки стрѣла бѣжаша под нима по морю каме той, бывшю дни ѡня сѣдящи на камени чюдящи и славиша бга помыслиста ѡ оутопше брате свое, сѣдящима има, и восплый ки вели вельми страше и положи главу свою на камени то и ѿверзе оуста своя аки пропасть велика. ѡни восписта сѣдя на камени мняще яко пожрети ихъ хоще, и се абие изиде изъ оустъ китовыхъ оутопшии другъ ихъ неся живецъ тяже. ѡна два радовастася и мнѣста ія что е ѡнже поня и (другии) своя и па пред нима со слезами, ѡна два начаста плакати ки же погибе ѿ них в мор. ѡни воспроси е глщи гдѣ еси бы милы на кра, ѡнъ рече къ чревѣ китовѣ бы есмь. его еста видѣли к неже корабль вели зело со члвки мртвыми товару мноѐ множство азже та сѣдя аки во мѣ плачуся егда положста главу свою на камени сем, и ѿверзе оуста своя тогда же а начаху все видѣти к рыбѣ той и взяху тяжкии меше и изидох скоро и нея, ѡна вонаста вельи гласъ. вели бгъ крестьянскии чюна сѣ дѣла е. ѡже ѿверзъ и меше обрѣше нихъ зла. ѡни начаша радовати каменже аки стрѣла бѣжа скоро под нима ве вѣтра повелѣнье вни бѣжа два дни а на г. де оузрѣша бре и град и возрадоваше вельми. егда приплыта ко гра оузантииском и прославиша ба, гражене вси стекоста на вышее что, и повѣдаша бататаму кнзю своему, и слыша се ватала кнзь оузантинскии и посла по них скоро они егда слеше скамени на бре несящи меше полнъ зла. каменже ѿплы к море и потопе си же пришедши ко ватала кнзю, исповѣдаша ему все бывшее, ѡнже почюся прослави ба. по множѣх же днех ѡни погани приплыша ко брегу и граду, а и их иметаша искорабля. сна вси г текоша ко кнзю и исповѣдаша ему враги своя, кнзь же ватала повелѣ. г. срыти в дому свое. а их повакее на ѿкѣ, сѣдящи и оу кнзя за обѣдо, кнзь повелѣ ѡнѣ тре внести ниже враго свои. ѡни скоро внесоша в полату, кнзь же рече и доваите госте пити, егдаже принесоша къ ни стькляницами. поганий оузрѣвше их, и абье полѣчош оу них и рукъ ножи и лжицы, и сѣдоша аки мртвии. кнзь рече ним. почто гнѣваете на мя ниже не вѣмѣ они оустрашьше что рещи. кнзь повелѣ поганых вметати в море, да оумроу сею смртью не знающи бга. а товарь их властъ. г. тѣ они же погубше свое и взеше а прочее раздаша нищи маломощны и прочее.

VII.

Изъ Житія Исидора Юродиваго, нарицаемаго Твердислова, по рукоп. Графа А. С. Уварова, XVII в. № 164 (въ 4-ку).

Чюдо стго ѡ коупци. его же стый избави ѿ глоубины морьскыя.

Слоучися оубо нѣкоемоу коупцоу града того внемже стыи живяще иже бяше. по морю коупль творити. и плоющимъ имъ к кораблю. и внезапоу кораблю ставшу и волнами развивающоу и оуже всѣмъ смрти ожидающимъ оумыслиша же корабленици. яко да жребии. того ради корабль ста. и паде жребий на ѡного коупца и всадиша и на доскоу и вргоша его вморе. корабль же скоро съ ѡного мѣста поиде... ...ничто же зла пострадавшоу. ...оутопающоу ...вълнами в мори носимоу. и житии всего. ...же ...ша. и ни ѿ кого же помощи надѣющуся и се внезапоу предстоя емоу блаженныи исидор по морю

ыко по соухоу ходы. и приимъ за роукою коупца. и рече емоу знаеши ли мя ѿ ч҃лче купецъ же едва тъкмо прогл҃а. ѿ рабе бж҃ии юродивый исидоре. иже в нашемъ граде. жительствоуаи. помози ми ѿкаанномоу. и избави мя ѿ горкиа сея смрти. и не ѿстави мене въ мори семъ погрузитися ст҃ый же изятъ его ѿ глоубины морьскыа и послждае его на досцѣ ѿнои. и скоро по морю въслѣд корабля гнаше. и вдасть того вкорабль цела и невреждена ни чимъ повѣдае же ему ст҃ый. ыко никомоу же. сего повѣдати доидеже ѿ живота сего ѿиде ст҃ый приде же коупецъ тъи вдом свои радуяся и славя бг҃а, и никомоу же повѣда но гл҃а нѣкаа бж҃твенная сила избави мя изглоубины морьскїа. и егда же сретааше ст҃го на оулицах градскых юродство творяща ст҃ын же оукрепляа его мимоидыи гл҃лаше ему никомоуже повѣдати на море бывшаго. ч҃лкъ жъ тъкмо въ оумѣ прославлѣаше бг҃а и оугодного его исидора. и никомоуже смѣаше повѣдати чюдесе но по преставленїи ст҃го всѣмъ явьственѣ проповѣдаше.

VIII.

Изъ Житія Никиты Столпника, Переяславльскаго, по рукоп. Графа А. С. Уварова, XVII в. № 423 (по каталогу библиот. Царскаго № 127).

Чюдо, ке ст҃аго никиты:

Нѣкїи ч҃лвкъ, земледѣлецъ живыше ввеси нарицаемѣи волиинѣ і оупражнышеся суетными сего мира сирѣчь овлшебствы, и по времени восхотѣ пострищися вла. врѣ ст҃аго никиты, и получи ѡблещися во ѡбразъ минишескїи. і по времени ѡбители тоя ігумен сподоблыетъ его служьбою цр҃ковною, сирѣчь понамарствомъ, і не остася обычая своего мирскаго, тоиже волшебствы. творяше втаи, и много люди прелщаше, своимь лукавство из града і извеси снемощными прихождаше ко ст҃ому никитѣ, ісцеленїя желаше получити, ѿ тяжьскихъ недугъ і болѣзней, мужи и сженами и дѣтми, сеиже чернецъ рекомый понамарь, осуетишася своимъ невѣдением, начаша гл҃ти людемъ нелѣпыми гл҃ы на ст҃аго, что всуе, и мзду погубляете, приходите ко мнѣ, мнѣ еще вмире живущу, многи есмы болѣзни оуврачева, и дх҃и нечистые свои колшебство прогонылъ, не токмо ч҃лвко но и скотомъ помоглъ, великому же чюдотворцу никите, попустившу ему на время, случися принести изграда нѣкоему крестиянину ѡроча свое злѣ болѣзнуемо, ѿ дх҃а нечтаго, и принесоша его ко столпу ст҃аго, и на образъ чюдотворцевъ оумилно взирающе, і теплы слезы іспущающе, і на ѡроча свое смотряше, оному же злѣ болѣзнуему. сїи же понама гл҃ше ч҃лвку тому, что всуе труждаешися. ты бы его ко мнѣ принесъ, і азъ бы ему посовилъ, сему же кр҃тьянину горце стенюще ѿ печали своея, и размышляюще онъ всердцы своемъ, кое оулучити ко ст҃ымъ ли ити молитися или ко обавникомъ, ст҃ый никита чюдотворецъ помоги моему маловѣрию, і исцели ѡроча мое ѿ зѣлныя сея болѣзни, оному же понамарю по обычаю к службе готовляше потребная, и у игумена ѡбители тоя благословлышеся благовѣстити кслужбе, і случися ему противъ дверей цр҃кoвныхъ сторонний, ѿ полудне ити, ыко и противъ грова чюдотворцева быти и внезапу восхити его ыко звѣна буря, и подыме его ѿ земля ыко лакоть единъ, и оудариша его о землю, емуже возопившу і злѣ іспусти дхъ свой свелики вопле издше....

IX.

Изъ Лѣчебника по Синод. Рукоп. XVII в. № 481.

(л. 77 — 77 об.).

Оука как волосецъ лечи.

Преже вомни масла ростоваго наговори на масло сія слова есть море окиянъ на томъ море есть мостъ золотой седитъ на не члкъ золотой стружетъ стрелы золотые и стреляетъ иравба бжіа імркъ прико і причю і шепоту і волосатикъ прикосъ нощной і дневной полуденной і полунощной і водяной и древяной сруки иснога, и о кости і о могу і со всехъ судъ его дай бгъ рабу божию імркъ на здравіе і на спасеніе а говорити те слова на певное масло на широкіе нагретое да стружки строгати настругомъ намелко черемховые.

(л. 119 об. — 122).

Аще кого змия оуястъ атурнонъ стерши рекше воробьевъ щавей смешал сводою испити, молитва ста апла павла коли члка охатитъ змія вомни сосу чистъ и влей воду чисту и молибу сию гли на водою тою и напой болящаго и помажи ему место идеже есть оуяденъ аще ли есть подалеку оуяденныи и такъ что сотвори побеждакшаго напой и помажи по образу болящаго или пошли к болящему и исцелеетъ больныи. рекъ начало трстое і по Отче нашъ тро Аплу слава і нне. заступнице хртьяно Ги помилуй ві. таже молитву сію. Во имя Отца и Сна и Стаго Дха апабе преже нареченныи савлъ бывыи хулникъ и гонитель каменіе побивая чтныя сосуды стаго дха ниже равъ уоістовъ и аплъ понесши юзы и скорби многи имыии его ради и к грана секилинска і достигшу полпаія острова изыдоша искорабля. изыдоже и а собрати рождие е возжетити огнь і нлезе о теплоты ехидна и секну мя к руке десную аже име дха стаго поспешника и ха пособствующа отрясох змію висящу о руки моея навосходящей пламень изгоре до конца и зла ничтоже пострада о нея и помале водремахся сномъ и явимися архаггелъ Гнь михаилъ и возгласи мя паке паке рабе хртовъ востанъ пріими книгу сію и обрящеши внеи воображеніе написано не о едино страждущие но и о многе и востанъ пріях книгу юже ми принесе аггелъ и разгнухъ ю и обретох в ней написано имущие сице заклинаю вя шедесятихъ и пяти и половину роды звериныи и ползущии по земли вга нашего Иса Ха вга сотворшаго нбо и землю и море и вся иже в нихъ повелениемъ его выша. і к престолу его неподвижимыи во огненую реку исходящу о понетиы Гда нашго Иса Ха и выя небныя силы и во множество стыхъ его прровъ и аплъ і стле и прпбныхъ и праведныхъ арх...имшихъ власть о него наступати на змія и на скорпія и на всю силу вражію и міо вредящую и василиска и аспида змию облаковидную змію огневидную змію власиновидную и змію двовосходную змію вранновидную змію слепую змію стрелную, змію черную змію трегламную оуядающе жены ехидны мерскую имущи ядъ к десной руце еж не и скорпію дхновеніе діяволе і весь родъ зміинъ ползущи по земли од. и кд. родовъ негиблющеся вредящи члки и

скоты идѣже присвѣетъ прошенія стыя бца и млтва стаго апла павла дшетлѣнный змїи да оупразнится оумретъ бредивыи звѣрь каковъ любо есть да оумертвится абїе бреждення ѿ него телесная язва да нсцелиетъ і бреждены зд акъ ѿходя славяще ѿца и сна и стаго дха и стую гжу бцу и стаго апла павла во вѣки аминь. і по ѡктеныи ги помилуи .м. за болящаго і ѿпуст..

(л. 124 об. — 125 об.).

О хмелю какъ хмель водити чрез хмельникокъ чюжихъ взяти кореня тайно да покинути по яйцу на мѣсто да нтти домой а идучи домой неоглядывати назадь да гдѣ метати хмельникъ и ты очерти. Г то мѣсто и на старой свой хмельникъ. и ты топоромъ или косою ѡчерти и мечючи кореніе оучерты говори то ярыи хмель тебѣ ѿ меня ѿходу нѣтъ нихто тебя не оукраде или извлудитъ или хто порти или поганъ хто на тобою что нарядн или самъ кому коренія или хмелю дамъ а то тебѣ ѿ меня ѿднако ѿходу ѿ меня нѣтъ нигдѣ нихкому атое черты тобѣ пути нѣтъ, да стоя на западной сторонѣ хмельника на чертѣ на востокъ лицемъ чере хмелин зря начертити накрестъ стоя внутри хмельника тѣмже чѣмъ и ту черту черти да пошелъ впосолонь лицемъ по той по ѡдной чертѣ да ставъ на чертѣ к полунощи хребтомъ а на полъдйнь лицемъ по той по ѡдной чертѣ да ставъ на чертѣ к полуноцпи хрепто а наполъдень лицемъ да ставъ начертнти кргъ потомуже да среди крга на обѣи мѣстех на крестах мечетъ кореніе а нагоборитн что тебѣ ѿ меня ѿходу нѣтъ.

(л. 126).

О крови. Аще оу кого кровь потечетъ носомъ мечючи зря бочи ему рече сне во дни ахаба царя не высть дождя на землю три годины и ѕ мцъ земля же имѣдѣла нбса ѡжелѣзнѣша источницы замыкашася и ты кровь стани а не кани.

(л. 127 об.).

Аще кровь потечетъ износа или враны перекрести ножемъ г рану і гли сіе гь бгъ прія вребра своя и якоже онъ неоустрашися язвы ражеся и оусше яко лозныи прутъ оувяде во имя ѿца и сна и стаго дха нинѣ і присно і вовѣки вѣко аминь.

(л. 129 об. 130).

Кровь оуняти раиная сѣченая или колотая гли на рану вуи врагъ окаянныи не садися на моемъ нвѣломъ тѣле выти тобѣ оубитому окаянной дія.. волъ кровь горячая раленся вмоемъ вѣломъ тѣле на вся на д стороны сими словами и ѿ раныся ѕаговори ѿ всякія

(л. 150 об.—151 об.).

Ѿ оусовеи. Ги ісе хе сне бжіи помилу раба бжія, імркъ сподоби его блгослови ѿче есть море золото на золотѣ море ѕолот корабль на золотѣ кораблѣ ѣде стыи николае помогае рабу бжію імркъ ѿ оусовеи есть море золото на золотѣ море золото древо на золотѣ древѣ золоты птицы носы желѣзны и нохти желѣные дерутъ волочатъ ѿ раба бжія імркъ нямхи на волота есть море золото на золотѣ море вѣлъ камень на белѣ камени сѣдн красная двца спалицею желѣзною тепетъ оборонне ѿлучаетъ ѿ раба бжія імркъ оусови нахн на волота. Есть море золото на золотѣ море золотъ корабль на золотѣ кораблѣ ѣде .л. царей и .о. црнцъ помогаютъ рабу бжію імркъ ѿ оусовеи. есть море ѕолото на золотѣ море золо корабль на золотѣ кораблѣ ѣде стыи николае ѿборяетъ морскую глубину поннмаетъ желѣзные врата а залучаетъ ѿ раба божія імркъ оусови аду вчелюсти.

(л. 163 — 170).

Ѿ трысавицы млтвы.

Примори черне стои столпъ каменнъ к стопѣ сѣ-
ди стыи великїи аплъ сисинѣи ири аплъ стыи сисинѣи
вомутится море до ѡблака и изыдѹ изморя. ві.
женъ простобласых окаяннїи дияволїе видѣнїе они же
рекоша мы есмы трясавицы дщери ирода царя і во-
проси их стыи сисинѣи окаяннїи дияволи почто есты
сѣмо пришли они же рекоша пришли есмы мучити родъ
члческїи. аще кто на нерепие тѹ емуся і прївїемъ і пома-
емся и того мучимъ аще кто завтреню просыпаетъ а
бгѹся немолит. а прадышники не чти а блудъ твори і вста-
кая пїетъ і ястъ рано что есть нашъ оугодникъ и
помолися бгѹ стыи сисинѣ гi ги избави рода сего
члвческа ѿ окаянныхъ сих дияво і посла к немѹ хс
.в͞і. аггла, сихаила іаноса и .д͞х. еvлистовъ. лукѹ
марка матфея іоанна і начаша их бити .д͞. ми дубъ-
цы желѣзными и дающи им по три тысячи ранъ на днь.
онижe начаша молитися имъ стыи великїи аплъ сиси-
нѣи и сихаило и апо и .д͞. еvлисты лука марко мат-
фей іоанъ немучите на гдѣ ваши имена стые за-
слыши прославися к которо родѹ того мы родѹ бѣ-
гаемъ за .г͞. дни поприщ і вопроси их стыи аплъ си-
синѣи и сихаило что ваша сѹть дїяволи имена едина
рече мнѣ есть имы, тресея. вы рече мнѣ есть имы,
гнѣвы, гнѣвы же есть аки пещъ смолными дровы ра-
спалаѣся такоже рожетъ телеса члвческая. третьяя
рече мнѣ есть имя ледѣя, ледѣю же аки ледъ студе-
ной та знобитъ ро члвческїи не може то члкъ ни в
пещи согрѣтися .д͞. же рече мнѣ есть імы гнетея
гнѣтеяже лежится оу члка подребры взбиваетъ оу-
тробѹ аще хто хоче ясти да ястъ но идши конъ оу
того (ч) идетъ. е͞. же рече мнѣ есть имы грынуша, та
ложится оу (ч) вгрудехъ плече гноитъ исходи охра-
ко ѕ͞ же рече мнѣ есть іма грынуша та ложится
оу члка во главѣ оуши закладываe и главѹ ломи то
(ч) глухъ бываетъ .з͞. же рече мнѣ есть имя ломея
ломея же ломи аки сильная бурѧ сухое древо і ты
еси окаянная ломея таже ломея ломи оу члка ко-
сти и спинѹ .и͞. же рече мнѣ есть имя пухнея аки
лобичья плюче (?) надымается такоже пущает отекъ на
ро члвческїи. ѳ͞. же рече мнѣ есть имы желтея жел-
тея же рече аки желтыи цвѣ в поле .і͞. же рече мнѣ
есть имы коркуша та есть всѣх проклятїе смычетъ
ручныя жилы и ножныя вмѣсто аі же рече мнѣ есть
имя гледея та есть всѣхъ проклятїе в нощи члкѹ
сна недаетъ и бѣси приступаютъ к немѹ и самъ смѣ-
шивлется тотъ члкъ. ві же. рече невѣ (sic) сестра имъ
старѣйшая плясавица коя оусѣкнула главѹ іоанѹ предтче
и та есть всѣхъ проклятїе поимаетъ (ч) не можетъ то
(ч) живъ бытї. аще случится нѣкїи священникъ творя
сїи млтвы на главою болящаго (ч). трясавицею. Во
имя ѿца и сна и стаго дха окаяннїи трясавицы за-
клинаю вы сты великимъ апломъ сисинѣемъ і стыми
еvлисты лукою маркомъ матфеемъ іанно сия млтвы
глы ты еси окаянная трясея ты еси окаянная
гнетѣя ты еси окаянная ледея ты еси окаянная гры-
нуша ты еси окаянная глухѣя ты еси окаянная ло-
мея, ты еси окаянная пухнея ты еси окаянная жел-
тея. ты еси окаянная коркуша ты еси невѣ се-
стра старѣйшая заклинаю ва стымъ великимъ сихаи-
ломъ і апломъ сисинѣемъ і .д͞. ми еvлисты лукою
маркомъ матфеемъ іоанномъ побѣжите ѿ раба бжїя
імркъ за г͞ дни и поприщъ еже паки непобѣжите ѿ
раба бжїя імркъ призовѹ на ва великаго апла си-
хаила і сисинѣя и д͞. х еvлистовъ лукѹ марка матфея
іоанна и оучнутъ ва мучити дающи вамъ по д͞. ты-
сячи ранъ на днь нетѣ священникъ проговоря сїи
млитвы і даю болящемѹ водѹ пити скрта крстъ всей
вселеннѣи хранитель крстъ есть црквамъ красота, крстъ

аплом҃ъ похвала, кр҃тъ есть цр҃е держава кр҃тъ кр҃тьяном оутвержение, і недуго исцѣление и оукрашение кр҃тъ есть ѿцемъ просвѣщение кр҃тъ бѣсо прогонитель кр҃тъ есть трясавицам і идоломъ прогонитель кр҃тъ есть рабу бж҃ію імркъ сгражение аще кто сію м҃лтву на собѣ носитъ или хто приходитъ ко сщ҃еннику свѣрою а оучи̑ вѣрою со кр҃та воду пити і будетъ здравъ і исцѣленъ всегда і. ни̑ѣ і прно і вовѣки вѣкомъ аминь.

М҃лтва ѿ трясавицы.

Во имя ѿц҃а и сн҃а и ст҃аго дх҃а ко ст҃ую великую пятницу егда распяли жидове гд҃а нашего іс҃а хр҃та онже на кр҃тѣ вися дрожжалъ жидовеже окрестъ стоя смѣяхуся и г҃лающе о чем іс҃ъ дрожишъ іс҃ъ же а рече в себѣ не дрожу немощи ради студеныя но страсти ради великія, і паки іс҃ъ самъ о себѣ молящеся ко ѿц҃у рече ѿч҃е молюти даси всѣмъ страсть мою поминающим м҃лтву сию носящи при собѣ ѿ всѣх трясавицъ избавлени, іс҃ъ рече заклинаю вы трясавицы иже .з҃. мь сестръ дневныя и .г҃. дневныя, і они вси нудя раба бж҃ія імркъ кр҃тьянска чтобы естя ѿ него ошли вси ѿселе не имѣсте власти ни мучити престали бы естя заклинающе вл҃ бгомъ живым бг҃омъ истинным бг҃омъ ст҃ымъ чтобы естя отошли ѿ сего раба бж҃ія імркъ кр҃тьянска, воимя ѿц҃а и сн҃а и ст҃аго дх҃а амин бѣжите вы трясцы о того раба бж҃ія кр҃тьянска еу̑лие в новое мя пре враты галилейскими лежа петръ поло трясцъ о м҃ти бж҃іи рамышляше і пріиде к нему іс҃ъ і рече ему ѿч҃е петре лежишъ петръ ѿвѣща гд҃и полонъ есмь трясцъ і рече ему здра будеши востакже петръ и дравъ высть ѿ трясцъ и молися петръ гб҃и г҃и іс҃е хр҃е молютися даси всѣмъ имя твое призывающим епистолію сію на собѣ носящим ѿ всѣх трясавицъ іс҃ъ назарянинъ жидовскіи. Аще кому буде трясца то напиши на ледвія ч҃лку кресто, родися бг҃ъ прославися кр҃тъ водрузися и сатана свезася. А кому буде трясца то напиши на яблоцы; т҃ в҃ р҃ х҃. ноти никосвосъ. М҃лтва ѿ трясницы на горѣ фаворстей по дубо. мавріиски ту сѣдяху сихаилъ михаилъ и ту собрашася вся силы нбныя аггели и архаггели херувими и серафими .а҃. идутъ з҃ дѣвъ простовласы нбепоя и они имъ мовя кто вы естя дѣвы оніже рекоша дщери есмя царя ирода гдѣ идѣте идемъ вмир костей ч҃ческих ломити и тѣла их томити и они имъ дали по ҂а҃ ранъ желѣзны дубцы да вверган и ко огненое море недай бг҃ъ вамъ бывати изоогненнаго моря ни вроду ни в племяни ссврашася силы нбныя аггели и архаггели херувими и серафими ѿгнаша ѡ раба бж҃ія імркъ. М҃лтва ѿ трясцы г҃и бл҃гови ѿч҃е геотефе отекуте кусите кое фотѣие принеси мене тафовъ ст҃ый сихаилъ архаггелъ избави гд҃и раба бж҃ія імркъ толокъ ч҃лк родися бг҃ъ прославися крестъ водрузися бѣси бѣжитеся ѿбѣжи бѣсъ кизиму. Ѿборогуши афенка тугл и лефигути и ту бумашку сыести написавъ.

(л. 175 об.).

Аще гдѣ змію обрящеши, г҃ли сіе горѣ водвиже моисей на копіи исцѣленіе тлетворнаго избавленія ядовита оугрызенія. и древо ѡбразомъ кр҃та по земли пресмыкающася змія кязай очерти землю ѡкру ея истого мѣста неможе никакоже выти

(л. 211 об.).

Мечь оумолвити и онъ несечѣтъ, кованъ еси врасамъ еси оловянъ а срце твое вощано ноги тво каменны ѿ земля до нбсъ неоукуси мене аки песъ отай ѡба есмя ѿ земля коли оусмотрюты ѡчима своего брата тогда оубоится твое срце моих ѡчей оусмотренія ты вощанъ.

(л. 213 об.—215 об.).

А огородъ почати пахати марта мца въ .е. на стаго конана днь хотя бы еще зима была а ты таки на то днь хотя пенегꙋ закопай только почни на то днь то бепеременны ѡгородъ добръ втомъ ѡгородѣ овощꙋ много бꙋде что коли посѣешъ или посадишъ.

Волчьи кожи доспѣй решето о л диръ, и сѣй всякія сѣмяна да непотворя нивы ни птицы неядя. А коли росадꙋ моро бие и ты вставъ до сонца и посыпь тꙋ росадꙋ попело сердиты ино морозъ не бие. А коли капꙋстꙋ черв бие и ты вомни вѣникекъ то которы вѣнико влѣте кони ѡбмахивают, ѿ комаровъ и ѿ оводовъ тѣмъ вѣнико покрапливай капꙋстꙋ ино червь гинетъ. А коли цыбꙋлю червь ястъ и ты полей цыбꙋлю росоло черлены ино черкь игние а цыбꙋля бꙋде чиста. Аще черкь нивꙋ вие гли не вейте черки невѣште нивы сея ревины озими сѣрая черкь и бѣлая и малая и костеники подите вы черки на запад слнца на зеленꙋю дꙋбровꙋ на ѡсиновый листъ аще вы не поидете а сего непорядите черки сея нивы озими спꙋщꙋ на вы птицы крила желѣзные а ноги бꙋлатные почнꙋ вы врати черкь сѣрꙋю и бѣлꙋю и малꙋю и костяники породꙋ вашего небꙋдетъ и вы подите черки сего недожидайтеся сея ѡзими здолои а сия ѡзими корень твержае вамъ камени и кремени. а горчае смолы и сѣры, гли .г. Аще начне медвѣдь качати нивꙋ каковꙋ любо то взе коневью головꙋ валяющꙋю и ткни среди нивы какъ тебя никтоже невиди пре солнцомъ на колѣ а долꙋ зꙋбы а хотя и горѣ. Аще коровей или иные птицы начнꙋ досадати нивꙋ что пакинꙋ кость носити нощию какъ бы неочючила ни птица ни звѣрь ни члкъ и ѡбойди нивꙋ посолонию. г и положи кникѣ а люво птица взлѣти ино ѡпя иди домой. Аще ꙋсеницы ядятъ капꙋстꙋ и ты вомни ꙋсеницъ с чюжаго ѡгорода да свари смолочие и покрапливай ꙋтре рано капꙋстꙋ изомрꙋт ꙋсеницы. Аще начне клоповникъ вь нивꙋ мѣтатися. то вомни камень і положи верхꙋ клоповника и обойди вꙋтре рано до солнца яко невидѣти никомꙋже і положи камень ѿколѣ пошелъ клоповникъ погине.

(л. 216 — 218).

Егда хошъ рожъ класти прежъ покинь .д. каменевъ .д. жеребьевъ олховых а молвити такъ мышемъ камень ты бы хлѣбъ а древо волога. Заколико лѣ обновляется крꙋ. А коли ч. плюе вокно ꙋтого ч. звѣрь лови животинꙋ хотя бы і проме люцкое животиною ходила его животина тое примѣты берегися не плюй вокно. А коли ꙋ кого ско мрет и ты сꙋмерлово вели кожꙋ содрати и продати и что возмешъ за кожꙋ и ты вели за тѣ денги кꙋпити сковоро желѣзнꙋю и вели на ней печи что хошъ мясо или рыбꙋ или что хошъ памятъ найлꙋчшии и чтося пригоди и ѣжъ сне что хошъ а скю твои стѣ мѣстъ не мретъ и дракъ бꙋдетъ. Аще хошъ скота много держати то медвѣжью головꙋ пронеси сквозѣ ско на ивань днь до солнца и вкопай посреди двора ино скотꙋ бꙋде вестися ꙋмедвѣдищи ѿсеки негꙋ и погреб ю посреди двора добро бꙋдетъ. А коли члкъ хочетъ ѿведе стеречися на свадбѣ или на пирꙋ или гдѣ хто свадꙋ вдомꙋ има или пир найдиже перкїе рябинꙋ клѣсꙋ надꙋбовой колодѣ нарыдаи стое рябины посошекъ сꙋвлинъ крѣпко какъ ꙋжъ повѣсне ѡкою порꙋ надѣешся кокꙋшке закоковати вꙋ порꙋ ходи стѣмъ посошко верхꙋ нислны рябиновы и в которо мѣсте на перкие заслышишъ кокꙋюи і ты также держишъ посошокъ то рꙋкою также крꙋцѣ держишъ и ты поле рꙋкъ ꙋто посоха заве сверхꙋ и сыпедꙋ то жеребей и ꙋкни онꙋ половинꙋ жеребей посꙋхо ꙋдверей а дрꙋгꙋю половинꙋ подле дрꙋгꙋю половинꙋ ꙋшака

ѹва полъ дверей втой хороминѣ к которой хочешъ свадбѹ рядити или пиръ втѹ хороминѹ никакоже вѣдьма не може внити вдвери і воротитсѧ а тѹ непоидетъ и около ложи всѧкїя тѣмъ посошко рябиновы добро ходити и около поля ржа то жита неястъ. добро та рябина себѣ во дворѣ посадити и держати того для очемъ вверхѹ писано. Ѿ порчи молитва гдн. гн ісе хе сне божїи помилѹи раба бжїя імркъ гн блгови ѿче архаггели агели гнии михаил и гаврїилъ оурїилъ и рафаилъ иже зрят вдвери гня держа скипетры в рѹка еже храня ложе гне видѣ силъ множество архагге і рекъ проклѧните диявола и онъ не прикоснетсѧ к рабѹ бжїю ни вдн ни вноіи ни на пѹти ни вкое мѣсте но соблюди гн ісе хе млтвами пречистыя ти мтри і всѣхъ сты аггелъ всегда и нне и прно і вовѣки вѣко аминь.

(л. 241—244 об.).

Гди блгослови ѿче. гн. ісе. хе. сне бжїи помилѹи мя грѣшнаго стыи гдрь іванъ оучитель наоучи на гди дѣлъ добры творити помилѹи на бже какъ стаскѣ и зоря и сьлнце и лѹна и звѣзды какъ взошло красное слнце на ясное нбо и ѡсвѣтло всѣ звѣзды і всю рѹскѹю землю и сщнныя црки и митрополиты і владыки и игѹмены и сщнникї и весь миръ и всѣ крстьянѣ стыи гдрь спсъ и стыи гдрь архистратиг михаилъ помилѹи гн менѧ імрк грѣшнаго ѡсвѣти гди менѧ імрк кнѧземъ и боярамъ і властем и тиоуномъ и недѣльщиком и их дворяном и гостем и мѹжем и женамъ и всемѹ православномѹ крстьянствѹ чтобы нравло на сем свѣте и на вся часъ и на всѧко времѧ и на всякое срце. и всякїя ѡчи моемѹ срцѹ імркъ ѿ всякогѡ зла и злых ѡчеи закрой гдрь михаилъ архаггелъ своею ризою нетлѣнною раба бжїя імркъ и какъ входя вворъ вире лѣвою ногою впоро вворота

и какъ ѿворя ворота ино ѡперетисѧ к правѹю верею воротъ правы плечемъ и молвити вся млтва і неперекрестисѧ и молвити стыи гдрь спсъ и стыи гдрь архистратиг михаи закрой гди ѿ лиха члка и супостата на всякъ ча и на всѧко времѧ і нне и прно и вовѣки вѣко аминь. Оука ѡ всякихъ травах. трава всякая добро рвати на ветхѹ лѹтче, онѣ живѹтъ ко всяким болѣнем. Началокъ земли втравахъ црь есть сиятари трава таже ѿ шести листех первои сн. в. и червенъ. г. и желтъ .д. и багровъ, на івановъ днь вечеръ имати сквозѣ гривнѹ златѹ, или сребряну есть покорене тоя травы члкъ а трава та выросла оу него иребръ вомни члка того разрѣжи емѹ перси и выми срцо его аще комѹ дашъ срца то игласнетъ неготовѣ аще ли еси великаго ро восхотѣлъ то бѹдетти жена. Глава его аще мѹ жены нелюби. то вомни главѹ его постави противѡ мѹжа. аще оувидит любити иначе паче первого деснаяже рѹка его добро аще которая жена ѿ мѹжа блядетъ или мѹжъ ѿ жены то стерши мизинымъ персто дай пити. лвїе ѡхапитсѧ аще оу которыя жены дѣтей не бѹдетъ печени члка того сварити в молоцѣ и пити пѡтри оутра иначе серце бѹдети отрокъ прежде пото двца. Трава деглевина ростетъ по лѹга ѿ .е. ти верха макѹшекъ а по последнем макѹшке тоже цвѣт во всяко треста а последнїе ѡтрости по .е. листовъ, а имати ея наковалницѹ и межѹ ковалницею и нетрокы днемъ а иногда емлютже аколи ея хотя имати ино очертити крѹ лѹгѹ; или гдѣ кѹстъ дѣглевинкъ стоитъ приче нивѹди а говорити есть тѹтъ матка трава а мнѣже или намъ надобе. Есть спѹнь трава росте по лѹгамъ при холмѹ такъ росте какъ гречка а цвѣтъ какъ щавье а росте в колѣнѡ иниже а стопица переслѣгобата межъ колѣнцы брюшка а листъ оу нея какъ зогзицынъ трава долга а кончи стоит

вяла листъ висит какъ слнце сяде а какъ слнце взоде и листъ стои а сама трава черна. Полотая нива рвала вялю рано вози тѹ травѹ имый ея чистыми руками хвататати ея доколѣ ея возмешъ в рѹкѹ и ты тѹтъ покинь золотых или денгѹ сребрянѹю да чтобы оу тобя железа ничего небыло. а поклекни на колѣно да говори. .е. ю Отче нашъ да .е. ю авимария а хвататися поклекнѹвъ на колѣна да обертити ея в тафтѹ черчатѹю или бѣлѹю или черленѹю а береги ея при собѣ да берегися от смертнаго часа. хошъ итти на сѹ или на бои ино никто тебя непреможетъ.

(л. 250 об.),

Аще хошъ что рѣзати и ты гли какъ мертвои ч неслышитъ раны на себѣ какъ сѣкѹтъ и рѣжѹтъ такъ бы неслышилъ рабъ бжїи імркъ раны на себѣ и железа моего на собѣ какъ оучнѹ рѣзати раба бжїя імркъ да деревце на земли вози да вротъ дай держати какъ рѣзати оучне. а самъ гли ни искамени воды ни и мертвово дши раба бжїя імркъ крови не бѹдет.

X.

Изъ Лѣчебника по Синод. Рукоп. XVII в. № 480.

(л. 52 — 52 об.).

От щепоты и от ломѹ.

Трава вездѣ ростетъ по пожнм, и по межникомъ и по выскомъ (sic) по потокомъ, листїе росчилается по земли крѹгомъ листковъ рѹбешки, а и нея на середке стволикъ тощей прокрасенъ, инои живетъ а цвѣтъ ѹ него, какъ цвѣтъ желт, и какъ оцвѣтетъ ино пѹхъ станетъ шапочкою, а пѹхъ какъ сойде состволовъ ино плѣшки станѹтъ, а вкорени и влистѹ, и встволикѹ как горкеши, ино вних велико, ино та трава без сѹмнѣнїя добра, а кто чахнетъ, или вкостахъ болѣзнь, и зѹбы ѹ ково болятъ, от чахоты и от костяные немочи парити. всѹсле и вмолочке, или вквасѣ. да кѹшать со всѣмъ втепле на нию. а от зѹбовъ и на зѹбы кладѹтъ.

(л. 99)

О попѹтникѣ пишетъ снце, сказывалъ де винницѣанин торговои члкъ, лѹчилось имъ дорогою ѣхати стовары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дороге и чере еѣ перешелъ возъ, и тѹтъ еѣ затерло и она де ѹмерла. И дрѹгая змїя кнеи пришла, и принесла ворте припѹтникъ да на еѣ возложила, и змїя де и ожила и поползла.

От болѣзни змїева глаза.

Трава мирона что корешками еѣ красятъ пояски, и ѹница и та трава от змїева глаза добрѣ приставитъ. О томъ же. Попѹтникъ изсѹша толченой, а дрожжами карм, да к болѣзни прикладывать.